

Gefördert durch:

aufgrund eines Beschlusses
des Deutschen Bundestages

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НЕМЦЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DAS KULTURERBE DER DEUTSCHEN IN ZENTRALASIEN

АЛМАТЫ 2012

УДК 908
ВВК 26.89
К90

К90 Культурное наследие немцев в Центральной Азии

Сборник научно-исследовательских статей на русском и немецком языках. – 1-е изд. – Алматы, 2012. – 240 с.

ISBN 978-601-7182-09-0

В сборнике «Культурное наследие немцев в Центральной Азии» представлены немногие из славных имен немцев - специалистов различных областей науки и практики, государственного управления и общественных движений, добросовестно и честно выполнявших профессиональный и гражданский долг. Надеемся, что книга станет востребованной и внесет заметный вклад в развитие гражданского общества и углубление казахстанско-германских отношений.

**Сборник издан при финансовой поддержке
Федерального Министерства внутренних дел
Германии.**

**УДК 908
ВВК 26.89**

ISBN 978-601-7182-09-0

**© АООНК «Возрождение», 2012
© «Deutsche Allgemeine Zeitung», 2012**

Предисловие	4
Генерал Кауфман и первые преобразования Туркестанского края.....	8
В долине Зайлийских гор немецкие сады и парки.	24
Одиссея Готфрида Мерцбахера.....	40
Фридрих Вильгельм Радлов - знаток культуры и языков тюркских народов.....	56
Евгений Михаэлис, прообраз нигилиста Базарова.....	64
Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии».....	80
Дипломат, путешественник, исследователь.....	96
Величайший знаток народов Востока.....	112
Vorwort	124
General Kaufmann und die ersten Neuordnungen der Region Turkestan	128
Gärten und Parks im Tal des Transili-Alatau	144
Die Odyssee von Gottfried Merzbacher.....	160
Friedrich Wilhelm Radloff – ein Kenner der Kultur und Sprachen der Turkvölker.....	176
Jewgeni Michaelis, der Prototyp des Nihilisten Basarow	184
Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“.....	200
Karl Müller: Diplomat, Reisender und Forscher.....	216
Georg Goens: der größte Kenner der Völker des Ostens	232

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начиная с середины XVIII столетия немцы стали мигрировать на территорию Средней Азии и Казахстана и ныне составляют компонент полиэтнического населения края и соседних стран. Первые иностранные и миссионерские путешественники проникали в край в период правления императрицы Екатерины Второй с целью составления географического, историко-этнографического и экономического представления об Азиатской России.

Среди них вспомним исследователя Сибири Г.Ф.Миллера и организатора первых поселений Иртышской линии И.Д.Бухгольца, участников академических экспедиций П.С.Палласа и И.П.Фалька; в начале XIX столетия открытия в науке совершили крупнейшие немецкие ученые А.Гумбольдт и К.Риттер, ботаники К.Ф.Ледебур и А.И.Шренк, омский гарнизонный лекарь Ф.К.Зиббер-штейн, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф.Генс, военный топограф-картограф, генерал-лейтенант Г.К.Сильвергельм.

Литературные произведения С.Герберштейна, И.П.Бларамберга, Н.К.Витзена, Д.Г.Мессершмидта, Ф.И.Страленберга, В.И.Даля знакомили общественность с историей, языком и укладом степных народов, открыли потомкам «Родословное древо тюрков», составили «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Военно-статистические обозрения Степного края», ставшие общечеловеческими памятниками истории и культуры.

Богатые недра неизвестного науке края привлекали исследователей, среди которых немало ученых-геологов, топографов, инженеров: история развития города Риддера, одного из крупнейших центров полиметаллического производства, связана с именем немецкого горного инженера Филиппа Риддера; золотодобывающую фабрику в г. Степногорске построил Г.Шпрингер; сантонинный завод в Чимкенте - В.Пафф.

Вхождение Казахстана в состав Российской империи явилось объективным результатом развития социально-экономических и геополитических процессов на континенте.

Первые поколения немецких мигрантов, вошедшие в историю страны как российские немцы, были представлены военнотрудовыми армейских и казачьих полков, гражданскими чиновниками областных правлений и лицами свободных профессий. Они были уроженцами Прибалтики, происходили из среды остзейского, отчасти петербургского, дворянства, двух вероисповеданий - католического и лютеранского.

Остальные были частично выходцами различных немецких государств (под эгидой Пруссии, национального объединения в 1871 г.), также Польши, Швеции, Нидерландов, Бельгии. Баварцы, саксонцы, мекленбургцы в Степном крае, иные этносы, по данным переписи 1897 года, составили не более 7049 жителей, с преимуществом в Акмолинской области (67,9%) и наименьшим количеством в Семиреченском крае (0,6%).

Офицеры второй половины XVIII столетия служили на отдельных участках российских пограничных рубежей, были командирами крепостей, руководили меновой и транзитной таможней. Среди них на Ишимской линии Я.Боувер, на Оренбургской - М.-И.Траутенберг, на Уральской - Ф.Медер.

Основатели азиатской школы - Н.Штрэндман, казачьего училища - Г.Глазенап, драматического театра в Омске - И.Шпрингер, библиотек на Рудном Алтае - К.Бер, школ в Петропавловске, Семипалатинске и Павлодаре с введением преподавания европейских языков - К.Фрауендорф, Г.Веймарн, И.Шпрингер. Словом, это была интеллектуальная элита в составе Азиатской России.

Благодаря присущим немецкому народу волевым качествам, трудолюбию, целеустремленности они добивались высот в политике, армии, администрировании, занимали

ответственные посты на государственной службе. По воспоминаниям генерала от инфантерии И.Ф.Бабкова о многонациональном составе высших начальствующих лиц Западной Сибири, «...все они, по происхождению, принадлежали к иностранным народностям, и большинство были иноверцы. Корпусной командир генерал Г.Х.Гасфорт, военный губернатор области Сибирских киргизов П.Ф.Майдель, оба немцы, лютеране... Таким образом, по приезде в Омск я сразу попал в какую-то немецкую колонию. Для меня, как вновь приехавшего, свежего человека, более всего казалось странным, что здесь, на этой далекой окраине Русского государства, носителями русского знамени, представителями русских государственных начал и русской народности были немцы и поляки».

Наиболее активным освоение Азиатской России стало с образованием в 1867 году Туркестанского края (первый губернатор К.П. фон Кауфман) и в 1882 году Степного края (среди губернаторов - М.Таубе). В славном ряду начальников края, начальников штабов, атаманов казачества находим имена губернатора Туркестанского края Н.Розенбаха, военных губернаторов Семиреченской области А.Я.Фриде и М.А.Фольбаума, начальника Алатавского округа Н.Е.Фридерикса, председателя Семиреченского областного правления П.Эйлера, уездного начальника Аулие-тинского уезда В.Каллаура, атаманов казачества А.Принца, А.Гринвальда, Э.Гильде, И.И.Ишервуда, И.Фридландера, генералов и офицеров А.Циммермана, В.А.Гойера, А.Каульбарса, М.Лерхе, Э.Баумана, Э.Раддаца, В.Флуга, Г.Штакельберга.

В славном ряду ученых-первооткрывателей Центральной Азии середины XIX - начала XX столетий - имена путешественников А.Шренка, В.Радлова, А.Каульбарса, А.Регеля, Н.Зеланда, К.Шарнгорста, В.Бартольда, А.Бернштама, Г.Мерцбахера. Значительных успехов в торговле добились купцы и торгово-промышленные предприниматели Г.Дюршмидт, Л.Зальм, Р.Шуберт, Ц.Гентшель, И.Краузе,

Г.Шот, Н.Тейх. Среди чиновников, врачей и провизоров, учителей, лесоводов, топографов, инженеров, архитекторов - немцы К.Рейнфельд, братья Э. и О.Баумы, К.Штольц, М.Гаккель, И.Генкгузен, Л.Гринцевич, Э.Штеддинг, И.Карк, В.Фишер, Д.Шнайдер, А.Юнгмейстер, О.Рейнгардт, В.Ропп, К.Фабиан, Б.Шлегель, Ф.Шмидт, Л.Эггерт.

В книге «Культурное наследие немцев в Центральной Азии» представлены лишь несколько славных имен незаслуженно забытых российских немцев - специалистов различных областей науки и практики, государственного управления и общественных движений, добросовестно и честно выполнявших свой профессиональный и гражданский долг. Мы надеемся, документальные очерки, представляющие исторические, этносоциологические и культурологические исследования, станут востребованными и внесут вклад не только в развитие гражданского общества, но и в углубление казахстанско-германских отношений.

Многие годы Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» сотрудничает с Федеральным правительством Германии в рамках Казахстанско-Германского соглашения и программы по поддержке этнических немцев. Мы сердечно признательны Федеральному Министерству внутренних дел Германии, благодаря финансовой поддержке которого стало возможным издание сборника «Культурное наследие немцев в Центральной Азии».

Владимир Николаевич Проскурин, писатель-краевед, заслуженный деятель Республики Казахстан, профессор истории университета «Туран», академик МАИИ.

ГЕНЕРАЛ КАУФМАН И ПЕРВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

Туркестанское генерал-губернаторство (1867-1917 гг.) было началом административно-территориального деления Средней Азии и Казахстана [1]. Край возглавляли губернаторы, одновременно командующие войсками края, и войсковые (на местах - наказные) атаманы вновь образованного Семиреченского казачьего войска из Сибирского казачества (центр - станица Больше-Алматинская). В духовном отношении в г.Верном открыта православная Ташкентско-Туркестанская епархия. Вот те главные события, которые ожидали приезда главного начальника края немца по происхождению Константина фон Кауфмана, и вместе с ним первых губернаторов областей Г.А.Колпаковского и Н.Н.Головачева.

В данном очерке будет раскрыта на основе мемуарных источников видная военная, социально-политическая, ис-

торическая, культурная - многообразная и живая роль фон Кауфмана в организации Семиреченской области и нового центра города Верного. С именем Кауфмана налажен четкий механизм всех сторон жизни верненского общества - управления, экономики, судопроизводства, земства. Весть об образовании новой области на краю империи облетела многие города и веси. Люди срывались с насиженных мест, устремлялись целыми семьями в благодатную страну Семи Рек, где, как уверяли, простые арбузы вызревают с переднее колесо телеги. И тянулись по дорогам через Омск и Семипалатинск повозки с нехитрым домашним скарбом. Шли пешком порядком тульские печники, московские маляры, сибирские кузнецы, курские землекопы, воронежские плотники - словом, рабочий люд пореформенной России. Многие из служащих отправились в неведомые земли «на ловлю счастья и чинов», другие составили канцелярию Туркестанского генерал-губернаторства.

Первые версты в Степном крае

Губернатор края Константин Петрович фон Кауфман выехал из Петербурга, выбрал путь из Омска в Ташкент, следуя через Семипалатинск и Копал. Во всех этих городах останавливался на короткое время с заботами о состоянии войск. Но в крепости Верное ему необходимо было пробыть десять дней. В Омске Кауфман встретился с А.П.Хрущовым, генерал-губернатором Западной Сибири (1866-1875 гг.), в те годы определяющим властью в крае, в том числе в Семиреченском и Заилийском краях. При встрече губернаторы обменялись воспоминаниями о петербургской жизни и рекомендациями военного министра графа Д.А.Милютин (1861-1881 гг.), ближайшего сотрудника императора Александра Второго. Также в разговоре коснулись обустройства Оренбуржья и Степного края, создания Русского Туркестана. При этом были учтены положения, выработанные

прежними губернаторами Г.Х.Гасфортом и А.О.Дюгамелем «...сделать из Верного неприступную для наших азиатских соседей твердыню». Кавалькада в несколько верст тянулась вдоль тракта Омск–Семипалатинск–Верный. Проезжающих сопровождал Г.А.Колпаковский, будучи военным губернатором Семипалатинской области. Перед путниками лежала «...громадная, ровная, безлюдная степь. Она кажется бесконечною во все стороны... Ослепительный своей белизною снег, на котором нет и предмета, чтобы остановиться полуослепленному взгляду, нагоняет ужасную тоску. Семипалатинская область занимает площадь в 385 тыс. квадратных верст, с населением в 527 тыс. жителей. Однако ни одного живого существа нет в этой громадной пустыне... Мертво и холодно...». Однако Кауфмана и его свиту встречали пышно, словно царского посланника. Священники совершали благодарственные молебствия, народ толпился на околицах станиц с хлебом-солью. Сотни степных джигитов участвовали в национальных играх, празднествах, джигитовках. Местная киргизская знать, султаны Алатавского округа ставили гостям полные восточных яств и музыки белоснежные юрты. Во время проезда к нему являлись и были представляемы генералом Колпаковским главные влиятельные лица, принявшие русское подданство.

Благодаря путешествующим город на Иртыше Семипалатинск получил меткое определение «чертова песочница». Здесь Колпаковский ознакомил Кауфмана с его деятельностью военного губернатора и местными достопримечательностями. «...В центре - крепость, кругом форштадты: Казачий, Русский, Татарский, Ташкентский. Домов каменных - 1 и деревянных -1128... Здесь находятся штабы 7-го Западно-Сибирского линейного батальона и 8-го округа Сибирского казачьего войска... На Никольской площади, перед крепостью, разведен бульвар и посажены в два ряда тополя... Лучшее здание города - мечеть, грациозна и легка, построена по рисунку зодчего Константина Тона. С ее высоких минаретов

Генерал Кауфман и первые преобразования Туркестанского края
виден весь Семипалатинск с окрестностями до далеких гор
Семитау» *(из воспоминаний А.К.Гейнса)*.

В свите и ближайшем окружении фон Кауфмана были личный адъютант А.В.Озеров, правитель канцелярии А.К.Гейнс, чиновник из Вильны Н.С.Щербинский. Среди путешествующих с губернатором состояли начальник штаба Туркестанского военного округа В.Д.Дандевиль, его помощник полковник генерального штаба М.Ф.Петрушевский, военные деятели, историки и географы Ф.Р.Остен-Сакен и А.И.Макшеев, геодезисты и топографы, картографы

Фото: Центральный государственный архив кинофотодокументов и звукозаписей РФ
Константин Петрович фон Кауфман.

Владимир Проскурин

А.П.Проценко, З.Л.Матусовский, В.А.Полторацкий, С.И.Жилинский, инженеры-строители Д.К.Зацепини С.К.Янчевский, чиновники особых поручений, военные писатели Н.А.Маев и И.И.Солтановский.

Боевые ратники вспомнили офицерскую юность. Колпаковского и Кауфмана связывала долгая дружба, возможно, с Кавказа, когда они были участниками войны против горцев (1844-1853 гг.). Константин Петрович был капитаном лейб-гвардии саперного батальона, адъютантом штаба отдельного Кавказского корпуса. За взятие аула Гергебиля получил

Фото: Центральный государственный архив кинофотодокументов и звукозаписей
Герасим Алексеевич Колпаковский.

первый орден Св. Георгия 4-й степени (11 декабря 1848 года). Возможно, что раньше, в 1842 году, когда прапорщик Колпаковский назначен Модлинским полковым адъютантом, он встретил в кругу отряда храброго полководца Кауфмана, будущего Туркестанского губернатора. С этого периода начинается совместная служба и крепкая дружба Колпаковского и Кауфмана. Кауфмана и его супругу Юлию Маврикиевну радушно приняли в семье Колпаковских. У жены Колпаковского Меланьи Фоминичны (в девичестве Эмилии Чембер) были две юных дочери Мария и Сашенька, трехлетний сын Михаил и только родившийся мальчуган Григорий. В детском кругу их познакомили с единственным сыном Кауфманов - Михаилом.

По воспоминаниям Колпаковского, в Аягузе (Сергиополе) за два дня до приезда Кауфмана его встретил полковник Д.Г.Колокольцев (*генерал Колпаковский предписал ему представлять войска прибывающему - В.П.*). В его бытность сибирские полки №№ 9 и 10 стали называться Семиреченскими и выделены в конвой губернатора Кауфмана.

Десять дней в укреплении Верном

Кауфман прибыл в Верный 20 октября 1867 года. Ему был отведен Инженерный дом на Софийском бульваре, ныне - ул. Тургенская. (*Старые здания Больше-Алматинской станции в Алматы снесены.- В.П.*). Командированным Кауфманом из Петербурга чиновникам отвели квартиры вблизи его дома. Он требовал их по несколько раз в день для докладов. Высоким гостям был дан смотр всех родов войск Семиречья, парадом командовал Д.Г.Колокольцев, исполняющий обязанности наказного атамана Семиреченского казачьего войска. Прибыли ординарцы от всех частей войск. Войсковой хор музыкантов встретил губернатора строевыми песнями. По воспоминаниям Колокольцева, «...команда войска отдала ему честь. Я, пришпорив коня, подскочил к нему с

рапортом. Кауфман выслушал с видимым особенным вниманием, принял от меня строевую записку и передал ее адъютанту. Потом, тем же шагом, подъехал с фронту, приостановился немного у правого фланга, как бы всматриваясь в людей, и затем отрывисто поздоровался с батальоном. Свита Кауфмана оставалась у правого фланга, а он один шагом поехал вдоль фронта и всматривался в каждого человека. Мои замыкающие унтер-офицеры стояли выровненными в нитку, не шелохнувшись, и у всех головы были обращены на Кауфмана. Он, выехав из-за фронта, опять отрывисто поблагодарил весь батальон. Солдаты опять дружно и громко ответили: «рады стараться», и затем вновь все смолкло, как в могиле. Тогда Кауфман обратился ко мне, руку приложил к козырьку своей фуражки и сказал: «У вас люди под ружьем стоят со смыслом».

И подъехал к батарее полковника Марковникова (из-за его болезни батарею представлял старший офицер артиллерии штабс-капитан Кулянка). Кауфман, точно также приостановившись на минуту у первого орудия и обозрев все номера орудийной прислуги, стоявшие на своих местах неподвижно, поздоровался также точно с артиллеристами, потом проехал вдоль всех восьми орудий и после того начал объезжать каждое орудие отдельно. Поблагодарил артиллеристов 10-го и 11-го батальонов (*бывших Западно-Сибирских, теперь переименованных в Туркестанские*).

После осмотра казачьих сотен Кауфман со всей своей свитой въехал в ворота крепости, оставляя за собой огромные столбы пыли. Мы, старшие из офицеров, пред тем чтобы распустить солдат по казармам, сошлись вместе на некоторое время и невольно сообщили друг другу одни и те же впечатления, которые на нас произвел новый начальник края. Солдаты, придя со смотра в казармы и пообедав, никто и не помыслил лечь отдохнуть, а все сами собой принялись за чистку амуниции и уборку, когда о могущих быть смотрах и помину еще быть не могло».

Невзирая на то, что был утомлен и дорогой, и сделанным им смотром, который длился очень долго, Кауфман, подъехав к квартире, отпустил караул и ординарцев и вошел к себе в дом.

На другой день последовало представление главному начальнику всех начальствующих лиц, которые принялись за дела с особенным рвением и с видимой внимательностью. Квартира Кауфмана по будням была переполнена должностными лицами по всем частям управлений, и особенно по гражданской части. Он принимал всех и выслушивал каждого и тотчас отдавал распоряжения, посылал курьеров в Ташкент с приказаниями для исполнения распоряжений к его приезду. В последующие дни он осматривал крепость с инспекцией - казармы управления, склады, расквартирование войск, лазарет, гауптвахту и прочее; своей энергичностью и быстротою своих действий поставил всех, как говорится, на ноги.

На гауптвахте, среди арестованных, находилось много представителей как оседлых, так и кочующих степных родов, которые внезапно делали набеги, нападали, грабили и опустошали, пускаясь на поголовную резню. Они подымали мигом все народы степные, все орды диких фанатиков, собирали их кучами в несколько десятков тысяч всадников. Преступления их совершались по велению влиятельных личностей, старшин, беков, батыров, в особенности славившихся своей отвагою. Военный суд приговорил преступников к высшей мере наказания. Однако исполнение дела было отложено до приезда нового начальника края.

Кауфман, после окончания смотра войск, на белом коне, со всей своей свитой и конвоем, явился на гауптвахту. И на виду всей массы народа, которая тянулась за ним с поля маневров, велел вывести с гауптвахты осужденных. Через переводчика объявил «о милосердии Белого Царя: на этот первый раз, по данной главному начальнику края Высочайшей власти, он Вас всех прощает и дает Вам полную свободу.

Но с тем, чтобы Вы внесли в ваши семьи и распространили бы в дальние степи, что Белый Царь даровал Вам жизнь как пример своего милосердия к своим новым подданным».

Общим смотром всех войск с артиллериею и казаками, небольшим маневром в Алматинской станице К.П.Кауфман остался доволен. Ему накрыли официальный стол в Алматинском общественном саду благодаря гостеприимству начальника бывшего Алатавского округа барона Н.Е.Фридерикса. По воспоминаниям, «...приглашенных было много. Стол приготовлен отлично; вина превосходныя от Елисеева... В кругу друзей был дан значительный концерт. Главное в верненской программе, мол, были «...фортепиано и виолончель у Алатау!»... Пока гости играли на разных столиках в карты, Фридерикс играл на виолончели, аккомпанируемый на фортепиано своею женою, баронессой Софьей Антоновной. Играл он весьма недурно». *(Отметим, что в последующие годы Н.Е.Фридерикс состоял директором Омского императорского Русского музыкального общества (1887 г.).*

Только под глубокий вечер Кауфман со своей свитой и конвоем в сотню казаков выехал из крепости Верной, обозревая окрестную местность. «...Это было время открытия Семиреченской области. О Новом городе тогда не помышляли, и все здания, базар со множеством деревянных лавок помещались в станице Больше-Алматинской... Винокуренный завод Кузнецова существовал с 1863 года, но винница была деревянная, крайне обветшала... Было укрепление, и каменные постройки возвышались, да три казармы стояли в станицах Малой и Большой. Татарская слобода была и тогда, а главное с мечетью», - писал очевидец.

Среди правительственных зданий Софийского бульвара выделялся дом начальника Алатавского округа, непременно с подворьем, ботаническим и зоологическим садом. Здесь были губернаторы Западной Сибири, принимавшие участие в благоустройстве укрепления Верное Г.Гасфорт,

К.Гутковский, А.Дюгамель и другие высокие гости. Также здесь были построены Областное правление, войсковое и станичное правление, Музей Семиреченского казачьего войска (*возведенные в разное время. – В.П.*).

По периметру Софийской площади стояли казармы 2-го батальона, гауптвахта с карцером, инженерная мастерская и швальня (что-то вроде ателье мод). Между прочим, в северо-западной части крепости Верная, которая не сохранилась в наши дни, находились два парка гарнизонной артиллерии. На зеленых лужках берега Алматинки обучались верховой езде молодые казаки. Сюда же выходили хозяйственными постройками первые городские кварталы. Правый возвышенный берег представлял собой ряд кустарных промышленных мастерских. Здесь добывали глину для кирпичного заводика инженера Леонарда Александровского. Потому место это получило название Большой лог. Казаки обустраивались выше станичных улиц, в низинах местных холмистых гор, так называемых «верненских прилавок», занимались огородничеством, сеяли люцерну (в Семиречье кормовую траву звали «клеверами». От того пошло новое название - Клеверные участки, где с годами расположился алма-атинский зоопарк). На левом берегу Малой Алматинки, которая рукавом и образовала Сорочий остров, располагалась крепость. Здесь в слободах и заимках Алматинской станицы проживало 334 гражданских жителя. Не считая многотысячного военного поселения.

Кауфманские годы

Десять дней, проведенные в конце октября 1867 года в столице Семиречья, закончились в Токмаке, куда генерал Колпаковский торжественно сопроводил Кауфмана и простился с ним. Токмак в те годы являлся границей Новококандской линии и одновременно относился в духовном отношении к Оренбуржью. К месту службы в Ташкент

Памятник К.П.Кауфману в Ташкенте.

Кауфман прибыл 7 ноября 1867 года. И каждый взялся за порученное им дело обустройства Туркестанского края.

С приездом Кауфмана транспортные и почтовые сообщения в Семиречье стали чаще, миролюбивее и свободнее. Везде Кауфман собирал подробные сведения обо всем, что могло касаться края. Входил во все восточные тонкости образа жизни и вековых обычаев жителей. Он своими распоряжениями и действиями сумел в скором времени восстановить спокойствие. Среди возможных коллег и знакомых Кауфмана, которые прибыли вслед за ним, - блистательные русские ученые, дипломаты, деятели литературы и искусства, общественные деятели.

Кауфман часто бывал в командировках в Петербурге и проложил постоянный путь через Верный и Омск. К приезду Кауфмана была возведена так называемая «кауфманская беседка», которая привечала не только начальника края, но и высоких гостей при посещении ими города Верного. Во время визита 1871 г. Кауфман «...остановился в одном из домов Нового города, который еще в прошлом году представлял пустырь, разбитый на кварталы». Город «...быстро застраивается каменными, двухэтажными домами, частными

и казенными. Этот Новый город уже и теперь представляет хорошие задатки для своего будущего развития. Он растет по часам, обещая сделаться действительно городом, а не Большой станицей, каковой был до сих пор, с ее деревянными домиками, патриархальной обстановкой...».

Совместно с Колпаковским он заложил основание городу Верному, «...стремился заселить дорогой ему край трудолюбивым и знающим русским элементом, чтобы завоевать его мирным путем и сделать через это живую и неразрывную частицей великой России. При нем в каждом уезде велись списки удобных для заселения мест, вызывались из Полтавской, Харьковской, иных южных губерний желающие переселиться. Особенно садоводы и хлебопашцы, им выдавались пособия и льготы...». В дальнейшие годы губернатор Кауфман привозил из Ташкента зеленые дары и украшал город аллеями пирамидальных тополей, шелковицы, сирени, белой акации. В частности, насадил Алферовскую рощу (ныне – Баума) хвойными, плодовыми, декоративными породами деревьев и кустарников. К.П. фон Кауфман являлся Почетным членом Императорского Русского Географического общества и председателем Туркестанского ОЛЕАЭ, общества, связанного с организацией естественнонаучных экспедиций. Вместе с младшим братом Михаилом Петровичем (1821-1902), крупным военным, государственным и общественным деятелем России, Кауфман открыл в Туркестане до 60 школ, две мужских и две женских гимназии в Ташкенте и Верном. А также организовал публичную библиотеку.

Однажды Кауфман заболел лихорадкой и лежал в верненском госпитале. В переписке с Петербургом отмечал, что здоровье его с этих пор было подорвано и нормальные условия Русского Туркестана легли на плечи его друга, семиреченского губернатора Колпаковского. С 21 марта 1881 г. по 1 июля 1882 г., а также во время командировок Кауфмана (1873-1882 гг.) и его тяжелой болезни (с 11 мая 1879 г. и по день его смерти) Герасим Алексеевич был помощником

губернатора края К.П.Кауфмана, исполнял обязанности начальника военно-народного управления (1876 г.), командовал экспедицией во время Хивинской (1873 г.) и Кокандской операций (1876 г.). Вехи, связанные с деятельностью Кауфмана и Колпаковского, были ознаменованы созданием Туркестанского края с областями Семиреченской (1867 г.) и Ферганской (1873 г.), образованием протекторатов Бухарского (1868 г.) и Хивинского (1873 г.). На месте бывшего Кокандского ханства 19 февраля 1876 года образована новая Ферганская область - самый значительный памятник деятельности К.П.Кауфмана. Дневники и воспоминания К.П.Кауфмана хранятся в ЦГИАЛ (ф. 954) и открывают службу в Туркестане, покорение ханств Бухарского и Хивинского, взятие Самарканда, крепости Махам, Зербулакских высот.

В связи с обострением ситуации на границах с Кульджой и Кашгаром Кауфман направлял в Семиреченскую область дипломатических чиновников, созывал международные переговоры, сергиопольские и петербургские съезды между Китаем и Россией. Туркестанский генерал-губернатор докладывал императору Александру Второму о событиях на границе и получил высочайшее повеление от 27 апреля 1871 г. об экспедиции в китайские пределы. В старинной казачьей песне отмечен Кульджинский поход генерала Колпаковского: «Грянем песню про былое, сердцу будет веселей, вспомним время золотое, как смирили таранчей». В 1871 году совместно с Колпаковским Кауфман принял решение об оккупации приграничных областей и присоединил в героических сражениях Кульджинский край к Семиреченской области. Были и иные подвиги во славу Отечества.

В год, когда широко отмечалось 300-летие Сибирского казачьего войска, Кауфман принял участие в торжественном богослужении в Больше-Алматинской станичной церкви и крестном ходе с молебствием вокруг Алматинской станицы. Генерал был причислен к Семиреченскому казачьему войску (18 июля 1872 г.) и носил казачий мундир войска.

В наступившем 1881 году известие о гибели императора Александра Второго глубоко тронуло Кауфмана, его поразила тяжелый инсульт, с последующим параличом. В этот период с 11 января по 21 марта Колпаковский не отходил от постели Константина Петровича. 28 марта генерал Г.А.Колпаковский возглавил Туркестанское генерал-губернаторство, взял командование войсками ТуркВО, пребывая войсковым атаманом Семиреченского казачьего войска. И пребывал в должности, прежде чем ему стать первым начальником Степного края.

Константин Петрович Кауфман скончался от инсульта и похоронен 5 мая 1882 г. в склепе, в сквере напротив Ташкентской гимназии. В 1889 году прах перенесен в военный Спасо-Преображенский собор (однако с разрушением Собора в советские годы могила Кауфмана не сохранена). Ему был установлен памятник на месте первой могилы в Константиновском саду и на Кауфманском проспекте Ташкента (скульптор Н.Г.Шлейфер); торжество состоялось 4 мая 1913 г. (памятник взорван в Советском Узбекистане 28 сентября 1935 г.). В Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области были села Константиновка и Кауфманское, состоящие из колонистов-меннонитов Саратовской и Самарской губерний. В честь К.П.Кауфмана была названа высочайшая вершина Туркестанского края (7134 м, названа в 1886 г. Г.Е.Грум-Гжимайло; 27 октября 1924 года вершина переименована в пик Ленина, ныне вновь переименована - с 2006 года это пик имени Абу Али ибн Сина, персидского врача, ученого, философа и поэта). Некогда с именем туркестанца по Волге ходил пароход «Константин Кауфман». Словом, память о К.П.Кауфмане сведена на нет. Правда, его именем названы растения Туркестана, среди них лютики, мытники и тюльпаны. Занесены в Красную книгу и сохранены для потомков иконниковия Кауфмана и кауфмания Семенова - значит он, герой нашего повествования, яркий цветок Русского Туркестана, оказался недосыгаемым для современного беспамятного чиновника-реформатора.

Примечания:

[1] Туркестанский край и первые его две области Сырдарьинская (центр края г. Ташкент) и Семиреченская (главный город области Верный, ныне Алматы) были образованы в 1867 году. Россия старалась установить и всемерно укрепить дипломатические и торговые отношения с ханствами Бухары, Хивы, Коканда, Кульджи и Кашгара. В годы правления К.П. фон Кауфмана одной из первых групп немцев, поселившихся на территории современной Средней Азии и Казахстана, были выходцы балтийских (остзейских) провинций, в т.ч. литовцы, поляки, чехи и другие приверженцы римско-католической и протестантской веры, а также военные и гражданские чиновники российских южных губерний. Отметим, население края на 1917 г. составило свыше 5 млн. человек, в Туркестан входило пять областей: Закаспийская (центр - Асхабад), Самаркандская (Самарканд), Ферганская (Скобелев, затем Фергана; с 1924 года - Коканд), Сырдарьинская (Ташкент - с 1918 года с выделением Амударьинской области), Семиреченская (центр Верный; с 1924 уезды Пишпекский и Пржевальский были преобразованы в Кара-Киргизскую Советскую автономию). Краевой съезд Советов, проходивший с 20 апреля по 1 мая 1918 года, провозгласил Туркестанскую Социалистическую Советскую республику. В годы правления К.П. фон Кауфмана в Ташкенте главным его помощником по организации управления Туркестаном был правитель канцелярии генерал-лейтенант А.К.Гейнс. 30 августа 1877 введено Городовое положение, создана городская дума и управа, в работе которой активно участвовали представители торгово-промышленного сословия, почетный гражданин, купец 2-й гильдии М.Р.Келлер и купец 2-й гильдии А.И.Розенфельд. Городским головой избран Д.И.Эссен (с 1907 товарищем (заместителем) городского головы был И.И.Шнейвас).

Но и в дальнейшем присутствие российских немцев в управлении Туркестаном было широко. Скажем, губернаторы Н.О.Розенбах, М.Таубе, А.Я.Фриде, М.А.Фольбаум, помощник губернатора В.Е.Флуг, генералы М.Лерхе, А.Каульбарс,

О.-Ф.Гриппенберг, А.Мозель, П.Рейнталь. Много было немцев-специалистов по различным отраслям знаний: химиков, ботаников, горных инженеров, медиков. Новый, большой, мало изученный край привлекал их возможностью применения своих сил и знаний. Среди них путешественник А.Регель, врачи Н.Зеланд и А.Нейгебауэр, магистр фармакологии Н.Тейх, астрономы Ф.фон Шварц, К.Шарнгорст, К.Струве, сейсмолог И.Карк, дипломат Р.Лютш, военные инженеры К.Фабиан и В.Фишер, коммерции советники Г.Дюршмидт, Л.Зальм и Ф.Зауэр и другие специалисты.

Литература:

- Н.Брио «Вершина Ленина», «Всемирный следопыт», 1925 г, №1.;
- И.Гейер «Путеводитель по Туркестану», Ташкент, 1901 г.;
- А.Добросмыслов «Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк», СПб., 1912 г.;
- Д.Колокольцев «Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцева», Москва, 1887 г.;
- М.Лавров «Генерал-адъютант, инженер-генерал К.П. фон Кауфман», Москва, 1913 г.;
- В.Проскурин «Историко-биографические статьи-справки», «Свод памятников истории и культуры города Алматы», Алматы, 2006 г.;
- А.Семенов «Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К.П.Кауфман», 1-й Кауфманский сб., Москва, 1910 г.;
- «Встреча генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана в Ташкенте», «Всемирная Иллюстрация», 1875 г, № 349;
- «Обед в честь К.П. фон Кауфмана», «Туркестанские ведомости», 1876 г, № 23;
- «По поводу назначения генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана Туркестанским генерал-губернатором», № 88, Москва, 1867 г.

В ДОЛИНЕ ЗАИЛИЙСКИХ ГОР НЕМЕЦКИЕ САДЫ И ПАРКИ

В истории города Алматы имена семиреченских ученых прошлых столетий произносятся весьма редко, но остались в географической номенклатуре, в названиях многих растений и минералов Средней Азии и Казахстана, среди редких представителей местной флоры: тюльпан Кауфмана, ель Шренка, эремурус Регеля, роща Баума... Наш очерк посвящен российским немцам, принявшим участие в благоустройстве и озеленении садов и парков, прежде всего, естествоиспытателям, ботаникам, общественным деятелям. Деятельное участие в благоустройстве и озеленении садов и парков приняли талантливые сотрудники и корреспонденты европейских ученых обществ. При невозможности упомянуть в данном повествовании всех, назовем хотя бы некоторых. Натуралисты петербургского ботанического сада А.Шренк, Ф.Фишер, К.Мейер, А.Леман, Ф.Базинер совершили немало путешествий в различные регионы Туркестанского и Степного краев, Западной Сибири, собрали ценнейшие гербарные материалы. Сбором растений занимались не только штатные ученые, но и многие жители края, их добровольные помощники. Известный систематик растительного мира Туркестана, заведующий отделом Петербургского ботанического сада Р.Траутфеттер предпринял в 1864-1884 гг. переиздание «Флоры России». В новый список вошло 6100 синонимов и новых видов растений, в основном из гербария кульджинского врача Иоганна-Альберта Регеля, под общим названием «Описание новых или малоизвестных растений».

Говоря о Туркестанском периоде (1876-1885 гг.) жизни и творчества И.-А.Регеля, отметим: ученый собрал огромную коллекцию в сотню тысяч листов по зоологии, геологии, ботанике, описал памятники природы, архитектуры, истории и культуры края. Регель не просто собрал, но по приезде домой вместе с отцом Эдуардом Регелем систематизировал

В долине Зайлийских гор немецкие сады и парки

виды и роды, описал их в книге «Acta horti Petropolitani». А благодарные потомки в память о нем прибавляли ко многим новым, ранее неизвестным науке растениям одно короткое словосочетание на латыни «*Albertia Rgl.*».

Лесоводы брата Баумы создали 27 питомников площадью в 155 десятин в Заилийском крае. Ими заложены лесные питомники, рощи и сады, завезены и интродуцированы 44 лиственных и 17 хвойных пород деревьев, 52 вида кустарника. Лучшим памятником жизни и деятельности братьев Баум стала городская роща, названная именем Эдуарда Баума.

В XIX веке Туркестан относился к Западной Сибири. В этот период реформирована Семиреченская область, в ее состав в ходе военной экспедиции генерала Колпаковского включен Кульджинский край, пограничный район между Китаем и Россией. Это был временно оккупированный восточный регион, включающий город Кульджу, уйгурские, дунганские и китайские поселения. Здесь жили кочевья казахских родов суванов, кызаев и байджигитов, численность

Роща Баума.

Владимир Проскурин

населения которых составляла свыше 46 тысяч человек. Южный участок Кульджинского края делился на волости, среди которых были жители торгоут, сибо и калмыки с населением свыше 50 тысяч человек. В занятии и руководстве краем занимали в разные годы видное положение российские немцы, губернаторы и начальники А.Я.Фриде, Б.Ф.Вартман, В.К.Герн, оказывали разнообразную помощь офицеры М.Г.Лерхе, П.Я.Рейнталь, А.В.Каульбарс, Н.Шнейдер, семиреченские атаманы и казаки А.А.Гринвальд, А.П.Принц, Э.Ф.Гильде, В.А.Гойер, Г.К.Штакельберг, специалисты – военные инженеры В.А.Фишер и К.С.Фабиан, геодезист К.Шарнгорст, астроном К.В.Струве, врачи Л.И.Мацевский, Н.Л.Зеланд, И.-А.Регель, благоустроители братья Баумы. Между

Иоганн-Альберт Регель.

прочим, врач Иоганн Регель совершил первыми археологические походы в Турфан, Шихо и Урумчи, к иным достопримечательным местам Приилийского края.

В XIX столетии Семиреченскую область опять ввели в Туркестанский край, проведя некоторые социально-политические изменения, отразившиеся на специальности «зеленостроевца». Понятие профессии имело в истории самые разные определения, что отражалось на деловой карьере. Первоначально была введена должность «чиновника особых поручений по горной части» (1867-1870 гг.), впоследствии упраздненная; в 1872 г. учреждена специальность «областной лесничий», также в дальнейшем реформированная и получившая название «старший лесной ревизор» (1895-1917 гг.). Мировая война и антивоенное восстание 1916 года, революция и гражданская война в корне изменили государственные и общественные процессы. Повлияли на судьбу братьев Баум природные катастрофы - разрушительные верненские землетрясения 1887 и 1910 гг. Бытописатель края, зоогеограф и историк науки В.Н.Шнитников вспоминал об Эдуарде Бауме: «...это был настоящий фанатик леса, дрожавший над каждым деревом так, как будто он сам его сажал и ухаживал за ним. И для него всегда было ножом острым то исключительное обстоятельство, что после землетрясения 1887 года в Верном ему приходилось давать разрешение на рубку деревьев под строительство».

Мемуарист делится курьезным случаем: «...на декабрьском 1910 года съезде чиновников области Баум решил, неизвестно уже в который раз, снова выступить в защиту леса. Он был известен как прекрасный оратор, и на его доклад собрался будто весь город. Величественным, седым, почтенным стариком он появился на трибуне и произнес горячую громовую речь о том, что в Семиречье леса имеют особое значение, что здесь надо дорожить каждым деревом и что смешно и глупо из-за какого-то страха перед воображаемым землетрясением разорять край истреблением леса, последствием чего будут засуха и неурожай... И только неуравновешенные люди могут до сих

пор думать, что если в Верном однажды было землетрясение, оно непременно будет опять. Тут он привел примеры известных в истории землетрясений, которые не повторялись сто и более лет, и закончил свою речь пламенным призывом к здравому смыслу присутствовавших и требованием к властям отменить, наконец, запрещение в Верном возводить каменные постройки и встать на защиту гибнущего леса.

Великолепно построенная и так же произнесенная речь Баума произвела огромное впечатление. Ему была устроена овация. Можно было ручаться, что его призыв будет услышан. Но речь эта была произнесена днем 21 декабря, а ночью... разразилось землетрясение, оставившее далеко за собой даже катастрофу 1887 года! Сам Баум едва не погиб, выскочив в одном белье на мороз, он схватил жестокое воспаление легких. Это поразительное совпадение прямо ошеломило всех, кто слушал доклад и содержание которого было темой оживленных бесед в городе».

С именем российских немцев, первых губернаторов и вице-губернаторов Г.Х.Гасфорта, К.К.Гутковского, К.П.Кауфмана, П.К.Эйлера начинает развиваться город Верный (ныне Алматы). Константин Петрович Кауфман во время визита 1871 года «...остановился в одном из домов Нового города (*Верный – В.П.*), который еще в прошлом году представлял пустырь, разбитый на кварталы». Городская площадь «...быстро застраивается каменными, двухэтажными домами, частными и казенными. Этот Новый город уже и теперь представляет хорошие задатки для своего будущего развития. Он растет по часам, обещая сделаться действительно городом, а не Большой станицей, каковой был до сих пор, с ее деревянными домиками, патриархальной обстановкой...».

Путешественник И.-А.Регель прибыл в областной город Верный 6 сентября 1876 года. В дорожном дневнике он отметил, что город «...устроен правильно, с вполне европейскими домами, перед которыми насажены персики и яблони. Город украшен повсюду разнообразными древесными насаждени-

Город Кульджа.

ями серебристого и черного тополей, боярышника и другие дерева». На юго-восточной окраине города путник посетил Казенный сад (ныне парк отдыха имени Горького), который занимал по правому берегу Алматинки территорию в 40 десятин и находился в ведении Верненского лесничества, под наблюдением лесной стражи местного управления земледелия и государственных имуществ, под опекой ученых садовников М.Криштопенко, Ю.Рушица, К.Штольца, А.Фетисова, Г.Игнатовича и братьев Баум.

В ту пору в Верном, по периметру Гостиного двора (ныне «зеленого базара») появились первые застроенные улицы - ныне Макаева и Пушкина, выросло около 600 домов. Стены зданий выкладывались из самана, а для создания впечатления их монументальности и прочности снаружи облицовывались жженым кирпичом. Впрочем, строились и каменные купеческие особняки в семь окон по фасаду под тесовыми, а кое-где и под железными крышами. Цветовая гамма зданий, разработанная городским архитектором Полем Гурде, неукоснительно соблюдалась, и уже по окраске стен, форме,

материалу и расцветке крыш можно было определить, кто живет в достатке, а кто в бедности...

Новый город быстро превратился в некую образцовую деревню, нежели архитектурно обустроенную столицу Семиречья. Кварталы быстро наполнялись хозяйственными сооружениями, садами и огородами. Ныне в лексиконе городских старожилов нет-нет да и всплывут, увы, отжившие свой век понятия - «роща Баума», «гора Веригина», «мост Пугасова», «сады Моисеева». Писатель П.Н.Краснов справедливо замечал, что каждый город чем-то знаменит. Дрезден – Мадонной, Нью-Йорк – статуей Свободы, а Верный - своими яблоками и ...землетрясениями. А еще живописными горами-пригорками, или «приверненскими прилавками». Самая известная вершина среди прочих звалась Веригинской (ныне Кок-Тюбе). Здесь часто отдыхали верненцы, устраивали пикники и маевки, собирали цветы - подснежники, марьи-коревны, петушки да кисличку (местные названия крокуса, пиона, ириса и ревеня), зимой осваивали горы на санках и лыжах.

В бытность братьев Баум были заложены рощи Аксайская, Каскеленская, Илийская, Каменная, Колпаковская, иные зеленые оазисы Семиречья, среди которых - Роща плачущих (Тастакский зеленый массив), с постройкой Триумфальной арки для высоких гостей Верного.

Писатель Николай Анов в романе «Азия» рассказал о трудной судьбе города после свершения революции и гражданской войны. О том, как цветущие яблони Семиречья пошли на дрова, а знаменитый верненский апорт на корм скоту. В процессе роста города и немеренных appetитов его руководителей окрестные рощи превращались в дачные участки, в заповедные места охоты на редких животных и птиц или просто, как уже в наши дни, раздавались направо и налево под виллы, игорные дома, теннисные корты и гольф-клубы. В 60-70-е годы во время строительства «микрорайонов» на плодороднейшей полосе предгорий Заилийского Алатау были окончательно вырублены последние алма-атинские сады.

Яблоки и груши помолога Регеля

Напомним читателю, естествоиспытатель, врач и археолог Иоганн-Альберт Регель родился 30 ноября 1845 года в Цюрихе, в большой семье доктора Эдуарда-Августа Регеля, директора Императорского ботанического сада. Кроме него в семье росли и воспитывались в потомственном дворянском достоинстве братья Карл-Арнольд, Андреас-Фридрих-Вильгельм, Карл-Эдуард, Роберт и сестра Юлия-Елизавета. Регель-отец был основателем первого в России помологического заведения (Петербург, 1863г.), основателем Русского общества садоводства (1857 г.) и, наконец, организатором международной выставки предметов садоводства (1884 г.), на которой широко было представлено плодово-ягодное богатство Семиречья и Зайлийского края.

«Тюльпан Регеля», монета номиналом 500 тенге, Казахстан.

Иоганн-Альберт Регель окончил университет в Дерпте (ныне Тарту) и поступил на службу врачом в Кульджинский край. Молодой врач выехал обычными гужевым транспортом из Петербурга и в конце апреля 1876 года достиг грунтовых дорог Оренбуржья. Регель совершает свои первые ботанические экскурсии в горах Каратау, достигает караванными тропами священного для Азии города Туркестана, делает историко-географические открытия.

Будучи в Верном, он, ученик своего знаменитого отца Альберта Регеля, был единственным в крае специалистом в области помологии. Регелю принадлежит научная работа «Садоводство в Туркестанском крае» (1881 г.), он дал в «Русской помологии» описание пяти разновидностей апорта, уделив внимание сорту «Александр Первый», или «кровоаво-красный», выращенному в верненских казачьих садах Е.Редько,

Н.Моисеева, С.Бреусова. У истоков гибридизации верненского апорта (или редьковского яблока), несомненно, стоял ученый-плодовод Иоганн-Альберт Регель.

После изучения огромного степного пространства, от Оренбуржья до Кульджинского края, путешественник совершает высокогорную экспедицию на берега Иссык-Куля с посещением токмакских несторианских кладбищ и башни Бурана, тянь-шанских рек Алабуги и Нарына, верховьев Аму-Дарьи, проводит экскурсии по загадочному Бухарскому ханству с остановкой в Мерве. Регель составил карту хребтов Западного Памира, описал легендарное озеро Шива. Онихидругихблистательныхпоходахпутешественникаупоминается в ботанических работах Е.Бретшнейдера, А.Бунге, Э.Регеля. В его научно-популярных книгах «Путешествие в Турфан» (СПб., 1881 г.) и «Памирские экспедиции» (СПб., 1883 г.), в увлекательных статьях журналов и газет по истории флоры Туркестанского края «Поездка в Каратегин и Дарваз» (1882 г.) и «Путешествие в Шугнан» (1884 г.) читаем о его профессиональном и дружеском общении с естествоис-

Легендарное озеро Шива.

пытателем и альпинистом А.П.Федченко, основателем ботанического сада в Ташкенте Н.И.Корольковым, энтомологом и коллектором растений, верненским краеведом А.А.Кушакевичем, инициатором создания Туркестанского отдела Российского общества садоводства, прикладного растениеводства, природных ресурсов Карлом-Теодором Иогановичем Краузе (1845-1909 гг.). В Туркестане Регель собрал чучела птиц и животных, коллекцию насекомых, гербарии более 100 тысяч листов, свыше 26 видов редчайших растений, в том числе девяти тюльпанов, написал очерки «Ботанические экскурсии от Ташкента до Кульджи» (1878 г.) и «Луковичные растения Западного Тянь-Шаня» (1881 г.). Регель неожиданно скончался 6 июля 1908 года в Одессе, полный творческих идей, проектов, замыслов предстоящих экспедиций *(однако есть другие данные об И.-А.Регеле, согласно которым год его смерти - 1909)*.

Семья естествоиспытателя Баума

Глава семьи эстляндский дворянин, лютеранин Оттон Матвеевич Баум (1813-1876 гг.) занимал должности ботаника, ученого-садовника, помощника инспектора сельского хозяйства юго-востока России (с 1854 г.), одновременно заведующего Екатеринославским училищем садоводства (1848-1853 гг.). Естествоиспытатель О.М.Баум окончил естественный факультет Дерптского университета и защитил диссертацию кандидата естественных наук. В годы становления города Верного Баум переведен по службе в Пензу директором казенного сада (1853-1870 гг.). По просьбе верненской администрации Баум-отец высылал в город посылки с черенками, семенами, луковицами, давал рекомендации по благоустройству и зеленому строительству Верного. А когда подросли его сыновья, Баум рекомендовал им поехать в край Семи Рек и заняться его благоустройством и озеленением.

Оттон, старший сын садовода Оттона Баума

Первым в Верный в ноябре 1873 года приехал старший сын Баума Оттон Оттонович. Он родился 27 сентября 1842 г. в Казани, окончил Пензенскую гимназию и физико-математический факультет Дерптского университета. В 1876-1883 гг. Баум служит чиновником Кульджинской канцелярии, является основоположником научных экспедиций в Приилийский край.

В бытность Баума-старшего главным садовником Казенного сада были расширены оранжереи и цветники, проложены новые садовые дорожки, заложены фруктовый сад и тутовая роща, по логам Алматинки - виноградники, увеличены площади под табачные плантации и огороды, обустроены плотинами и мостками обновленные пруды, известные старожилам как «пруды казенок». Он возглавил училище садоводства, полеводства и шелководства и слыл одаренным педагогом. В марте 1884 года Оттон Баум принял на себя заведование Казенным садом и, между прочим, закупил животных для создания зоопарка. В отведенных вольерах появились яки, маралы, медведи. Верненцы, оседлав взятых на прокат лошадей или осликов, разместившись в прогулочных колясках, могли наблюдать в парке дикую природу Семиреченского края. Помощниками Баума были садовники Ламанов, Терентьев, Байдыков.

Баум не замыкался на разрешении только садоводческих проблем и сумел организовать метео- и сейсмонаблюдения. 8 сентября 1886 года он стал начальником метеослужбы Семиречья, установил инструменты в своей усадьбе, на западной стороне подведомственного ему Казенного сада. Работа требовала ежедневного заполнения таблиц наблюдений, рапортов в Главную физическую обсерваторию в Пулкове и в Семиреченский статистический комитет. В сентябре 1889 года по заявке Баума был получен новый прибор – сейсмометр, что дает право называть Оттона Оттоновича Баума первым сейсмологом Семиречья. В роковой час землетрясения 28 мая 1887 года исчез

В долине Зайлийских гор немецкие сады и парки

с лица земли город Верный, красиво и правильно расположенный по склонам Алатавских гор. Обезумевшие от испуга люди в панике бросались на улицы, метались меж падающих стен зданий. Семья Баумов встретила стихию в усадьбе старшего брата, в собственном доме на углу улиц Торговой и Набережной (теперь Жибек Жолы на набережной Алматинки). В саду находилась Верненская метео- и сейсмостанция. К чести Оттона Отонovichа, сейсмологические наблюдения не были остановлены ни на один день. Едва успев перенести из разрушенного дома все, что еще можно было приспособить для устройства жилища под открытым небом, Баум бросился спасать оборудование станции. К счастью, многие инструменты оказались неповрежденными, а психрометрическая будка только повалилась на дрожащую землю. Среди пыли и развалин высокий и тощий, с очками на носу человек склонился над приборами, не замечая вокруг ничего.

Верненская метеостанция после реконструкции.

Целенаправленная научная и практическая деятельность Баума-старшего создала ему репутацию знающего и пытливого ученого - натуралиста, краеведа, отличающегося редкой любовью и преданностью делу науки.

Эдуард, младший сын садовода Оттона Баума

Лесовод Эдуард Оттонович Баум-младший, организатор первых лесных питомников Семиреченской области, родился 3 августа 1850 года в Екатеринославе. Окончил Пензенскую гимназию (1869 г.), Петровскую (ныне Тимирязевскую) земледельческую и лесную академию со степенью кандидата лесоводства. Затем учился в Петербургском земледельческом институте и защитил диссертацию кандидата сельского хозяйства. С октября 1875 года начинает служебную карьеру верненского «зеленстройца». С годами в честь Баума была названа роща, в благоустройство которой он вложил немало труда. В 1877 году в роще посажены в виде опыта дуб, липа, береза, сосна, карагач. Привезенные деревья обсаживались «...вдоль улицы в два ряда с каждой стороны, шириной в две сажени, которая должна служить тротуаром для прохожих».

Роща Баума (до революции она звалась Алферовской или Перемитина) сохранилась в памятниках литературы. Писатель П.П.Краснов отмечает: «...что же тот волшебник, который разбил эти правильные аллеи, кто в пустыне, среди яблоневых садов Алматы насадил этот парк, который по красоте буйной одичавшей растительности может сравним с лучшими дворцовыми парками Петербурга». Один их авторов рощи Баум Эдуард Оттонович работал областным лесничим (с сентября 1876 года), старшим лесным ревизором (1895-1917 гг.), заведующим лесной школой Верненского лесничества и, одновременно, заведующим Чиликским лесничеством (с 1909 г.). Баум занимал посты государственные, был гласным Верненской городской думы и членом областного по

городским делам присутствия (с 1913 г.), в советское время - заведующим лесного подотдела Облисполкома. Занимался общественной и научной деятельностью, составлял проекты, положения и инструкции по зеленому строительству, добивался выдачи населению бесплатных саженцев. Баум занимал общественные должности, избирался председателем Семиреченского сельскохозяйственного общества (с 1902 г.), организовал Совецание деятелей по садовым культурам (1901 г.), вошел членом Комитета по проведению первого промышленного и сельскохозяйственного съезда (1902 г.), пропагандировал возможности агротехники, устраивал ежегодные городские праздники древонасаждений, собрал для областного музея дендрологическую коллекцию и собрание грибов Семиречья. Эдуард Оттонович Баум состоял председателем Семиреченского отделения Русского географического общества (с 1920 г.). Помимо непосредственного участия в зеленом строительстве края любил в свободное время заняться литературным трудом. Ему принадлежат невероятно занятые статьи публициста в местных изданиях, книги на краеведческие и иного характера темы. Когда решался вопрос о прокладке Турксиба через Семиречье, местные публицисты Баум, Гурде, Зенков писали о будущности железной дороги, перспективах развития края. Эти публикации читаются с меньшим интересом, чем романы Жюль Верна или Александра Дюма. Но беда в том, что об этих талантливых авторах и редакторах знают только специалисты.

Дом Эдуарда Баума в Верном - и не дом даже, а резной и узорчатый высокий терем, образец деревянного зодчества - появился на улице Киргизской (ныне Амангельды). Спроектировал дом безымянный архитектор (возможно, отец или сын зодчих Зенковых), поставили бревенчатый сруб из тян-шанской ели на кирпичном цоколе, с выступающим объемом мезонина. Художественное оформление терема основано на резьбе - окна, козырек крыльца, карнизы и треугольные фронтоны богато декорированы резными подзорами.

Владимир Проскурин

По периметру окрестных улиц, ныне Сейфуллина, Калинина, Амангельды и Джамбула, в давние времена примыкали просторный двор и хозяйственные пристройки. Баум безвозмездно передавал урожай плодоносящего сада детям соседнего Верненского приюта. Хозяин устроил беседку на вершине искусственной горки, сложенной из минералов и полезных ископаемых Семиречья. Общение с гостями проходило в глубине сада, где Баум любил побеседовать с верненцами о красоте и пользе леса, призывал жителей посадить возле своей усадьбы хотя бы деревцо и советовал, где взять посадочный материал.

26 мая 1921 года садовод Э.О.Баум скончался в собственном доме-тереме, в только что переименованном городе Алма-Ате. Здесь прошли похороны Почетного гражданина Верного Эдуарда Оттоновича Баума, человека, в течение полувека занимавшегося зеленым строительством Семиречья. После смерти Баума память о нем почти угасла. Именем лесовода названа роща (отметим: нет официального документа о торжественной номинации). В 1979 году решением Алма-Атин-

Дом Эдуарда Баума.

ского горисполкома дом Баума был объявлен памятником истории и культуры и передан под посольство Кыргызской республики в Казахстане, но в результате реконструкции потерял первоначальный облик.

Литература:

- И.Регель «Ботаническая экскурсия от Ташкента до Кульджи», «Туркестанские ведомости», №№ 10-13, 1878 г.;
- И.Регель «Памирские экспедиции», СПб., 1883 г.;
- И.Регель «Путешествие в Турфан», СПб., 1881 г.;
- Д.Марголина «Флора и растительность Таджикистана», М.-Л., 1941 г.;
- В.Проскурин «Регель Альберт Эдуардович», «Немцы России», энциклопедия, т. 3, Москва, 2006 г.;
- В.Проскурин «Расцветают яблони и груши Регеля», «Дойче альгемайне цайтунг», 30 января 1993 г.;
- В.Проскурин «Историко-биографические статьи-справки», «Свод памятников истории и культуры города Алматы», Алматы, 2006 г.;
- М.Ивлев «Литературное наследие П.Н.Краснова», «Простор», 2000 г., № 1.;
- С.Сарсенова, Ж.Ботанова, «Парки и скверы города Алматы», сборник архивных документов и материалов, Алматы, 2004 г.;
- В.Проскурин «Алферова роща», «Комсомольская правда», 2001 г., 13 ноября.;
- В.Проскурин «Есаулова роща», «Сады братьев Баум», «Алма-Атинские дворики», Алматы, 2009 г.;
- «Обзор действий Пензенского училища садоводства. 1820-1870», СПб., 1870 г.;
- К.Канаки «Вечные рощи мастера», «Огни Алатау», 1982 г., 13 мая.;
- К.Канаки «Пионеры метеорологии Семиречья», «Вечерняя Алма-Ата», 1982 г., 24, 26, 27 июля.;
- В.Проскурин «Некстатии прерванный сон», «Столица», 1996 г., № 1.

Аркадий Поздеев-Башта, журналист, заслуженный деятель туризма Республики Казахстан, доцент университета «Туран».

ОДИССЕЯ ГОТФРИДА МЕРЦБАХЕРА

В декабре 2013 года исполняется 170 лет со дня рождения немецкого ученого Готфрида Мерцбахера, исследователя Кавказа и Тянь-Шаня, альпиниста, автора научных публикаций по морфологии и геологии изученных им высокогорных областей.

Готфрид Мерцбахер родился 9 декабря 1843 года в селе Бейерсдорф в Средней Франконии. Посещал школу в Эрлангене, однако, к своему огорчению, вынужден был ее оставить, чтобы приобрести специальность. Следуя семейной традиции, Готфрид стал скорняком. Для дальнейшего совершенствования – овладения профессиями меховщика и торговца меховыми изделиями – он отправился на учебу в Париж, Лондон и Санкт-Петербург (здесь он, кстати, выучил русский язык). В 1868 г. не без помощи своего дяди – банкира и мецената, известного нумизмата, владельца одной из лучших в мире частных коллекций книг и рукописей – Готфрид основал в Мюнхене фирму по производству и продаже меховых изделий. Это дало молодому человеку экономи-

ческую самостоятельность, материальную независимость и позволило посвятить жизнь своей с детства владевшей им мечте – путешествиям и географическим исследованиям. В Италию, на Пиренеи, в Северную Африку, в Центральную Азию Мерцбахера забрасывали дела коммерции. Без отрыва от бизнеса он много занимался самообразованием, штудировав книги по геологии, географии, гляциологии, изучал геодезические приборы, а заодно постигал искусство фотографии. Большое внимание Готфрид уделял и альпинизму.

Первый альпинистский опыт Мерцбахер приобрел в конце 1870-х гг. в Альпах. Он первым исследовал и описал Восточные Альпы (Доломиты Брента). 16 июня 1881 г. в сложных горных условиях Мерцбахер совершил первовосхождение на альпийскую вершину Тотенкирхлс, которое принесло ему известность как альпинисту. Этот путь и сегодня носит название *Merzbacherweg* («Путь Мерцбахера»). Во время горных походов в Альпы, а позднее на Кавказе и в Каракоруме, Мерцбахер по заданию Баварской Академии наук постоянно проводил географические исследования, которые легли в основу его научных отчетов, отличавшихся глубоким профессионализмом, основательностью и четкостью стиля.

В 1888 г. Готфрид Мерцбахер продал свою мюнхенскую фирму, чтобы посвятить дальнейшую жизнь исключительно альпинизму и географии. В 1891 г. Мерцбахер отправился на Центральный, а затем Восточный Кавказ. Поездка преследовала как спортивные, так и исследовательские цели. Среди покоренных Мерцбахером вершин были Казбек и Тетнульди. Он совершил скоростное восхождение от Терскола на вершину Эльбруса, первым в истории альпинизма прошел по северному хребту Донгуз-Оруна. Мерцбахеру принадлежат и другие приоритеты на Кавказе, например, проход по гребню к вершине Доносмта. Всего он совершил здесь восемь первовосхождений. Изучение и описание Кавказа стало первым крупным научным достижением учено-

Аркадий Поздеев-Башта

го. Большой интерес представляют собранные им сведения по этнографии карачаевцев и балкарцев. Тогда же Мерцбахер создал первую полную карту Центрального Кавказа, которая с тех пор является неотъемлемой принадлежностью, частью любого путешествия или восхождения в этом районе. Результатом двух поездок на Кавказ стала двухтомная книга *Aus den Hochregionen des Kaukasus*, изданная в 1901 г. в Лейпциге и получившая высокую оценку в научных кругах. В настоящее время эта книга является ценным экспонатом Мюнхенского музея альпинизма. Благодаря описаниям и путевым заметкам Г. Мерцбахера многочисленные путешественники, географы и альпинисты обратили внимание на Кавказ. Возник даже Германо-кавказский клуб, одним из учредителей которого стал Мерцбахер.

Готфрид Мерцбахер.

В 1890-е годы его внимание привлекает одна из любопытнейших географических загадок того времени – горная система Тянь-Шаня, и Мерцбахер предпринимает рекогносцировочную поездку в Туркестан, в Семиреченскую область, куда в то время входила и Иссык-Кульская долина. Ему самому хотелось составить представление об условиях путешествия в этом совершенно не изученном и труднодоступном крае. Домой он возвращается через Персию, через Индию и Гималаи, а вернувшись в Мюнхен начинает думать о путешествии в... Кордильеры, которые к тому времени стали его чрезвычайно интересовать. И только очередной переворот, смутная политическая обстановка в Боливии вынуждают его отказаться от планов, связанных с Южной Америкой. Мерцбахер готовится к путешествию на Тянь-Шань.

Первая экспедиция Мерцбахера в этот далекий высокогорный регион состоялась в 1902 году и имела целью изучение орографии, геологии оледенения Центрального Тянь-Шаня. Учитывая сложности, с которыми может встретиться экспедиция и слабую изученность территории, он тщательно готовился к поездке в дальние края. В качестве ботаника он приглашает садовода из Пятигорска Руссея, геолога доктора Ганса Кайделя из Фрайбурга, топографические работы взял на себя молодой мюнхенский инженер и альпинист Пфанн, проводником был приглашен опытный Франс Костнер из Корвары.

Территория Центрального Тянь-Шаня, отличающаяся разнообразием природных условий, еще с древних времен изучалась путешественниками и учеными многих стран и народов. В познании географических особенностей края во второй половине XVIII и начале XIX века важное значение приобрели путешествия П.П.Семенова-Тянь-Шанского, Н.А.Северцова, А.В.Каульбарса и многих других русских, венгерских, итальянских, немецких ученых-исследователей. Каждая из этих экспедиций внесла свою немалую лепту в

Хан-Тенгри.

изучение Центрального Тянь-Шаня, но «белым пятном» на карте мира все же оставалась высокогорная его часть, где располагался овеянный легендами пик Хан-Тенгри, что в переводе с монгольского означает «властелин неба», а местные жители называли его Кан-Тоо – «гора крови». Первооткрывателем «Хантенгрийского узла», сыгравшим немалую роль в изучении этого края, суждено было стать немецкому географу и альпинисту Готфриду Мерцбахеру.

В начале лета 1902 года маленькая экспедиция Мерцбахера прибывает в Пржевальск. Здесь он знакомится с историей возникновения этого города по дневниковым

воспоминаниям генерала от кавалерии барона Александра Васильевича Каульбарса, принимавшего участие в 70-х годах в исследовании Центрального Тянь-Шаня. Документы свидетельствовали о том, что штабс-капитану лейб-гвардии Егерского полка барону Александру Васильевичу Каульбарсу, причисленному после окончания Академии к Туркестанскому военному округу, было поручено произвести рекогносцировку Заиссыкульского Тянь-Шаня, а главное выбрать новое место для города и укрепления, которые неудачно, в стороне от караванных путей были расположены в местечке Ак-Су. Караван Каульбарса вышел из Верного 31 мая 1869 года. Барона сопровождали капитан Семякин с людьми – для постройки оборонительных казарм, и два топографа – Рейнгард и поручик Петров, име-

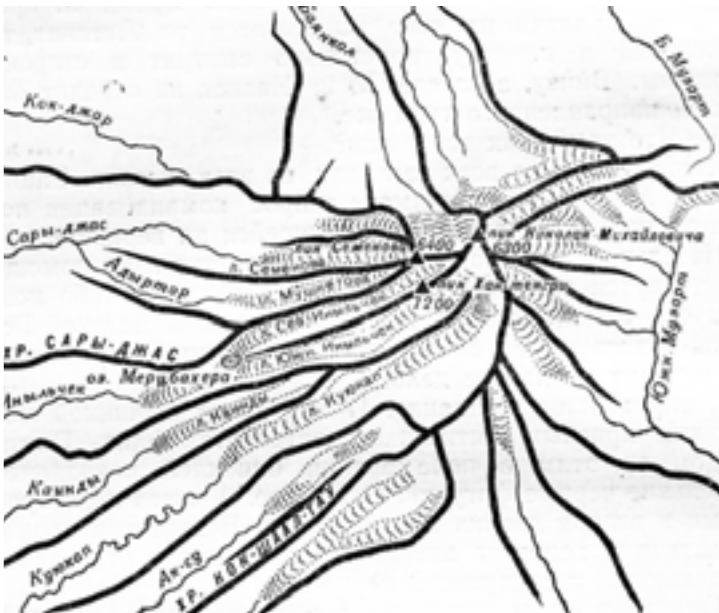

Схема хребтов Тянь-Шаня по Мерцбахеру.

нем которого потом будет назван ледник в истоках Нарына. Вместе с уездным начальником капитаном А.П.Чайковским А.В.Каульбарс принялся исправлять ошибку своих предшественников. «Рисовалась в нашем воображении, - писал он впоследствии, - картина прибрежного города, с пристанями, пароходами, прекрасными купальнями, обслуживающими чудный по климатическим условиям курорт». Барон Каульбарс оказался обстоятельным человеком. Он опросил местных жителей, советовался с киргизскими старшинами и теми переселенцами, что ушли из Ак-Су в низовья Каракола. Был составлен генеральный план застройки будущего города. Застучали топоры, задымила кузница, потянулась дорога к лесным массивам Каракольского ущелья, в котором уже в XXI веке принимает туристов со всего мира один из лучших в Центральной Азии горнолыжный курорт – «Каракол». А тогда, в 1869 году к 1 июля улицы, площадь и гостиный двор были разбиты на местности, построены обо-

Церковь Святой Троицы, Каракол.

ронительные казармы. На этом Каульбарс счел свою миссию выполненной, и его отряд ушел в длительную рекогносцировку в район, который предстояло исследовать Готфриду Мерцбахеру. Сведения, почерпнутые из записок Каульбарса, помогли членам экспедиции. Они тут же едут в Каркару за лошадьми, а затем перебираются в Нарынкол, откуда рукой подать и до Баянкольского ущелья.

Разумеется, Мерцбахер перед экспедицией тщательно изучил историю освоения этого края другими путешественниками и исследователями. Ему было известно высказывание Петра Семенова, проникшего вглубь Тянь-Шаня, к подступам его центральной части - массиву Тенгри-Таг в 1856–1857 годах: «Когда мы добрались около часа пополудни к вершине горного прохода, то были ослеплены неожиданным зрелищем. Прямо на юге от нас возвышался самый величественный из когда-либо виденных мною горных хребтов. Он весь, сверху до низу, состоял из снежных исполинов, которых я, направо и налево от себя, мог насчитать не менее тридцати. Весь этот хребет, вместе с промежутками между горными вершинами, был покрыт нигде не прекращающейся пеленой вечного снега. Посредине этих исполинов возвышалась одна, резко между ними выделяющаяся по своей высоте, белоснежная остроконечная пирамида, которая казалась с высоты перевала превосходящей высоту остальных вершин вдвое...». Это был Хан-Тенгри.

Описание горной страны и вершин, сделанное путешественником, привлекло к ней внимание соотечественников и зарубежных исследователей и альпинистов. Начались экспедиции в Центральный Тянь-Шань: в 1864 г. – Н.А.Северцова, в 1869 г. – А.В.Каульбарса, в 1876 г. – А.П.Куропаткина. В 1886 году Русское Географическое общество направило для изучения этой группы Хан-Тенгри специальную экспедицию под руководством Игнатьева, которой так и не удалось проникнуть вверх по леднику к этой вершине. Загадка оставалась неразгаданной, а сам пик оставался непобежденным.

На карте экспедиции Игнатьева высота Хан-Тенгри показана 24000 футов (7320 м). Летом 1900 г. в долине Сарыджаса, прилегающей к этому массиву, появилась еще одна экспедиция, на этот раз альпинистская. Князь Боргезе и доктор Брокерель с известным проводником Цурбриггеном решили найти эту, одну из неприступнейших гор. Они совершили несколько восхождений, пытаясь разглядеть пик Хан-Тенгри с вершин, на которые они поднимались. С одной из седловин, названной ими перевалом Акмойнак (4560 м) они увидели обе ветви ледника Иньльчек (Энгильчек), решив, что путь по нему, невидимому, - единственно правильный подход к Хан-Тенгри.

В 1902 г. две экспедиции почти одновременно направляются к сердцу Небесных гор. Одна из них – экспедиция профессора-ботаника Сапожникова и доктора Фридрихсена. Другая – известного немецкого географа-альпиниста профессора Мерцбахера. Его экспедиции удалось по Баянкольскому ущелью подойти к подножию неизвестной до этого вершины, отвесной стеной обрывающейся к леднику. Мерцбахер назвал ее Мраморной стеной (она вся состояла из мрамора), ошибочно предположив, что она является узловым пунктом в структуре Тянь-Шаня. Высота снежно-ледового купола составляла 6400 м. Поднявшись на ее плечо вместе с проводником Н.В.Набоковым, с высоты 5500 метров восходители совсем рядом увидели пирамиду Хан-Тенгри. Но преодолеть лавиноопасные склоны Сарыджазского хребта путешественникам тогда так и не удалось, пути к подножию Хан-Тенгри так и не были найдены. Несмотря на неудачу экспедиция была результативной. Впервые были открыты и описаны несколько ледников, собрана большая коллекция минералов, проведены геодезические измерения доминирующих высот и фотосъемка высокогорных ландшафтов.

Зимовал Мерцбахер в Кашгаре. При переправе через Музарт лошадь с вьюком снесло и, несмотря на герметичес-

кую упаковку, часть отснятых кассет пропала. Пришлось из Кашгара ехать зимой в Ташкент, надеясь пополнить там запас фотоматериалов, а на лето 1903 года вновь планировать посещение уже пройденных мест. Поэтому в горы Мерцбахер выезжает рано, через перевалы Бедель и Джуука спускается в Пржевальск – так по указу царя назывался в то время город Каракол. Здесь, а также в Каркаре и Нарынколе он набирает новую экспедицию. Вновь съемка ледника Семенова, фототеодолитные работы по определению высоты Хан-Тенгри и, главное, попытки достичь его подножья, а может быть и самой вершины. Какая-то неведомая сила тянула его к ней. В этом году он выбрал иные подходы. Выйдя из селения Кокпак, караван, нагруженный провиантом и экспедиционным снаряжением, преодолев бурную речку Сарыджаз, а затем заснеженный перевал Тюз-Ашу (4000 м), после обследования бассейна ледника Мушкетова, прошел в долину Иныльчека. Перед географом лежал громадный, неведомый никому ледник, и Мерцбахеру стоило немало

Ледник Северный Иныльчек. Вдали снежные вершины хребта Сары-Джаз, у подножия которых лежит озеро Мерцбахера.

Айсберги озера Мерцбахера.

труда уговорить своих проводников и караванщиков продолжать путь. Погода не баловала путешественников. Как правило, во второй половине дня начинался снегопад, а грозы чередовались с грохотом снежных лавин.

Через хаос моренных валов и термокарстовых воронок, через ледовые трещины и промоины, по ледовым полям, мимо ослепительно белых пирамид сераков и предательски осыпающихся скальных стен, географ упрямо, километр за километром пробивался к слиянию двух исполинских ветвей ледника, к слиянию Северного и Южного Иньльчека, чтобы здесь, к своему великому разочарованию убедиться в том, что Северный Иньльчек для его каравана недоступен. На пути встали ледовые пропасти, ледовые фиорды, ледовое озеро с отвесными бортами и айсбергами. Преодолев первые 18 км пути, Мерцбахер на высоте 3400 м остановился перед раскинувшимся высокогорным озером, об-

разовавшимся в результате отмирания краев – деградации ледника Северный Иньльчек. Позднее это уникальное по своему генезису и режиму озеро назовут именем Мерцбахера. Удивительным, не имеющим аналогов оказалось поведение озера, то, что специалисты называют скучным словом «режим». Каждый год в разгар лета с оглушительным шумом озерные воды за несколько дней уходят через многокилометровые пещеры в толще ледника Южный Иньльчек. На обнажившемся дне остаются причудливые ледяные глыбы. Проходит еще несколько дней, опустевшая чаша быстро заполняется водой, айсберги опять всплывают наверх и поднимаются вместе с водной толщей все выше: до следующего лета. Механизм регулярных исчезновений и возрождений водной глади до сих пор непонятен. Одна из гипотез: часть айсбергов играет роль пробок, плотно закрывающих пещеры-каналы в леднике после очередного самоизлива озера. Не случайно в числе участников многочисленных экспедиций на Тянь-Шань фигурирует Гляциологический институт Мюнхенского университета, профессором которого был Готфрид Мерцбахер. Тайны названного в его честь озера остаются неразгаданными.

Попытка участников экспедиции обойти его по скалам не увенчалась успехом: пришлось отступить и продолжить путь по южной ветви ледника. Через день путь продолжили только три человека, одним из которых был проводник из Нарынкола Николай Набоков. Казалось, «ледяной реке» не будет конца. Хаос моренных нагромождений, обилие ледниковых промоин затрудняли движение. Давала о себе знать и высота. Примерно в районе отметки 4200 м перед путниками, наконец, открылась вся, от подножья до покрытой снегом вершины, мраморная пирамида Кан-Тоо, Хан-Тенгри, как награда, как осуществленная заветная мечта! Произведя необходимые геодезические измерения и определив с помощью компаса направления хребтов, Мерцбахер приступил к фотографированию панорамы гор. Тайны горного узла

Хан-Тенгри больше не существовало. Закончив записи, Мерцбахер взглядом опытного альпиниста мысленно пытался наметить пути восхождения и не находил их. Он посчитал, что восхождение на великую гору невозможно. Время восхождений на такие высоты еще не пришло. Пик Хан-Тенгри оказался не только величественным и красивым, но и устрашающим. Тогда альпинист записал в своем дневнике: «Хан-Тенгри – не место для альпинистских увлечений». Лишь в 1931 г. украинский альпинист М.Т.Погребецкий с двумя спутниками сумел, используя схемы Мерцбахера и карты российских топографов 1912 г., впервые подняться на Хан-Тенгри - вторую по высоте вершину (6995 м) Центрального Тянь-Шаня (после пика

Хан-Тенгри (фото Мерцбахера).

Победы). По вершине этого пика проходит граница трех государств: Китая, Казахстана и Кыргызстана. Он имеет удивительно-правильную пирамидальную форму и возвышается над ближайшими пиками гряды Тенгритаяу на целый километр. Это одна из самых красивых вершин мира.

Налетевший снежный заряд заставил путников возвратиться в нижний лагерь. Тянь-Шанская «одиссея» баварца продолжалась. Нет больше глетчера на Тянь-Шане, чем Иныльчек. На 60 километров протянулся он громадной ледовой рекой. Но Иныльчек – это не просто суровый край холода и опасностей. Это еще и мир удивительной ледовой фантазии – громадный музей скульптуры: пещеры, гроты, озера с айсбергами, ледовые цветы и гирлянды огромных сосуль. Удивительная работа воды, солнца и ветра. Спустя годы Мерцбахер вспоминал: «Чем стал для меня Тянь-Шань? Напоминанием о всюду проникающем господстве духа все-

го прекрасного в шуме стройного леса, в грохоте лавин, в страшном реве ледяных потоков, воспоминанием об одухотворенных и величественных впечатлениях, о побежденных страхах и опасностях, множестве противоречий гор».

1903 год принес немецкому исследователю всеобщее признание, репутацию выдающегося путешественника и лучшего немецкого знатока Центральной Азии. Впечатляющие результаты экспедиций в Центральный Тянь-Шань были опубликованы и доложены Мерцбахером на собраниях Берлинского, Лондонского, Мюнхенского, Венского и Петербургского географических обществ. Труды путешественника по исследованию высокогорных районов Тянь-Шаня были отмечены правительствами многих стран соответствующими наградами и отличиями. Русское географическое общество наградило Готфрида Мерцбахера золотой медалью имени П.П.Семенова-Тянь-Шанского.

Вторично Г. Мерцбахер совершает восхождения и исследует горы этого региона в 1907-1908 гг. (в возрасте 64 лет!). Во

Озеро Мерцбахера.

время экспедиции 1907-1908 годов Мерцбахеру удалось собрать 1234 вида «шкур птиц», что в последствии было использовано как основа для научного доклада, включающего 198 отдельных видов птиц, их жизни и среды обитания. Хотя ученый не выделил никаких новых видов, документ считается

существенным вкладом в орнитологию. Ему принадлежит ряд работ (на немецком языке): «Из высокогорных районов Кавказа» (1901 г.), «Горы Центрального Тянь-Шаня» (1905 г.), «Физиография Тянь-Шаня» (1913 г.), «Горная группа Богдо-Ола» (1916 г.). Им же составлена карта Тянь-Шаня в масштабе 1:500000, вышедшая после смерти автора, в 1928 году.

Опыт, мастерство, навыки, глубокие знания во многих областях науки, коммуникабельность и другие качества, приобретенные Мерцбахером в сложнейших

экспедициях, выработали в нем способность осваиваться в любых сложных обстоятельствах. В 1907г. баварский принц Арнульф, выполнявший дипломатические функции при российском императорском дворе, решил предпринять с разрешения МИД России ознакомительную поездку по южным окраинам Российской империи. В качестве сопровождающих он пригласил Мерцбахера и геолога Лойхс. За экспедицией внимательно наблюдала контрразведка. Однако Мерцбахер, хорошо знавший районы поездки, рационально выстроил маршрут и ни разу не подошел к недозванным местам. После Кавказа группа проследовала через Красноводск в Бухару. Принц ознакомился с российской Средней Азией и в июле того же года возвратился в Санкт-Петербург.

В горах Тянь-Шаня, кроме озера, одна из вершин и поляна, с которой альпинисты уходят на маршруты, носят имя Мерцбахера. Авторитет Мерцбахера среди альпинистов во все времена был необычайно высок, и до самой смерти он оставался почетным членом Альпинистского общества. Он умер в 1926 г. на 83-м году жизни и был похоронен в Мюнхене. «География потеряла личность редкой трудоспособности, неутомимого исследователя, слугу науки», – было написано в одном из некрологов. Свой архив Мерцбахер подарил Баварской государственной библиотеке. В Мюнхене сохранился дом (Möhlstr. 25), в котором Мерцбахер жил с 1910 г. до своей смерти. В 1928 г. одна из улиц Мюнхена была названа именем ученого: Merzbacherstraße.

Литература:

- А.Дядюченко «Серебрянный глобус», Фрунзе, 1978 г.
- В.Попов и др. «К сердцу Тянь-Шаня», Алматы, 1998 г.
- А.Марьяшев, А.Колокольников «Там, под облаками...», Алматы, 2004 г.
- В.Проскурин «Алматинские дворики», Алматы, 2006 г.
- Л.Миниберг «Маршрутами Мерцбахера», Еврейская газета, 2006 г., №6.

Майя Сергеевна Ковальская - отличник просвещения Казахской ССР, одна из создательниц фонда Музея литературы и искусств имени Бухара Жырау. Автор многочисленных статей.

Надежда Владимировна Рунде – поэт, критик, журналист, автор произведений для детей.

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ РАДЛОВ - ЗНАТОК КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКОВ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

В 2012 году исполнилось 175 лет со дня рождения Фридриха Вильгельма Радлова (Friedrich Wilhelm Radloff), или Василия Васильевича Радлова, как его называли в России. Родился он в Берлине, там же получил основательное гуманитарное образование, и на протяжении всей жизни его самым большим пристрастием и любовью были языки и культура восточных и тюркских народов.

Аксиомой на все века звучит утверждение, что духовное развитие любого народа невозможно без исторической преемственности. Каждое последующее поколение может обеспечить дальнейшее развитие лишь в связи времён национальной культуры, лишь в случае, если оно способно творчески переработать исторический опыт, накопленный предшествующими веками и создать общество, которое воспроизводит себя на основе традиций и опирается на прошлый опыт и самобытность исторического развития страны.

Востоковед, тюрколог немецкого происхождения В.В.Радлов дал начало действительно научному исследованию Сибири, внес огромный вклад в изучение истории и культуры азиатских народов. Тюркские языки он изучал как глобальную идею, пронизывающую всё мировоззрение древних тюрков.

Однажды в руки Вильгельма Радлова попала поэма «Сузге» о жене хана Кучума, молодой и красивой, умной и воинственной. Написал поэму Петр Павлович Ершов, живший в деревне Безруково недалеко от Искера – городка, построенного Кучумом для любимой жены.

В поэму «Сузге» вошли поверья, песни, описание Иртыша и дворца прекрасной ханши; поэт-сказитель «с исключи-

тельными подробностями и с присущим ему мастерством запечатлел не только внешние черты, но и внутренний мир «гаремной красавицы» хана Кучума – Сузге, связав ее образ со сложным для ее народа этапом того времени.

Поэма в то время не была разрешена к печати, но providение устроило все таким удивительным образом, что она оказалась в руках Радлова, который после ее прочтения стал задаваться вопросами: «Что же это за вера ислам? Ее, возникшую в VIII веке в Арабии, исповедуют народы Средней Азии, Татарстана, Кавказа. Как она дошла до обособленного Кучумова ханства, укрывшегося в глухой тайге?» Радлов понимал, что новая религия не возникает на пустом месте, всегда является продолжением и развитием уже существовавших верований. Каких? Хану Кучуму удалось сформировать войско, не знавшее поражений, поскольку каждый воин незыблемо веровал в ислам, изучить который поставил своей задачей Радлов. Что означает ислам? Это путь к Богу через покорность. В буквальном переводе Коран - это чтение. Для мусульман слово «ислам» проникнуто особым смыслом и означает «вверение», или предание себя воле Аллаха, это слово отражает настрой и чувства тех, кто внимает проповеди Мухаммеда. В.Радлов прочёл в суре: «Мы изложили его на арабском языке для того, чтобы его понимали». Создатели Корана утверждали, любой перевод умаляет его ценность, утрачивается его чистота. Мусульмане искони отвергали идею перевода Корана, запрещали любые попытки передать его содержание на другом языке, поэтому В.Радлов начинает изучение арабского. Он берет уроки восточных языков у Х.Штейнталя и у специалиста по уральским и алтайским языкам В.Шотта.

Отметим, что еще живя в Берлине Радлов начал изучение арабского, русского, казахского и уйгурского языков. Выпускник факультета философии Берлинского университета успешно защитил диссертацию на тему «О влиянии религии на народы Азии» и был удостоен степени доктора

Фридрих Вильгельм Радлов - знаток культуры и языков тюркских народов философии. Привыкший всё доводить до совершенства, он загорелся желанием окунуться в разговорную среду, в живое общение с носителями языка, без транскрибирования произноса слова в их исконной мелодике. Молодой учёный твёрдо решил отправиться в Россию, путешествовать по которой планировал не прибегая к посторонней помощи.

В 1858 году В.Радлов прибыл в Санкт-Петербург для занятий при Азиатском музее. Чтобы получить должность, ему необходимо было гражданство, и потому ученый принимает присягу на верность и подданство России. Спустя годы он - выдающийся российский востоковед-тюрколог, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно -

Академик Фридрих Вильгельм Радлов.

исторического изучения тюркских языков и народов, автор 150 научных трудов, образец служения науке.

В.Радлов исследовал дошедшие и сохранившиеся свидетельства исчезнувших, забытых языков, собрав в поездках богатейший материал. С 1862 года он начал публикацию результатов своих научных исследований на немецком и русском языках. Наряду с большим количеством других научных работ в 1907 году вышел в свет его 4-томный, выдающийся по охвату лингвистического и фольклорного материала труд «Образцы народной литературы тюркских племён», изданный Санкт-Петербургской Академией наук. В нем ученый исследовал все жанры фольклора: лиро-эпические поэмы, песни, айтысы, жыры, бата и.т.д. В сборник вошло собрание текстов на тюркских языках с немецким переводом.

Невозможно полностью перечислить все то, что сделано В.Радловым параллельно изучению тюркских языков. Именно он способствовал созданию казахской периодической печати - первой газеты казахов с названием «Дала уәлаятының газеті», открывшей миру классика казахской литературы Абая Кунанбаева. С ее страниц Абай первым из казахов представил свой народ, кратко и образно, подчёркивая культуру, традиции и корни казахов. Три номера этой газеты, написанные рукой М.Ж.Копеева, хранятся в Павлодарском музее литературы и искусства.

В.Радлов учредил учительскую семинарию, чем по сути создал целый пласт казахской интеллигенции, невольно подготовив этим появление лучших сыновей казахского народа «алаш-ординцев». Также он открыл первую школу для девочек (женскую школу), для которой сам написал учебники.

Долгие годы ученый жил в Центральной Азии, в Сибири, в Барнауле. После того как получил соответствующий документ на право преподавательской работы, учительствовал в гимназиях, зарабатывая деньги на планируемые им исследовательские путешествия. Годы с 1859 по 1869 отме-

Фридрих Вильгельм Радлов - знаток культуры и языков тюркских народов чены в его биографии как «алтайский период». Проживая в это время в Барнауле, он объездил киргизские степи, побережья Енисея и Тобольскую губернию, пересёк Монголию и Туркестан. Повсюду изучал и записывал языки (как разговорную, так и письменную речь) и культуру проживающих там народов.

На протяжении «казанского периода» (1872-1884) В.Радлов занимался преподавательской деятельностью и одновременно долгое время исполнял обязанности инспектора общеобразовательных школ в областях, населённых татарами, башкирами и киргизами. В 1884 году закончилась его беспокойная жизнь - исследователь переселился в Санкт-Петербург и целиком посвятил себя науке. Его внимание всё больше и больше приковывали к себе древние тюркские, монгольские и уйгурские письмены, которые он смог не только собрать, но многие из них впервые опубликовать. Объединение уйгуров, образование государств, провозглашение хана с наследственной властью - новый этап в этническом и политическом развитии уйгуров. Причины распада союзов, переставших отвечать интересам того времени, развитие культуры, языка и письменности этого народа - всё в глобальном труде востоковеда В.В.Радлова «К вопросу об уйгурах». Особо Радлов выделяет Караханидское государство, в состав которого входили области с оседлым земледелием и кочевым скотоводством. Учёный рассказывает о причинах падения северо-уйгурского государства на Орхоне, анализируя его градостроение и письменность.

В 1894 году Радлов получил назначение на пост директора Музея антропологии и этнографии Академии наук, носящего ныне имя Петра Великого. Он также явился одним из инициаторов создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и особенно поддерживал изучение сибирского субконтинента.

Радлов произвел подлинный переворот в тюркологии, которая уже со времени появления первых его публикаций

Майя Ковальская, Надежда Рунде

делится на два периода: до Радлова и после него. Его сочинения не только не потеряли сегодня своего значения, но приобрели даже большую научную ценность, чем прежде, являясь зачастую единственным документальным источником по истории и филологии бесписьменных в прошлом тюркских народов.

Могилы академиков на Смоленском лютеранском кладбище.

Фридрих Вильгельм Радлов - знаток культуры и языков тюркских народов

С 2002 года в МАЭ (Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН) ежегодно проводятся трёхдневные «Радловские чтения», собирающие этнографов, антропологов, фольклористов и музееведов, работающих с самым разным (не только тюркским или сибирским) материалом, издаются материалы конференции.

Могила академика В.Радлова расположена на Смоленском лютеранском кладбище в самом центре Санкт-Петербурга.

Литература:

- И.Б.Гарифуллин Сборник «Кучум и Сузге». Ст. «Прекрасная Сузге, жена Кучума». Тюмень, изд-во «Пульс», 1993 г.;
- В.В.Радлов «К вопросу об уйгурах», СПб., 1893 г.;
- Р.Лейнонен, Э.Фогт «Немцы в Ст. Петербурге. Смоленское лютеранское кладбище в истории европейской культуры», Люнебург, 1998 г.

*Ирина Геннадьевна Отрадных,
старший научный сотрудник Института ботаники и фитоинтродукции МОН РК.*

ЕВГЕНИЙ МИХАЭЛИС, ПРООБРАЗ НИГИЛИСТА БАЗАРОВА

Неутомимый исследователь и ученый, пытливый натуралист, Евгений Петрович Михаэлис вписал в историю развития Северного Казахстана яркую страницу. Ему прочили блестящую карьеру, но после участия в студенческих волнениях, будучи сосланным в Сибирь, а затем в Семипалатинск и Усть-Каменогорск, он посвятил свою жизнь исследованию и благоустройству этого края.

Е.Михаэлис занимался вопросами гидрографии Семипалатинской области, геоморфологическими исследованиями гор Алтая, искал минеральное топливо и рудные месторождения, исследовал ледники и реки, создавал новые методы рационального пчеловодства, увлекался конхиологией. Будучи редактором «Семипалатинских областных новостей», Евгений Петрович, придерживаясь традиций демократической публицистики, содействовал укреплению русско-казахских дружеских отношений. Его дружба с Абаем

Евгений Михаэлис, прообраз нигилиста Базарова

имела важнейшее значение для становления поэта, говорившего о своем друге и учителе с благодарностью до последних дней жизни.

Евгений Петрович Михаэлис родился в Санкт-Петербурге 26 сентября 1841 года в большой дворянской семье. Отец Петр Иванович Михаэлис был для своего времени хорошо образованным человеком, служил в Министерстве иностранных дел, в судебной палате. Старшая сестра Е.Михаэлиса

Евгений Петрович Михаэлис.

Ирина Отрадных

Людмила Петровна, известная в шестидесятые годы детская писательница и переводчица, была женой известного революционера Н.В.Шелгунова, лично знала Герцена и Огарева, в её доме собирались выдающиеся русские писатели и ученые - Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Тургенев, Лев Толстой, Писемский и многие другие. Младшая сестра Евгения Петровича – Мария – ученица Черны-

Абай Кунанбаев.

шевского, соратница и жена известного деятеля организации «Земля и воля» Ю.Н.Богдановича, также была активной участницей революционного движения в России. В такой среде рос и воспитывался Е.П.Михаэлис, что, безусловно, не могло не сказаться на его взглядах и деятельности.

В 1858 году юноша поступает в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Увлечение естествознанием было очень характерно для тогдашней молодежи. Поколение, к которому принадлежал Михаэлис, дало таких всемирно известных русских ученых-естествоиспытателей, как Мечников, Тимирязев, Менделеев, Сеченов, Ковалевский, Павлов и др.

В университете Евгений Михаэлис сразу же выделился своими незаурядными способностями, ораторским дарованием, силой характера и стал, по словам писателя П.Д.Боборыкина, «вожаком петербургского студенчества». Писатель утверждает, что будучи «натурой и умом... куда посильнее многих», он стал для Тургенева в романе «Отцы и дети» прообразом нигилиста Базарова. Н.В.Шелгунов, также характеризуя Михаэлиса как личность выдающуюся, пишет, что «таких уже больше не видел».

В сентябре – октябре 1861 года в Петербурге вспыхнули серьезные студенческие волнения, с которыми царское правительство жестоко расправилось. Многие были арестованы и сосланы, в их числе Михаэлис. Последовала ссылка в Петрозаводск, а через некоторое время в г. Тару Тобольской губернии, где он провел шесть лет.

В 1869 году Евгению Петровичу было позволено переехать на жительство в г. Семипалатинск (здесь он прожил тринадцать лет) и с особого разрешения Министерства внутренних дел поступить на службу, поначалу писарем. Но уже в 1872 году он был назначен старшим чиновником особых поручений в Областном правлении. Здесь же, в Семипалатинске, Михаэлис познакомился с Абаем, в жизни которого сыграл такую большую роль.

Ирина Отрадных

В Семипалатинске проживало тогда около сотни политических ссыльных. Это был скучный, пыльный, захолустный город, насчитывающий девять тысяч жителей. Вот как описывает его А.К.Гейнс, посетивший Семипалатинск в 1865 году, за четыре года до прибытия сюда Михаэлиса: «Потемневшие деревянные крыши города жмутся друг около друга, точно семейство грибов, приютившихся на удобном для себя месте. Из массы крыш выпрыгивают в семи или восьми местах деревянные минареты мечетей, некрасивые и неопрятные. От серо-грязного цвета всего Семипалатинска резко отличаются две каменные православные церкви, из которых одна довольно красива.

На западе протекает Иртыш, разбившийся на несколько рукавов, с островами на нем, поросшими лозою, березою, тополем и черемухой. Это любимые места гуляния семипалатинской публики.

Семипалатинская библиотека Н.В.Гоголя (ныне Абая).

Республиканский дом-музей Абая в Семипалатинске.

Для жизни Семипалатинск не может быть приятным. Зимой мороз доходит иногда до 34 градусов, а летом жара – до 31 градуса в тени. Постоянный юго-западный ветер, срывая песок с берегов Иртыша, островов и отмелей, заносит город целыми подвижными горами. Зимой тот же ветер нагоняет сильные бураны и заваливает улицы глыбами снега. Будто для того, чтобы дать ветру поболее простора, посреди города оставлена площадь, обнесенная перилами, которые чуть выглядывают из-под песка. Эту площадь вот уже десяток лет тщетно стараются обсадить какими-то деревьями.

При всех таких неудобствах Семипалатинск важный торговый пункт в киргизских степях Сибирского ведомства».

Евгений Петрович часто получал важные поручения и командировки, как административного, так и научного характера, которые давали ему возможность изучать край и вести научную работу. Он постоянно сопутствует губернатору при объезде границы с Китаем, бывает на всех чрезвычайных съездах казахов и умело распутывает сложнейшие родовые споры и дела, одновременно изучая быт и культуру народа.

Очень скоро Михаэлис стал признанным знатоком Степного края, и с 1875 года ему ежегодно поручается составление проектов, отчетов о состоянии области и ведение всей важнейшей переписки хозяйственного и распорядительного отделов Областного правления.

В 1881 году Евгений Петрович исполнял обязанности Семипалатинского уездного судьи и областного прокурора и был инициатором издания юридического сборника «Степное положение о киргизах». Его доклады, подтверждающие глубокое знание бытового уклада и обычаев казахского народа, полностью вошли в Степное положение.

В целях статистического изучения и описания области по инициативе Михаэлиса в 1878 г. был организован Статистический комитет, при котором Евгений Петрович создал прекрасную библиотеку (ее фонды легли в основу ныне существующей Семипалатинской областной публичной библиотеки имени Н.В.Гоголя). Его первая встреча с Абаем произошла именно здесь.

Евгений Петрович, как активный поборник просвещения казахского народа, не мог не заинтересоваться казахом, читающим русскую литературу, что по тем временам было явлением исключительным. Краевед и ученый Б.Г.Герасимов в своих воспоминаниях пишет: «Евгений Петрович считался знатоком Степного края. Его наблюдательный ум быстро подмечал все интересное и заслуживающее внимания. Ему всецело киргизская степь обязана тем, что не погиб бесследно крупный поэтический талант, открытый Михаэлисом в лице киргиза Чингизской волости Семипалатинского уезда Ибрагима (Абая) Кунанбаева». Современники так описывали эту встречу: «Заметив живой ум и большую любознательность Абая, Михаэлис серьезно занялся его воспитанием. По указанию Евгения Петровича Абай перечитал русских классиков – Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского и других, познакомился с сочинениями Спенсера, Льюиса, Дреппера.

Абай прекрасно понял потом, чем он был обязан Евгению Петровичу и с трогательной благодарностью вспоминал о нем до конца своих дней. «Открыл мне глаза Михаэлис», - обыкновенно говаривал Абай. Таким образом, Евгений Петрович явился духовным отцом Абая, прелестная поэзия которого с таким восторгом была встречена степью». Через него Абай, как равный, вошел в кружок интеллигенции, имевшей большое влияние на его дальнейшую судьбу, как поэта и мыслителя.

Мартовские взрывы 1881 года прогремели на всю Россию. На террористические акты «Народной воли» царское правительство ответило массовым террором. Всевозможные ограничения, притеснения и прямые репрессии коснулись и всех политических ссыльных, о чем говорят многочисленные воспоминания современников. В 1882 году в Петербурге по делу «Народной воли» был казнен Ю.Богданович, муж родной сестры Е.Михаэлиса. Семипалатинское начальство не могло не всполошиться, что в Областном правлении видный пост занимает родственник активного террориста, сам с серьезным политическим прошлым. В это же время администрация края обратила внимание на дружбу Евгения Петровича с Абаем Кунанбаевым и на связанное с ней революционное влияние на поэта, а через него и на широкие слои казахского народа. Михаэлиса высылают в Усть-Каменогорск.

Надо отметить, что высылка не носила характера открытого административного акта, а была оформлена как добровольный его переход на службу в другое ведомство. Михаэлис перешел на службу в Акцизное ведомство и был назначен помощником акцизного надзирателя города Усть-Каменогорска. При этом Евгений Петрович ставит условие, чтобы по службе его не повышали и никуда не переводили: в акцизном ведомстве не было возможности для прогрессивно-общественной деятельности, а всякое продвижение по службе могло привести к конфликту с реакционным начальством и как следствие – к новым репрессиям.

Ирина Отрадных

Тридцатилетний усть-каменогорский период жизни Михаэлиса не богат внешними событиями. Здесь вскоре умерла его первая жена, и в 1890 г. он вступил во второй брак. В Государственном архиве Восточно-Казахстанской области, хранящем бесценные сокровища по истории края, в одной из церковных Метрических книг за 1897 год содержится запись следующего содержания:

Евгений Петрович Михаэлис с женой Елизаветой Алексеевной.

«Дата: август, 20. Вступили в брак:

Потомственный Почетный дворянин Евгений Петрович Михаэлис, Православного исповедания, вторым браком, 55 лет.

Вдова казака станицы Усть-Каменогорской Елизавета Алексеевна Касихина, православного исповедания вторым браком 33 лет.

Поручители:

По женихе – усть-каменогорский мещанин Степан Алексеев Лукианов, семипалатинский мещанин Андрей Григорьев Курбанов.

По невесте – коллежский советник Вистениус и семипалатинский мещанин Василий Семенов Чумов.

Обряд венчания совершали: Иерей Александр Сосунов с диаконом Николаем Пушкаревым».

В этом браке родилась дочь, которую Евгений Петрович назвал Людмилой в память своей любимой старшей сестры Шелгуновой. В остальном его жизнь здесь протекала по раз намеченному руслу, и большая ее часть была посвящена разносторонней научной работе.

В то время Усть-Каменогорск был городком с населением пять тысяч человек, пятью улицами и шестью проулками. Внешность Евгения Петровича сразу произвела впечатление на провинциалов: массивная голова, широкая, с проседью борода, пенсне, умные, глубоко посаженные глаза, большие натруженные руки. Круглый год Михаэлис носил белый хлопчатобумажный костюм, а в город выходил с палкой-копьем, обтянутой кожей змеи. Говорил остроумно, умел осаживать чванство и спесь, неизменно дорожил человеческим достоинством, в защиту которого выступал энергично.

Правда, и в Усть-Каменогорске Евгений Петрович не изменяет своим общественным устремлениям. Так, состоя на протяжении трех десятилетий членом Городской Думы, он вкладывает много сил в работу по благоустройству города.

Ирина Отрадных

Ему Усть-Каменогорск обязан тем, что в городе открыта библиотека (1896 г.), началась посадка деревьев городского сада, были построены здания церковно-приходского училища (1897 г.), Мариинского училища (1901 г.), Народного дома (1902 г.), начальной школы (1912 г.), женской гимназии (1914 г.), открыты новые школы и другие культурные учреждения.

Исключительно разнообразной была научная деятельность Е.Михаэлиса. Каждую свою поездку по краю он использует для антропологических наблюдений, сбора экспонатов по археологии и этнографии, коллекций по конхиологии и другим отраслям естествознания. Многие из собранных им коллекций, как за этот период, так и позднее, до сих пор являются одними из лучших экспонатов Семипалатинского музея, его зоологические коллекции находятся в Зоологическом музее Академии Наук.

В Усть-Каменогорске Евгений Петрович продолжает начатое еще в Таре изучение моллюсков. По вопросам конхиоло-

Мариинское училище в Усть-Каменогорске.

Пароходная пристань. Усть-Каменогорск.

гии он с 1883 года завязал продолжавшуюся много лет переписку с директором Берлинского Зоологического музея, известным в науке специалистом по моллюскам, профессором Карлом Эдуардом фон Мартенсом. Евгений Петрович посылал в Берлин дубликаты своих коллекций, определители к ним и записи наблюдений. Его работы обсуждались на заседаниях Берлинского общества естествоиспытателей. Сейчас его коллекция ракушек и слизней находится в Берлинском зоологическом музее.

Ценный вклад Е.Михаэлис внес в геологию. В усть-каменогорский период Евгений Петрович продолжал свои исследования Калбинского хребта и южного Алтая. Его знания геологии края сыграли большую роль в развитии горной промышленности, в течение многих лет он считался признанным авторитетом по вопросам геологии и за его консультацией обращались не только горнопромышленники, но и известные ученые и исследователи, среди которых профессор В.В.Сапожников, профессор В.А.Обручев, Г.Н.Потанин и другие.

На Алтае он открыл несколько месторождений золота и предложил наиболее рациональные способы их разработки. Сейчас в районах, исследованных Михаэлисом, в крупных масштабах ведется золотодобыча, работают полиметаллические рудники. Исследуя районы Калбинского хребта, Евгений Петрович собирает богатейшие минералогические коллекции.

Вместе с известным пчеловодом, политическим ссыльным А.Н.Федоровым Михаэлис изучает методы развития пчеловодства на Алтае. Ульи их конструкций в 1894 году удостоились серебряной медали на Всероссийской выставке и очень быстро завоевали общее признание не только среди местных пчеловодов, но и далеко за пределами Алтайского края. Ныне Восточно-Казахстанская область славится пчеловодством, и большая заслуга в этом принадлежит Е.Михаэлису.

В 80-х годах Евгений Петрович провел большое исследование Иртыша, от Семипалатинска до озера Зайсан на протяжении 758 км, составил навигаторскую карту этого участка и собрал большой материал экономического и географического характера. Результатом этой работы было

открытие пароходного сообщения в верхней части Иртыша, что имело огромное экономическое значение для края.

В усть-каменогорский период жизни Е.Михаэлис накопил энциклопедические знания и сложился как ученый-краевед, всесторонне изучивший Степной край и Южный Алтай, а неиссякаемую энергию и ясный ум он сохранил до самой смерти.

Дом Евгения Петровича был маленьким культурным центром, где собирался небольшой кружок прогрессивной интеллигенции города. Здесь читали новейшую русскую и иностранную литературу, обсуждали актуальные общественные и политические вопросы, вели горячие споры. Царское правительство по-прежнему внимательно следило за Михаэлисом, и слежка усилилась в дни революции 1905 года.

Получив предупреждение, что у него должен быть обыск, Евгений Петрович в эти дни сжег много литературы и писем - Чернышевского, Менделеева, Ковалевского, Пантелева, Шелгуновых. Переписку со многими представителями научного и литературного мира Евгений Петрович был так-

Усть-Каменогорск.

же вынужден уничтожить в 1913 году, за месяц до смерти. Оценить общественно-историческую ценность сожженного им архива сейчас сложно.

В 1908 году Евгению Петровичу неожиданно дали перевод по службе в Томск, от которого он, по-видимому резко, отказался. Возник конфликт с начальством, в результате которого он 24 августа 1908 года вышел в отставку после 35-летней службы. Службы, которая ничего ему не давала, кроме средств для скромного существования.

Евгений Петрович Михаэлисъ.

(Некролог).

Умер Е. П. Михаэлисъ... Сынъ съ дншевною стипендіею большой чина, — человекъ высокой культуры, служивый умъ, серьезной эрудиціи, дншево-интереснаго, блестящаго ораторскаго самоощущенія. Почтенный предкаказалъ изъ себя артиста, интеллигентнаго, болельщика, искренне дншево личность, которая много днше была связана съ жизнью народа. Въ исторіи Социал-демократическаго края личность Е. П. Михаэлисъ оставила шестейный следъ. Михаэлисъ — членомъ Петербургскаго Университета, преподавателемъ — Михаэлисъ оставилъ случайными дншевыми своей охраной, изученіи которой онъ остался не равнодушнымъ. Последнній онъ составилъ старинныя членовщину общества профессора при Социал-демократическомъ Поволжскъ Губернаторскъ и секретаремъ Славянскаго Комитета. Ему принадлежалъ своимъ преподавателемъ арзамаскаго общества шестейного края, которому онъ подарило результаты своей дншевой работы въ Социал-демократическомъ области — работы профессора, дншевыми онъ въ журналы. Раздала по своимъ, онъ въ сотрудничестве изучать киргизскій языкъ и открыла въ Иркутскѣ большой научный семинаръ изъ лицъ Иркутска (Мана) Желобова.

Евгений Петрович ушел из жизни 2 (15) декабря 1913 года, он покоится на старом Ушановском кладбище г. Усть-Каменогорска. На печальное событие в сибирских и петербургских изданиях появились некрологи, отмечающие, какой цельной, глубоко индивидуальной и многогранной личностью был Е.П.Михаэлис.

«Он был одним из тех самоцветов, которые вправлены в безнадежно серую раму нашего захолустья; тем праведником, ради которых бог щадит унылые города». «Богатая духовная организация Евгения Петровича не оставляла никаких сомнений в том, что при благоприятно сложившихся обстоятельствах Михаэлис мог бы приобрести в науке большое, может быть даже европейское имя».

Яркий представитель лучшей части интеллигенции шестидесятых годов, сочетавший в себе прогрессивно-револю-

ционные убеждения с твердостью характера и воли, он пронес нетронутыми свои взгляды и личное достоинство через долгие годы ссылки, во всех условиях оставаясь самим собой – гражданином и ученым.

С 1995 года улица Юбилейная города Усть-Каменогорска стала носить имя Е.П.Михаэлиса.

Литература:

- «Алаш мирас» («Народное наследие»), сборник документов, Алматы, 1995 г.
- «Михаэлис Евгений Петрович. 1841-1913. Краеведы Восточного Казахстана». Управление архивов и документации Восточно-Казахстанской области, государственный архив Восточно-Казахстанской области; сост. Л.П.Рифель, Усть-Каменогорск, 2007 г.
- С.Бейсенбаева «Друг поэта – Евгений Михаэлис», «Казахстанская правда», 1994 г., 8 сентября
- С.Черных «Друг Абая», «С берегов Иртыша», Алма-Ата, издательство «Казахстан», 1981 г.
- А.Жиренчин «Абай и его русские друзья», издательство Академии Наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1949 г.
- «В устье каменных гор», республиканская газета «Караван», 6 июня 2008 г.
- «Заросла к нему народная тропа», Андрей Тентетников, газета «Экспресс», №93, 28.05.2011 г.

Ирина Викторовна Ерофеева, кандидат исторических наук

ОН ПРИНАДЛЕЖАЛ К ЧИСЛУ «ПРОСВЕЩЕННЕЙШИХ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ»

В середине XIX века большой вклад в организацию разно-стороннего изучения, хозяйственного освоения и социаль-но-культурного обустройства Казахстана внес известный российский администратор Густав Христианович Гасфорт, имя которого увековечено в научной литературе, беллет-ристике и исторической топонимике страны.

Густав Христианович Гасфорт родился 1 апреля 1794 г. в имении Мюде в Эстляндии, в семье немецких дворян еван-гелического вероисповедания. В юности окончил Кенигс-бергское высшее ветеринарное училище, а в 1811 г. – Инсти-тут корпуса путей сообщения, получив звание прапорщика. В 1812 г. был участником Отечественной войны, во время которой отличился в сражениях при Бородино, Таратутино, Малоярославце, под Вязьмой и Красным, а в 1813-1814 гг. - в ходе заграничных походов русской армии. После войны он закончил Училище колонновожатых и некоторое время

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии»

был старшим адъютантом в главном штабе 1-й армии, затем начальником 2-го отделения квартирмейстерской части. В 1828 г. переведен в Генеральный штаб с назначением начальника штаба 1-го армейского корпуса в звании генерал-майора. Находясь в этой должности, в 1829 г. Гасфорт был командирован в отдельный Кавказский корпус и участвовал в военных операциях против горцев. В 30-х гг. XIX в. его служба проходила сначала в Польше, потом в Молдовии и Валахии. В Бухаресте он принял российское подданство.

В 1840 г. Гасфорт был назначен командующим 15-й пехотной дивизии, с которой участвовал в течение почти семи лет в военных действиях на Кавказе. В 1848-1849 гг. он принимал участие в военных кампаниях на территории Центральной Европы, откуда возвратился в Россию в чине генерал-лейтенанта.

В 1851 г. Гасфорт был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и переехал в Омск, с 1853 г. – генерал от инфантерии. На этом посту он прослужил почти десять лет, совмещая административные обязанности с должностью командующего отдельным Сибирским корпусом. На юге Западной Сибири он проявил себя энергичным и деятельным администратором, приложившим немало усилий для укрепления позиций России в Семиречье. По инициативе генерал-губернатора и при его активной поддержке была организована военная экспедиция майора М.Д.Перемышльского в предгорья Заилийского Алатау, в ходе которой в 1854 г. был основан город Верный – будущая столица Казахстана Алма-Ата. В последующие годы он энергично содействовал местной администрации Семиреченского края в хозяйственно-культурном обустройстве новоприсоединенных территорий, развитию здесь земледелия, караванной торговли с Западным Китаем, развитию новых городов.

Несмотря на большую загруженность служебными делами, Гасфорт уделял большое внимание организации специальных исследовательских экспедиций в разные районы

Юго-Восточного Казахстана и Киргизии, привлекая для этой цели талантливых людей. Присоединение этого региона к Российской державе открывало широкие возможности для накопления разнообразных знаний о соседних народах и землях Центральной Азии, и западносибирский губернатор стремился не упустить такой шанс.

В то время пристальное внимание научной общественности Европы было обращено на территорию Северного Тянь-Шаня, куда со времен Марко Поло не мог проникнуть никто из европейских путешественников. Интерес к этой загадочной части Центральной Азии особенно возрос после выхода в свет в Париже фундаментального исследования Александра Гумбольдта «Центральная Азия», написанного исключительно на основе литературных источников. Этот выдающийся труд определил на многие десятилетия научное призвание и основные маршруты путешествий целой плеяды видных европейских и российских исследователей, первыми из которых были три целеустремленных выходца из Баварии доктора Мюнхенского университета братья Шлагинтвейт и тогда еще совсем молодой русский ученый П.П. Семенов.

В 1854 г. Герман (1826–1882), Роберт (1833–1885) и Адольф (1829–1857) Шлагинтвейты поступили на службу в английскую Ост-Индскую Компанию и уехали в Британскую Индию. В течение трех лет они изучали обширные пространства Индии, Тибета, Каракорума, доходили до горных цепей Куньлуня и знойных пустынь Афганистана. В июле 1856 г. Герман и Роберт Шлагинтвейты совершили поездку в район Куньлуня и Хотана и в результате этого стали первыми европейцами, пересекшими Каракорум и Куньлунь с юга на север и посетившими Хотанский оазис. Пройдя около 300 миль по Восточному Туркестану, исследователи проделали за 26 дней колоссальную работу: собрали обширные естественнонаучные и этнографические коллекции, сведения о торговых путях в Бадахшан, Яркенд, Кашгар, Коканд

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии» и Аксу, провели инструментальную съемку посещенных мест, метеорологические и геологические наблюдения и позднее на основе обработанных материалов подтвердили гипотезу Гумбольдта о самостоятельном положении Куньлуня. В России в 60-х гг. XIX в. в знак признания заслуг немецких путешественников в исследовании Восточного Туркестана Роберту и Герману Шлагинтвейтам было присвоено почетное имя «Закуньдунских». Почти одновременно с братьями Шлагинтвейт в 1856 – 1857 гг. совершил свое знаменитое путешествие в Тянь-Шань со стороны Сибири

Фот. Центральный государственный архив литературы, документов и звукозаписей РК.
Густав Христианович Гасфорт. (Портрет художника Буланже).

через Омск, Семипалатинск и Верный русский исследователь П.П.Семенов, открытия которого опровергли гумбольдтовскую теорию вулканического происхождения этих гор и позволили выяснить действительное геологическое происхождение хребтов Тянь-Шаня. Впоследствии П.П.Семенов за совершенный им географический подвиг был удостоен со стороны ведущих ученых сообществ России присвоения ему почетного звания «Тянь-Шанский».

Весной 1857 г. Роберт и Герман Шлагинтвейты отправились через британские владения на Среднем Востоке в Европу, а П.П.Семенов из Тянь-Шаня через кочевья киргизов и казахов и далее через Западную Сибирь - в Петербург, третий же брат Шлагинтвейтов - Адольф - решил довести до конца начатое дело и попытаться проникнуть в Яркенд и другие города Восточного Туркестана. С этой целью он в июле 1857 г. перешел Каракорум, Куньлунь и в начале августа добрался до Яркенда. Дальнейшие следы продвижения Адольфа Шлагинтвейта по Восточному Туркестану полностью затерялись, и братья ничего не смогли о нем узнать от азиатских подданных Великобритании.

В последующие месяцы британские колониальные власти приложили немало усилий для того, чтобы выяснить судьбу немецкого исследователя и отыскать что-нибудь из его имущества. Однако эти разыскания успехом не увенчались. Об обстоятельствах пребывания Адольфа Шлагинтвейта в Восточном Туркестане в Европу поступали самые невероятные и противоречивые слухи, и поэтому Берлинское географическое общество по инициативе Германа и Роберта Шлагинтвейтов обратилось к российским ученым за содействием в поисках следов возможного местонахождения или гибели их младшего брата.

Министерство иностранных дел России и ученые Русского Географического общества быстро откликнулись на призыв европейской научной общественности и активно включились в дело поисков своего немецкого коллеги.

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии»

Информация о большой обеспокоенности европейских ученых по поводу бесследного исчезновения в глубинах Центральной Азии Адольфа Шлагинтвейта дошла летом 1857 г. через специальных курьеров до русского путешественника П.П.Семенова, который в это время возвращался из своего знаменитого путешествия в Тянь-Шань через территории Северной Киргизии и Казахстана.

Узнав по пути следования в главный административный центр Сибири о поисках немецкого ученого, П.П.Семенов, приехав в Омск, встретился там с генерал-губернатором Г.Х.Гасфортом и попросил его оказать содействие ученому миру Европы в установлении действительного места нахождения или гибели А.Шлагинтвейта. Для этой цели путешественник посоветовал ему «командировать поручика Чокана Валиханова, переодетым в его национальное платье, в Кашгар для того, чтобы собрать обстоятельные сведения о гибели доктора Адольфа Шлагинтвейта, одинаково интересные как Русское и Берлинское географические обще-

Вид на укрепление Верное с побережья Алматинки.

Ирина Ерофеева

ства, так и вообще весь образованный ученый мир, а также постараться собрать все, что могло уцелеть из собранных им материалов, дневников и т.д.». Г.Х Гасфорт охотно согласился на это предложение, заявив П.П.Семенову, что «он всегда и везде подавал руку помощи всем талантливым людям, ему встречавшимся», но при этом уточнил, что подобная поездка может состояться только с санкции центрального правительства. В последующие месяцы генерал-губернатор добился поддержки Министерства иностранных дел в организации научной экспедиции в Кашгар и принял самое

П.П.Семенов-Тянь-Шанский.

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии»

деятельное участие в подготовке этого чрезвычайно сложного и опасного мероприятия.

Большая заинтересованность Г.Х.Гасфорта в практическом осуществлении смелого замысла П.П.Семенова была продиктована далеко не только его служебным рвением на высоком посту, как это нередко утверждалось в работах советских историков, а более широкими и гуманными целями. Последние проистекали из его высокого интеллектуального уровня и широкого мировоззренческого кругозора, поскольку этот администратор вовсе не являлся, вопреки тенденциозным утверждениям некоторых исторических опусов, одним из заурядных самодовольных службистов. Более того, Г.Х.Гасфорт принадлежал, по характеристике хорошо знавшего его П.П.Семенова-Тянь-Шанского, «к числу просвещеннейших офицеров русской армии, имел вполне научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность». В свою очередь известный военный деятель и исследователь того времени, генерал И.Ф.Бабков вспоминал: «Гасфорт был человек умный и хороший администратор». Другой осведомленный современник, военный инженер и плодовитый писатель П.К.Мартьянов так писал о Гасфорте: «Это был ученый генерал, не в смысле наших вообще военноученых, оканчивающих курс в Академии Генерального штаба, но особенно ученый, учившийся у нас и за границей в нескольких университетах и академиях и имевший до пяти докторских дипломов по разным сферам наук. Человек почтенных лет, но как студент, весьма гуманный, мягкий и обходительный, он ...всей своей фигурой, голосом и манерами походил скорее на профессора, нежели на строевого генерала-фронтовика».

Обладая обширной эрудицией в различных отраслях знания и являясь компетентным исполнителем возложенных на него обязанностей по службе, Г.Х. Гасфорт старался привлечь к себе в Сибирское ведомство умных и энергичных по-

мощников, среди которых было немало немцев, российских подданных. При этом он сам проявлял неподдельный интерес к изучению Центральной Азии и активно поддерживал стремление своих талантливых молодых подчиненных к географическим и этнографическим исследованиям. Достаточно сказать, что оказанная им в середине 50-х гг. XIX века весомая поддержка талантливому казахскому султану Чокану Валиханову и сибирскому казаку Григорию Потанину в практической реализации их творческих замыслов в дальнейшем помогла состояться этим двум молодым людям как выдающимся исследователям и путешественникам.

По разным объективным причинам сроки отправления российской научно-исследовательской экспедиции в Восточный Туркестан затянулись до весны следующего года. Лишь 25 июня 1858 г. торговый караван семипалатинского купца Букаша Хаупбаева и караванбаши Мусабая Тохтабай-оглы Касымова (он же Тохтабаев), в котором находился переодетый в национальную одежду офицер русской армии Чокан Валиханов под именем торгового сарта Алимбая, покинул укрепление Верный и взял курс на юго-восток в Кашгар. Генерал Г.Х.Гасфорт, испытывавший большую личную привязанность к Чокану, вплоть до пересечения караваном границы китайских владений поддерживал с молодым поручиком-казахом непрерывную переписку, часто подписывая свои служебные послания последнему теплыми ободряющими словами: «Ваш доброжелательный и преданный Г.Гасфорт».

1 октября 1858 г. с риском для жизни Чокан Валиханов прибыл в Кашгар и там находился до 11 марта 1859 года. Из Восточного Туркестана в укрепление Верный он возвратился 12 апреля, оттуда известил генерал-губернатора Западной Сибири о трагической участи Адольфа Шлагинтвейта. После завершения экспедиции в Кашгар и прибытия отважного казахского путешественника в Омск генерал Г.Х.Гасфорт, по компетентному свидетельству российского

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии» востоковеда Н.И.Веселовского, не только активно способствовал ему в скорейшей обработке собранных материалов, но и «сам принимал участие в редактировании отчета об этой поездке и затем дал Валиханову командировку в С.-Петербург».

Впоследствии целеустремленная поддержка, многократно оказываемая «ученым генералом» как Чокану Валиханову, так и другим российским исследователям в изучении малоизвестного тогда Центрально-Азиатского региона, была по достоинству оценена его соотечественниками.

Между тем, еще в то время, когда Ч.Валиханов находился в Кашгаре, отчаявшиеся Герман и Роберт Шлагинтвейты обратились 8 ноября 1858 г. с письмом к министру иностранных дел России князю А.М.Горчакову. В нем они попросили российского канцлера организовать сбор достоверных сведений о судьбе своего младшего брата через чиновников пограничного управления Западно-Сибирского генерал-губернаторства, имевших тесные контакты с казаками и

Немецкий географ и альпинист Адольф Шлагинтвейт с братьями.

другими сопредельными народами Центральной Азии. 29 ноября 1858 г. князь А.М.Горчаков обратился с письмом к генерал-губернатору Г.Х.ГасфОРту, а тот, в свою очередь, отдал срочное распоряжение о сборе интересующих сведений военному губернатору Области сибирских казахов генерал-майору Г.К. фон Фридриксу. Последнему не потребовалось много времени, чтобы решить вопрос о том, кто, где и каким образом сможет в кратчайший срок собрать нужную информацию об Адольфе Шлагинтвейте. И он в кратчайшие сроки нашел необходимых исполнителей.

Уроженец Эстляндской губернии, выходец из потомственного остзейского дворянства Густав Карлович фон Фридрикс (1788-1880) был, как и его прямой начальник, широко образованным, компетентным и деятельным администратором. Он получил хорошее домашнее образование, свободно владел немецким, французским и шведским языками и находился в курсе всех более или менее крупных научных событий своей эпохи. Он являлся участником Отечествен-

Дервиши-музыканты в Кашгаре.

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии»

ной войны 1812 г. и знаменитых военных кампаний русских войск 1813-1814 гг. в Западной Европе. За проявленные смелость и мужество в боях за взятие Парижа Г.К. фон Фридрикс был награжден в 1814 г. царским правительством серебряной медалью, а немецким герцогом Гессенским Филиппом Великодушным - орденом 2-й степени. До середины XIX в. он служил в элитных частях русской армии на территории Европейской России, а в 1850 г. получил назначение в Западную Сибирь. 31 декабря 1854 г. по приказу императора Г.К. фон Фридрикс был назначен на должность военного губернатора Области сибирских казахов и прослужил на этом посту около 10 лет.

Подобно Г.Х.Гасфорту, военный губернатор Области сибирских казахов опирался на многих образованных и талантливых помощников, благодаря чему был неплохо осведомлен о деловых качествах подведомственных ему казахских старших султанов внешних округов Сибирского ведомства. Организацию сбора сведений о судьбе Адольфа Шлагинтвейта он непосредственно поручил своему заместителю, просвещенному управленцу польской национальности, полковнику К.К.Гутковскому (1801-1867), но при этом четко сориентировал его в том, кто именно из казахских султанов может наиболее успешно справиться с таким сложным и деликатным заданием. Направляя последнему свои распоряжения о поисках, Г.К.Фридрикс, в частности, указал: «Я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, озадачиться разузнанием при посредстве старших султанов пограничных округов Области сибирских киргизов и караванных начальников, чрез лиц, имеющих сношения с Кокандом и Ташкентом, о судьбе Адольфа Шлагинтвейта». Далее военный губернатор, конкретизируя свою мысль, порекомендовал К.К.Гутковскому опереться в первую очередь на старшего казахского султана Акмолинского округа Ибрагима Жаикпаева, «имеющего постоянные отношения с Ташкентом» и поручить ему «собирать какие-либо по сему предмету сведения».

Ирина Ерофеева

В начале 1859 г. К.К.Гутковский предписал всем начальникам военных отрядов и казахским старшим султанам доводить до его сведения любую информацию о возможном месте пребывания Адольфа Шлагинтвейта, которую они в состоянии будут собрать в Казахстане и Средней Азии. 12 апреля 1859 г. из Кашгара возвратился с караваном в русское укрепление Верный Чокан Валиханов и первым сообщил об обстоятельствах гибели Адольфа Шлагинтвейта, поплатившегося жизнью за отказ отдать туркестанскому диктатору Валихану-торе документы, предназначавшиеся кокандскому хану.

Чокан Валиханов.

На перевале Гасфорта.

Так, благодаря персональным контактам видных ученых России и Германии, заинтересованному посредничеству и организаторским усилиям генерал-губернатора Г.Х.Гасфорта и его подчиненных ученых мир Европы узнал о трагической участи исследователя. В 1888 г. по инициативе русского консула в Кашгаре Н.Петровского на месте гибели Адольфа Шлагинтвейта на средства Русского географического общества был воздвигнут памятник с надписью: «Путешественнику Адольфу Шлагинтвейту, павшему в Кашгаре жертвою высокой преданности географической науке 14-26 августа 1857 г.».

Покинув пост генерал-губернатора Западной Сибири, Гасфорт в 1864 г. вышел в отставку и приехал в Петербург, где провел последние годы жизни. Он скончался 5 мая 1874 г. и был похоронен, по одним данным, на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге, а по другим – в родовом имении в Эстляндии. В разные годы своей служебной деятельности Гасфорт был награжден орденами Св. Анны 4-й, 2-й и 1-й степеней, 2-й степени с алмазами; Св. Владимира

Ирина Ерофеева

4-й степени с бантом, 2-й степени и 1-й степени с мечами; Белого Орла, Св. Георгия 3-й степени, Св. Александра Невского с алмазами, золотой саблей с алмазами и надписью «За храбрость» и др. Как активный организатор разносторонних исследований Западной Сибири и новоприсоеди-

Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии»
ненных к России регионов Центральной Азии он являлся почетным членом Вольного экономического общества и Российского географического общества Петербургской Академии наук. В память о Гасфорте назван один из высокогорных перевалов хребта Джунгарский Алатау, расположенный на территории Алматинской области.

Литература:

- И.Ф.Бабков «Записки о моей службе в Сибири», Спб., 1912 г.
- П.П.Семенов-Тянь-Шанский «Путешествие в Тянь-Шань», М., 1958 г.
- П.П.Вибе «Гасфорт», («Немцы России», энциклопедия в 4-х томах, т. 1), М., 1999 г.
- И.В.Ерофеева, В.А.Моисеев «В поисках Адольфа Шлагинтвейта» (из истории международных научных связей в XIX в.), «Культура немцев Казахстана: история и современность», Материалы международной научно-практической конференции Алматы, 9-11 октября, 1998 г., Алматы, 1999 г.
- В.А.Ауман, А.Г.Байер, Р.М.Португальский, В.А.Рунов «Немцы на военной службе в Российской империи», М., 2006 г.
- «История и этнография немцев в Сибири», Омск, 2009 г.

ДИПЛОМАТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Немецкому землепроходцу и дипломату Карлу Миллеру принадлежит заслуга обследования центрального и южного регионов казахских степей, куда прежде не ступала нога европейских путешественников и ученых, освобождения будущего знаменитого верховного правителя казахских жузов хана Абылая (1711-1780) из джунгарского плена.

Биографических сведений о К.Миллере сохранилось немного. По косвенным данным известно, что он поступил на государственную службу Российской империи не позднее конца первой четверти XVIII в. и до принятия казахским ханом Абулхаиром (1710-1748) российского подданства служил в пехотном полку, расквартированном в Астрахани. В середине 30-х гг. XVIII в. Миллер был переведен по службе на Южный Урал и зачислен в состав Оренбургской комиссии, где имел звание поручика Пензенского гарнизонного пехотного полка. Полк сначала размещался в Орской крепости, а в 1743 г. был передислоцирован в новооснованный на границе башкирских и казахских кочевий город Оренбург. В Оренбургском крае К.Миллер прожил не менее десяти лет, дослужившись в 1744 г. до звания полковника. Дальнейшие обстоятельства его жизни и служебной деятельности историкам пока не известны.

Благодаря назначению в далёкий Оренбургский край перед молодым офицером открылись широкие перспективы для успешного продвижения по службе и профессионального роста. К тому времени К.Миллер уже располагал определенными знаниями по географии и истории Центральной Азии, что позволило ему за короткий срок обратить на себя особое внимание начальника Оренбургской комиссии, будущего известного российского историка географа и этнографа В.Н.Татищева (1686-1750) и войти в состав наиболее при-

ближенных к нему лиц. Именно в общении с ним в полной мере проявились и получили дальнейшее развитие такие характерные черты личности К.Миллера, как разносторонняя эрудиция, способность к быстрому освоению иностранных языков, большое трудолюбие и дипломатический талант. Инициативный, любознательный и деятельный офицер с первых дней своего пребывания на новом месте с увлечением окунулся в малознакомую ему культурную среду, стараясь в ходе частого общения с приезжавшими на Оренбургскую линию казаками-кочевниками пополнить накопленные книжные познания о малоизвестных странах и народах Центральной Азии и расширить свой этнографический кругозор.

В середине 30-х гг. XVIII в. Карл Миллер неоднократно выезжал по заданиям начальника Оренбургской экспедиции (с 1738 г. – комиссии) И.К.Кирилова и Коллегии иностран-

Оренбургская (Орская) крепость.

ных дел в приграничные кочевья Младшего и Среднего жузов, где знакомился с политической обстановкой непосредственно на местах, собирал разнообразные сведения о кочевом быте, обычаях и традициях казахского народа, изучал в степных аулах разговорный казахский язык.

В 1736 г. И.К.Кирилов направил в Петербург обширный план в отношении Казахстана и Средней Азии. Оценивая возможные перспективы установления прямых торговых отношений Оренбурга с городами Туркестаном и Ташкентом, купцы которых раньше «никогда в России не торговали», он предложил проложить «через Ташкент в Индию и в Мунгалы, и в Хиву путь» и выяснить по поводу него – «не будет ли ближе бухарской дороги?». Далее основатель Оренбурга писал, что намерен для выполнения этого пла-

Юго-восток Российской Империи накануне создания Оренбургской экспедиции (1734-1737 гг).

на отправить летом торговые караваны в Ташкент, Хиву и Бухару. Составленные проекты и инструкции два года спустя попытался реализовать преемник первого начальника Оренбургской экспедиции В.Н.Татищев, распорядившийся летом 1738 г. отправить первый русский торговый караван из Орска в Ташкент. Руководителем торгово-политической миссии был назначен поручик К.Миллер, а для описания путевого маршрута подпоручик Алексей Кушелев.

До путешествия Миллера в Ташкент царское правительство в 1731 г. уже предпринимало попытку установить прямые торговые связи России со странами Центральной Азии через Казахскую степь. Тогда с торговым караваном был отправлен полковник русской артиллерии уроженец Бранденбурга Иоганн Густав Гербер, миссия которого закончилась полным провалом. Купеческий караван, не пройдя и половины пути, был разграблен в зауральских степях казаками Младшего жуза во главе с султаном Батыром.

Учитывая неудачный опыт отправления И.Г.Гербера в Среднюю Азию, царские сановники в Петербурге, тем не менее, возлагали большие надежды на новое посольство, рассматривая его как первый решительный шаг в деле установления торговых связей России с Ташкентом и Бухарой. Специальная инструкция Коллегии иностранных дел вменяла Миллеру в обязанность «вытребовать беспошлинную торговлю для русских купцов и постараться съездить в бухарские города», изучить ассортимент русских товаров, пользующихся спросом у азиатских торговцев, и «составить список товаров, какие нам нужные у них есть», получить точные сведения о русских пленных и потребовать от ташкентского хана их освобождения. Отдельные положения инструкции предусматривали сбор информации о месторождениях благородных металлов в окрестностях Ташкента и подготовку топографического описания пройденного пути.

К.Миллер вышел с торговым караваном в августе 1738 г. из Орской крепости и направился в юго-восточном направ-

лении в город Ташкент. От Орска до Ташкента он прошел вместе со своими спутниками огромный путь расстоянием 1546 верст и, проложив за три месяца новый караванный маршрут через территорию Центрального и Юго-Восточного Казахстана, стал первым европейским путешественником, которому удалось проникнуть в Среднюю Азию из России через пустыню Бетпақдала.

Однако вблизи Ташкента торговый караван был также полностью разграблен, все члены посольства кроме Миллера попали в плен. Руководитель миссии благодаря доброжелательно настроенным к России старшинам южных казахов смог относительно благополучно добраться до Ташкента, где в течение нескольких недель жил, общаясь с местным населением и налаживая личные контакты с ханом Старшего жуза Жолбарысом (ок. 1720-1739 гг.), управлявшим тогда этим среднеазиатским городом и смежными оседло-земледельческими оазисами, а также с влиятельными казахскими старшинами Среднего жуза – Жаныбеком (умер в 1751 г.) и Ниязом батырами и с джунгарским наместником в Южном Казахстане нойоном Кашкой. В конце марта 1739 г. Карлу Миллеру удалось собрать в Ташкенте всех членов своего посольства, после чего, не теряя времени, отправились в обратный путь, занявший около двух месяцев.

В качестве основных отчетных документов об этой поездке Карл Миллер и его товарищ Алексей Кушелев представили в Коллегию иностранных дел путевой журнал движения каравана и маршрутную карту обследованных участков казахских степей. Фактические сведения о Южном Казахстане и примыкающих к нему районах Ферганы были использованы в 1744 г. членом Оренбургской комиссии, будущим известным историком П.И.Рычковым (1712-1777) и включены со ссылкой на источник в приложение к основному тексту «Истории Оренбургской», опубликованной академиком Г.Ф.Миллером в Петербурге в 1759 году. Благодаря этой публикации европейская наука получила первые достоверные

известия о политической географии, этнографии и истории южной части Казахстана и Ташкентского района.

За «понесенные труды и терпение» в 1739 г. Карл Миллер получил повышение по службе и был произведен приказом высшего командования из поручиков в секунд-майоры. Одновременно с военным званием повысился и его личный имидж среди высших чиновников Оренбургского края. В 1740 году К.Миллер участвовал в ответственных русско-казахских переговорах и сыграл заметную роль в укреплении пророссийской ориентации правителей Среднего жуза хана Абулмамбета (1739-1771) и султана Абылая, а также в проведении в Орске протокольной процедуры принесения ими присяги на верность российскому престолу.

К началу 40-х годов XVIII в. политическая обстановка в казахских жузах значительно обострилась в связи с началом очередной ойрато-казахской войны. Зимой 1741 г. джунгарские войска под командованием полководца Септеня вторглись в кочевья Среднего жуза. Во время одного из сражений в плен к ойратам попал влиятельный султан Абылай.

Колодец и татарская мечеть на Меновом дворе. Оренбург.

Ирина Ерофеева

Под натиском джунгар отступил к Орской крепости хан Абулмамбет, опустели кочевья казахов по Ишиму и Тоболу, потерпели поражение войска Младшего жуза в долине реки Иргиз.

Абылай-хан.

Одержав внушительные военные победы, джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрен (1727-1745) предъявил казахским ханам и султанам жесткий ультиматум, потребовав от них признания политического протектората Джунгарии над казахскими жузами, предоставления ему права распоряжаться кочевьями казахов, выплату алмана (т. е. дани) и отправления аманатов (заложников) в ургу. Домогательства джунгарского хунтайджи в отношении кочевого населения Младшего и Среднего жузов существенно подрывали престиж России и таили в себе немалую опасность для стратегических интересов царского правительства в регионе. Перспектива объединения казахских жузов с Джунгарией и возможного появления на юго-восточных границах России новой мощной державы тюрко-монгольских кочевников вызвали серьезную тревогу у царского правительства, побудив его отказаться от прежней тактики пассивного наблюдателя военных действий между казахами и их юго-восточными соседями и решительно вмешаться в казахско-джунгарские отношения.

В июле 1742 г. Коллегия иностранных дел предписала первому оренбургскому губернатору И.И.Неплюеву добиваться любой ценой от правителя ойратов Галдан-Цэрена официального признания в том, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными и потребовать от него все возникающие казахско-ойратские конфликты разрешать только через посредничество оренбургских властей. Для выполнения этого сложного задания петербургские сановники рекомендовали своему наместнику послать в Джунгарию «искусного» в степных делах офицера, который мог бы «наилучшим способом» довести до джунгарского хана точку зрения высших российских властей.

Получив эти строгие предписания из Петербурга, И.И.Неплюев принялся за подготовку предстоящей дипломатической миссии. В начале 1742 г. в кочевьях хана Млад-

шого жуза Абулхаира появились посланцы джунгарского правителя с письмом, в котором он в ультимативной форме требовал «з белыми кибитками Абулхаирханова сына Айчувак-султана ...в аманаты прислать», отправить вместе с ним в ургу девять наиболее влиятельных старшин, уплатить подать со ста дворов по одному корсаку, беспрепятственно пропускать торговые караваны в Джунгарию и обратно. Карл Миллер, знающий правила степного этикета, обладающий настойчивостью и политическим тактом, был направлен в ставку Абулхаира, чтобы разведать политическую обстановку и убедить хана и джунгарских посланников прибыть в дом губернатора в Орск. Офицер успешно справился с этим нелегким заданием. На встрече с представителями всех трех жузов, а также джунгарскими и каракалпакскими посланниками оренбургский губернатор И.И.Неплюев твердо заявил, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными, поэтому джунгарский хан никаких легитимных прав на взимание с них податей и получение заложников не имеет. Все спорные вопросы между казахами и ойратами джунгарские власти должны разрешать в ходе непосредственных контактов с царским правительством, не прибегая к тактике сепаратных переговоров с казахскими ханами и султанами. В интересах окончательного разрешения конфликта было решено отправить к Галдан-Цэрену посольство во главе с майором Карлом Миллером, который свободно владел казахским языком, легко устанавливал контакты с кочевниками.

В обязанности посланников входило вручить Галдан-Цэрену официальное письмо И.И.Неплюева с требованием о невмешательстве в дела казахов – подданных Российской империи и убедить впредь разрешать конфликты посредством прямых переговоров с русскими пограничными командирами. Другой не менее важный пункт инструкции обязывал К.Миллера использовать все его дипломатические способности и старые связи среди джунгарской

знати для освобождения султана Абылая и его подданных из джунгарского плена. Стремясь облегчить русскому посланнику выполнение этого сложного плана, пограничные власти при содействии хана Абулхайра заблаговременно сосредоточили всех плененных казахами ойратов в одном административном пункте для обмена на Абылая и его людей. Кроме того, предполагалось, что русское посольство сможет убедить казахских султанов и старшин не поддаваться на угрозы и ультимативные требования Галдан-Цэрена и по-прежнему оставаться в российском подданстве.

Отдельные положения инструкции нацеливали Карла Миллера на выполнение заданий военно-разведывательного характера: выяснение наступательного потенциала Джунгарии и ее геополитических интересов в казахских жузах, уточнение имевшейся информации о границах ойратских владений в регионе, сбор сведений о политическом влиянии Джунгарского ханства в Средней Азии и т. п.

3 сентября 1742 г. отряд Карла Миллера, состоявший из прапорщика Николая Пазухина, «геодезии ученика» Дмитрия Тохтарова, переводчика Ивана Ерофеева, капрала Тихона Дмитриева и шести яицких казаков, отправился из Орской крепости через казахские кочевья в Джунгарию. Миссия двинулась на юго-восток мимо горы Карашетттау через низовья реки Торгай, северную часть Приаральских Каракумов, форсировала реки Сарысу в ее нижнем течении, прошла вдоль реки Каракингир на юго-восток к горам Хан-тау, через которые двинулась к подножию Киргизского хребта, затем повернула на северо-запад и достигла Каратауского хребта. Отряд пересек несколько небольших речек, стекающих с хребта, и вышел на нижнем участке реки Талас к окрестностям города Туркестана. Отсюда Миллер проследовал на восток, форсировал Талас, прошел вдоль всего Киргизского Алатау, добрался до верховьев реки Чу и 15 ноября 1742 г. вошел в приграничные кочевья ойратов. Переговоры по казахскому вопросу Миллер был вынужден вести

с уполномоченным Галдан-Цэрена нойоном Сары-Манджи, командовавшим джунгарскими войсками в Семиречье.

В кочевьях ойратов русское посольство находилось около трех месяцев, после чего 2 февраля 1743 г. отправилось в обратный путь. Из Семиречья отряд сначала двинулся в направлении на юго-запад к г.Туркестану, где простоял около месяца; а затем направился на север региона в Россию через пустыню Бетпақдала, реку Сарысу, скалистые горы Улутау и реку Караторгай. Следуя далее на северо-запад, он переправился через реку Олкейек, правый приток Торгая, и прибыл 14 мая 1743 г. в Орск. По Центральному, Южному и Юго-Восточному Казахстану Карл Миллер прошел расстояние свыше 4000 км, причем многие обследованные им территории, как, например, пустыня Бетпақдала и Чу-Илийские горы, не посещались европейскими путешественниками как до него, так и много лет спустя.

Через несколько лет информация о географическом подвиге российского землепроходца, первым из европейцев совершившего путешествие в Джунгарское ханство через Казахскую степь, дошла до сведения видного английского исследователя и путешественника Джонаса Ганвея, который собственноручно нанес на составленную им карту Центральной Азии путевой маршрут Карла Миллера. Эта карта вошла в двухтомное сочинение Д.Ганвея, изданное в 1753 г. в Лондоне под названием «Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море». Благодаря данной книге имя Миллера уже в середине XVIII в. стало известно не только в России, но и в европейском ученом мире.

Посольство Миллера сыграло немаловажную роль в урегулировании казахско-ойратских отношений. Это выразилось в относительной стабилизации военно-политической обстановки на границах казахских кочевий с Джунгарией, оживлении казахско-джунгарской торговли.

Но главным результатом русской дипломатической миссии явилось освобождение султана Абылая из джунгар-

ского плена, существенно укрепившее престиж России в казахских степях. Практически все царские чиновники того времени, которым приходилось затрагивать в своих служебных материалах этот вопрос, считали знаменательный факт возвращения влиятельного султана из джунгарской неволи исключительной заслугой посольства Карла Миллера. Характерно, что такого же мнения о своем освобождении из плена придерживался с самых первых дней выхода на свободу и сам недавний «джунгарский пленник» султан Абылай. В своем личном послании хану Среднего жуза Абулмамбету, написанном сразу после возвращения в степь, Аблай с «немалой бранью» укорял патрона в бездействии по отношению к джунгарскому хану и недвусмысленно утверждал, что «свобода-де ему оттоль учинена... чрез посылку туда майора Миллера». Также оценивается роль

Кочевник.

посольства Миллера в освобождении Абылая из плена и в современной исторической науке, что нашло отражение не только в ряде специальных научных трудов по истории Центральной Азии, но и в крупных энциклопедических изданиях последних лет.

В мае 1743 г. К.Миллер составил маршрутную карту путешествия в Джунгарское ханство и обратного пути, а также подготовил подробный путевой журнал в трех частях, повествующий о деятельности русского посольства в казахских и ойратских кочевьях, и собранные им разведывательные данные о военно-политической обстановке в южноказахских степях. На географической карте Миллер схематично изобразил ранее неизвестное европейским географам и картографам расположение рек Торгая, Сарысу, Чу и Таласа, а также сеть более мелких речек, впадающих в них. Сто лет спустя один экземпляр этой карты был обнаружен в Оренбургском архиве известным русским географом и этнографом Я.В.Ханыковым (1818-1862), который вскоре опубликовал его вместе с собственными примечаниями на страницах «Географических известий».

Статья Я.В.Ханыкова привлекла внимание к материалам путешествия многих других российских и европейских исследователей и ученых, в результате чего имя Карла Миллера с того времени стало часто упоминаться в научной литературе и прочно вошло в мировую историю географических открытий и путешествий европейцев в далекие азиатские страны. Во второй половине XIX – начале XX в. о поездках К.Миллера в Ташкент и Джунгарию писали такие крупные ученые, как И.В.Мушкетов (1850-1902), И.Ф.Бабков (1827-1905), М.И.Венюков (1832-1901), В.В.Бартольд (1869-1930), Л.С.Берг (1876-1950) и многие другие. По единодушному мнению всех этих авторитетов, составленная К.Миллером маршрутная карта путешествия в Джунгарское ханство представляла собой не только первый, но и единственный до середины XIX в. источник географических сведений о

районе Чу-Илийских гор и бассейнах трансрегиональных рек Чу, Талас и Сарысу, остававшихся долгое время неизвестными российским ученым. Второе путешествие в этот регион состоялось только сто лет спустя после поездки К.Миллера. Его совершил в 1843 г. профессор Дерптского университета немецкий исследователь А.И.Шренк.

Более драматично сложилась историческая судьба другого документа посольства Карла Миллера – путевого журнала, или дневника. Один экземпляр журнала был представлен Миллером сразу после возвращения в Оренбург в местную губернскую канцелярию, а два других в – Петербург, в Коллегию иностранных дел и Сенат. Ввиду плохих условий хранения исторических документов в провинциальных канцеляриях глубинки России, рукописный оригинал журнала К.Миллера, хранившийся в Оренбургском архиве, уже к середине XIX в. был утрачен для исследователей, и Я.В.Ханьков при всем старании не смог в Оренбурге его отыскать. По этому поводу он писал несколько лет спустя: «Относительно степи сибирских киргизов первое по времени отчетливое

Медресе Кукельдаш. Выстроено в XVI веке на возвышенности Чорсу. В XVIII веке медресе использовалось как караван-сарай.

показание должно заключаться в журнале Миллера 1742 года, но он, к сожалению, не дошел до нас». В последующие годы это поспешное заявление было слишком доверчиво воспринято многочисленными последователями Ханыкова, каждый из которых неизменно повторял в своих научных

трудах ставшую уже хрестоматийной, но ошибочную версию о бесследной утрате рукописи К.Миллера. Однако в середине прошлого века советским ученым в ходе обследования фонда «Киргиз-кайсацкие дела» Российского государственного архива древних актов, расположенного в Москве, удалось найти рукописную копию этого исторического документа, которая была подготовлена самим путешественником для Коллегии иностранных дел. В 2007 г. легендарный журнал поездки Миллера по казахским степям в Джунгарское ханство

был опубликован в Алматы в шестом томе десятитомного издания исторических документов «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков» и благодаря этому стал, наконец, достоянием исторической науки.

На путевом журнале 1742-1743 г. практически обрывается жизненный след замечательного дипломата, путешественника и исследователя, принадлежавшего к лучшей части немецкой «мобильной диаспоры» Российской империи. К сожалению, мы пока ничего не знаем о его дальнейшей судьбе, но даже те немногие разрозненные сведения о Миллере, которыми сегодня располагают казахстанские и зарубежные ученые, позволяют в должной мере оценить тот

обширный и разносторонний вклад, который был сделан им в общеевропейское хранилище географических и историко-этнографических знаний о Центральной Азии. Остаётся надеяться, что изучение трудов жизни и деятельности Миллера непременно продолжится в недалеком будущем и последующие поиски историков в разных архивах СНГ смогут пролить новый свет на загадочную биографию этого видного героя политической истории Казахстана середины XVIII столетия.

Литература:

- Я.Ханыков «О карте Миллерова маршрута от Орска до зюнгорских владений и обратно». Географические известия, Спб., 1850 г., вып. IV.
- И.П.Магидович, В.И.Магидович «Очерки по истории географических открытий», Москва, 1984 г.
- И.В. Ерофеева «Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (Посольство К.Миллера)». Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990 г.
- Н.Б.Голикова «Ташкент и его округ в 40-е гг. XVIII в. по свидетельствам очевидцев», Вестник МГУ, сер. 8, «История», 1990 г. №6.
- В.А.Моисеев «Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв.» Алма-Ата, 1991 г.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ЗНАТОК НАРОДОВ ВОСТОКА

Видный администратор и ученый Григорий Федорович (Георг Гергард) Генс (1787-1845 гг.), прослуживший в Оренбургском крае 38 лет, занимал, по отзывам современников, «выдающееся» место среди чиновников Оренбургского ведомства и считался «величайшим знатоком» народов Востока.

Г.Ф.Генс происходил из семьи прибалтийских немцев - помещенных дворян. В 1803-1806 гг. он учился на филологическом факультете Дерптского университета. Службу начал юнкером в петербургском Инженерном корпусе в 1806 г., а через год был переведен в Оренбург в инженерную команду подпоручиком. В 1815 г. произведен в чин штабс-капитана, в 1817 г. - капитана, в 1821 г. - подполковника, в 1825 г. - полковника, в 1834 г. - генерал-майора.

В 1814-1815 гг. Г.Ф.Генс принял участие в двух экспедициях под командованием коменданта города Троицка подполковника ФеофилаТЬева для отыскания на реке КараторгаЙ месторождения «свинцовой руды». Экспедиция привезла с собой образцы медной и свинцовой руд. В честь этого события по указу императора Александра I была отлита памятная медаль. На ней мастеровые Миасского завода высекли слова: «Европа венчает Россию славой, Азия отверзает ей сокровища». А внизу на медали надпись: «Благословенный рудник в Киргизской степи открыт в 1814 году».

По материалам этой поездки Генс подготовил две объемные рукописные работы геолого-топографического характера, составленные в форме путевых дневников, которые остались неопубликованными. Это «Журнал путешествия от города Троицка на Оренбургской линии до найденного в Киргизской степи на реке КаратургаЙ свинцового прииска» (1814 г.) и «Журнал, содержащий наблюдения, в особен-

ности топографические, сделанные в походе от Усть-Уйской крепости к находящемуся в Киргизской степи на реке Каратургай свинцовому прииску и обратно в город Троицк в Звериноголовскую крепость» (1815 г.). В обоих трудах он изложил подробные сведения по географии Центрального Казахстана, привел конкретные исторические названия посещенных мест и их традиционную народную этимологию, детально описал состояние казахского земледелия в бассейне р.Торгай и сообщил ряд других ценных сведений о материальной культуре казахов-кочевников. В 2012 году журналы Генса, как ценные источники по исторической топонимике и этнографии казахского народа, изданы в Астане в одном из сборников документов XVIII – XIX в., подготовленном научными сотрудниками Национального центра археологии и источниковедения Республики Казахстан.

В январе 1820 г. подполковник Генс был назначен начальником инженеров отдельного Оренбургского корпуса, а

Памятная медаль.

четыре года спустя приказом императора Александра I от 4 августа 1824 г. – директором только что открытого Неплюевского военного училища. 16 января 1825 г. он стал председателем Оренбургской пограничной комиссии и на новом посту активно содействовал развитию и улучшению русско-казахских отношений. Многолетний глава Пограничной комиссии являлся убежденным сторонником распространения земледелия и оседлости среди казахского населения региона, поощрял стремление кочевой знати к культурному обустройству своих призимовочных территорий и развитию торгово-экономических отношений казахов с соседними оседлыми народами.

Сослуживцы и другие современники исследователя единодушно отзывались о Г.Ф.Генсе как о весьма гуманном человеке, которого казахи едва ли не «боготворили» за доброе обхождение и справедливость к ним. Удивительно простой и доступный для каждого, председатель Пограничной ко-

Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге.

миссии нередко запросто принимал татар, башкир, казахов и других в своем доме, свободно изъясняясь на их родных языках.

Государственную службу на посту председателя Оренбургской пограничной комиссии Генс сочетал с активной общественной и религиозно-просветительской деятельностью и в период с 1839 по 1841 гг. был президентом церковного совета лютеранской общины в Оренбурге.

За свою усердную и добросовестную службу России он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Георгия 4-й степени. Был женат на дочери курского помещика Авдотье Матвеевне Рединой, от которой имел сына Дмитрия и двух дочерей: Софью и Наталью. Он вышел в отставку по состоянию здоровья 3 мая 1844 г. Умер в Оренбурге 10 мая 1845 г.

Г.Ф.Генс был хорошо знаком с русской и иностранной востоковедческой литературой того времени и в течение многих лет регулярно занимался сбором географической и историко-этнографической информации о Казахской степи и среднеазиатских ханствах. На основе собранных многочисленных показаний среднеазиатских посланников и торговцев Генс подготовил и издал в 1839 г. в Петербурге на немецком языке оригинальный труд «Известия о Хиве, Бухаре, Коканде и северо-западной части Китайского государства», который вышел в свет в одном из серийных изданий Петербургской Академии наук. В нем автор подробно описал современное ему состояние трех среднеазиатских ханств и в меньшей степени Восточного Туркестана: их территорию, административное устройство, коммуникации, экономику, образ жизни и занятия местного населения.

Поскольку до середины XIX в. страны Средней Азии оставались по-прежнему закрытыми для русских путешественников и купцов, эта книга представляла для государственных деятелей и ученых России своего времени большую

познавательную ценность. Свое научно-практическое значение она не утратила и в наши дни, так как многие приведенные здесь исторические сведения о народах Центральной Азии отсутствуют в других письменных источниках того периода. В 2006 г. труд Генса был переведен на русский язык и опубликован в Алматы в пятом томе десятилетнего издания «История Казахстана в западных источниках XII–XX вв.».

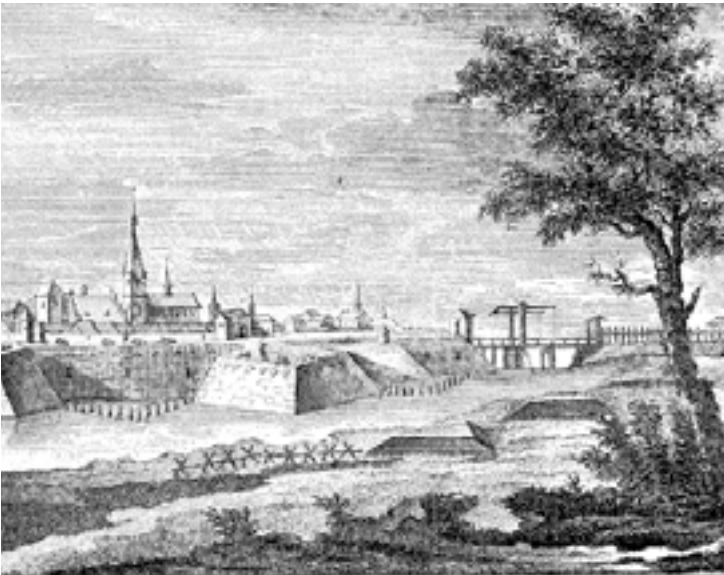
Большинство собранных и составленных им историко-этнографических материалов уже в те годы изучалось многими исследователями. С некоторыми из них в 1829 г. познакомился А.Гумбольдт во время своего пребывания в Оренбурге и позднее использовал подготовленные Генсом три географические карты Средней Азии в своем фундаментальном труде «Центральная Азия». После его ухода из жизни осталось многообразное и обширное рукописное наследие, составлявшее семнадцать переплетенных рукописных книг и пять «портфелей», из которого только небольшая часть материалов в свое время была опубликована российским академиком К.М.Бэрром, геологом Г.П.Гельмерсеном, военным топографом И.Ф.Бларамбергом, географами Я.В.Ханыковым и П.И.Небольсиным, писателем В.И.Далем.

Основной массив сохранившихся рукописей Г.Ф.Генса – это его служебные документы, журналы, докладные записки, отчеты, справки и переписка, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан, Государственного архива Оренбургской области, Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) и др.

Другая часть рукописей представлена составленными Г.Ф.Генсом в разные годы разнообразными выписками из важнейших государственных актов и востоковедческих трудов и его собственными исследовательскими материалами историко-этнографического характера. К ним относятся

«расспросные» показания русских путешественников, купцов, пленников, посланников, караванбашей по вопросам географии, хозяйства, быта и культуры казахов, политической жизни Казахской степи и среднеазиатских ханств.

До недавнего времени была опубликована только одна из его работ по истории и этнографии Казахстана. Она представляет собой относительно небольшую заметку «Происхождение жителей и их разделение», помещенную в качестве приложения к основному тексту труда И.Ф.Бларамберга «Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии» (Спб., 1848. С. 73-88). В ней приведены с использованием большого количества казахских терминов различные народные легенды и родословные; описаны родоплеменная структура казахов и места расселения разных кочевых родов Младшего жуза.

Крепость Российской империи на территории Казахстана.

В 2011 году в Алматы вышел в свет исторический очерк Г.Ф.Генса «Из краткого обозрения оренбургскими киргизами», написанный на рубеже 1830-х – 1840-х г. (История Казахстана в документах и материалах. Выпуск первый, Алматы, 2011 г., с. 75-87). Он отложился в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) в личном фонде известного востоковеда В.В.Григорьева, ставшего его преемником на посту председателя Оренбургской пограничной комиссии.

Основными источниками для создания этого труда автору послужили делопроизводственные документы местной губернской канцелярии и его личные впечатления о конкретных выходцах из традиционной степной аристократии, которые были кооптированы оренбургскими чиновниками в 1824-1841 гг. в состав аппарата управления краем на уровне среднего звена. Эта работа представляет собой подробный компетентный рассказ очевидца об истории политической деятельности первых султанов-правителей Казахской степи

Оренбургского ведомства, содержащий ценную информацию об эволюции сословия султанов в административно-бюрократической системе России и становлении казахской управленческой элиты нового типа. Она до сих пор сохраняет свое значение важнейшего источника по истории политической жизни Западного Казахстана второй четверти XIX века, существенно дополняя и уточняя свидетельства других осведомленных авторов того времени.

В современный период историко-этнографические материалы Г.Ф.Генса востребованы исследователями Казахстана не меньше, чем в дореволюционную эпоху. И недалек тот день, когда будут изданы большинство его рукописей по истории региона и благодарные читатели смогут в полной мере оценить непреходящую ценность этих работ для исторической науки.

Литература

- С.Н.Севастьянов «Г.Ф.Генс. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXIX, Оренбург, 1908 г.
- П.Е.Матвиевский «Г.Ф.Генс и его оренбургские записи о русско-индийских связях в XVIII – первой трети XX века. Из истории Южного Урала и Зауралья», Челябинск, 1966 г.
- Э.А.Масанов «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР», Алма-Ата, 1966 г.
- Ю.Зобов «Генс Г.Ф.» («Немцы России», энциклопедия в 4-х томах, т.1), А-И. М., 1999 г.
- И.В.Ерофеева «Рукописное наследие Г.Ф. Генса» («История Казахстана в документах и материалах», вып. 1), Алматы., 2011 г.

*Памятник Константину Петровичу фон Кауфману в Ташкенте.
Denkmal für Kaufmann in Taschkent.*

*Могила Густава Гасфорта.
Das Grab Gasforts.*

*Тюльпан Иогана-Альберта Регеля.
Die Regel-Tulpe.*

*Ледник Северный Иныльчек.
Der Gletscher Nord-Inyltschek.*

*Озеро Мерцбахера.
Der Merzbachersee.*

*Семипалатинская библиотека Н.В.Гоголя (ныне Абая).
Die Gogolbibliothek (heute Abaibibliothek) in Semipalatinsk.*

*Медресе Кукельдаш.
Die Kukeldasch-Medrese.*

*Республиканский дом-музей Абая в Семипалатинске.
Abai-Museum in Semipalatinsk.*

*Дом Эдуарда Баума.
Das Haus Baums.*

VORWORT

Seit der Mitte des 18. Jahrhunderts wanderten Deutsche auf das Gebiet von Mittelasien und Kasachstan ein und stellen heute eine Komponente der multiethnischen Bevölkerung Kasachstans und seiner Nachbarländer dar. Die ersten deutschen Reisenden und Missionare kamen in die Region zur Regierungszeit Katharina der Zweiten mit dem Ziel, sich eine geographische, historisch-ethnographische und wirtschaftliche Vorstellung vom asiatischen Russland zu bilden.

Unter ihnen erinnern wir an den Erforscher Sibiriens Gerhard Friedrich Müller und den Organisator der ersten Siedlungen an der Irtysh-Linie Iwan Buchholtz, die Teilnehmer an akademischen Expeditionen Peter Simon Pallas und Johann Peter Falck. Anfang des 19. Jahrhunderts vollbrachten die großen deutschen Gelehrten Alexander von Humboldt und Carl Ritter, die Botaniker Carl Friedrich von Ledebour und Alexander von Schrenk, der Omsker Garnisonsarzt F. K. Sibberstein, der Vorsitzende der Orenburger Grenzkommision Georg Goens, der Militärtopograph und Kartograph Generalleutnant G. K. Silwerhelm Entdeckungen in der Wissenschaft.

Die literarischen Werke von Siegmund von Herberstein, Iwan Blaramberg, Nicolaas Witsen, Daniel Gottlieb Messerschmidt, Philip Johan von Strahlenberg und Wladimir Dal machten die Öffentlichkeit mit Geschichte, Sprache und Gesellschaftsordnung der Steppenvölker vertraut, entdeckten für die Nachwelt den „Stammbaum der alten Türken“, erstellten das „Bedeutungswörterbuch der lebendigen großrussischen Sprache“ und den „Militärisch-statistischen Überblick über das Steppenkreis“, die zu allgemeinmenschlichen Geschichts- und Kulturdenkmälern wurden.

Das reiche Innenleben der für die Wissenschaft unbekanntenen Region lockte Forscher, unter denen nicht wenige gelehrte Geologen, Topographen und Ingenieure waren: die Geschichte der Entwicklung der Stadt Ridder, eines der größten Zentren

der Buntmetallverarbeitung, ist verbunden mit dem Namen des deutschen Montaningenieurs Philip Ridder, die Goldförderfabrik in der Stadt Stepnogorsk baute G. Springer, die Arzneimittelfabrik in Schimkent gründete W. Pfaff.

Der Eintritt Kasachstans ins Russische Reich war das objektive Resultat der Entwicklung der sozialen, wirtschaftlichen und geopolitischen Prozesse auf dem Kontinent.

Die ersten Generationen deutscher Migranten, die in die Geschichte des Landes als Russlanddeutsche eingehen sollten, waren Kriegsdienstleistende in Armee- und Kosakenverbänden, Zivilbeamte der Gebietsverwaltung und Freiberufler. Sie waren gebürtige Baltendeutsche, die aus Adelsfamilien an der Ostsee, teilweise auch aus Petersburg kamen und von katholischem oder lutheranischem Bekenntnis waren.

Bei den Übrigen handelte es sich um Auswanderer aus verschiedenen deutschen Staaten (1871 unter der Ägide Preußens vereinigt), außerdem aus Polen, Schweden, den Niederlanden und Belgien. Der Volkszählung von 1879 zufolge lebten im Steppenkreis nicht mehr als 7049 Bayern, Sachsen, Mecklenburger und andere Deutsche, davon die meisten im Gebiet Akmolinsk (67,9%) und die wenigsten im Gebiet Semiretschje (Siebenstromland) mit 0,6%.

Die Offiziere der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts dienten auf einzelnen Abschnitten der russischen Staatsgrenze, waren Kommandeure von Festungen oder Leiter von Zollämtern. Unter ihnen war auf der Ischimsker Linie J. Bouwer, auf der Orenburger M.-I. Trautenberg sowie auf der Urallinie F. Meder. Der Gründer der Omsker „Asiatischen Schule“ war N. Strandman, die dortige Kosakenlehranstalt gründete G. Glazenap, das Dramatheater Johann von Springer. Die Bibliothek in Rudny Altai schuf Karl Bär, die Schulen in Petropawlowsk, Semipalatinssk und Pawlodar, wo europäische Sprachen unterrichtet wurden, gründeten K. Frauendorf, G. Weimarn und Johann von Springer. Mit einem Wort, es handelte sich um die intellektuelle Elite des Asiatischen Russlands.

Dank der den Deutschen eigenen Willenskraft, Tüchtigkeit und Zielstrebigkeit brachten sie es weit in Politik, Armee und Verwaltung und bekleideten verantwortungsvolle Posten im Staatsdienst. Den Erinnerungen des Infanteriegenerals I. F. Babkow über die multiethnische Führungsschicht in Westsibirien zufolge gehörten „... sie alle (...) nach ihrer Herkunft zu ausländischen Völkern, und der Großteil war anderen Glaubens. Korpskommandant Gustav Gasfort, der Armeegouverneur des Gebiets der sibirischen Kirgisen P. F. Maidel, beide sind sie Deutsche, Lutheraner... Auf diese Art geriet ich bei der Ankunft in Omsk gleich in eine Art deutscher Kolonie. Für mich als einen Neuankömmling war am merkwürdigsten, dass in diesem fernen Grenzgebiet des russischen Staates die Träger des russischen Banners, die Vertreter des russischen Volkes Deutsche und Polen waren.“

Am aktivsten wurde die Erschließung des Asiatischen Russlands mit der Bildung der Region Turkestan im Jahr 1867 (erster Gouverneur Kontantin von Kaufman) und der Steppenregion im Jahr 1882 (unter den Gouverneuren war M. Taube). Viele weitere deutsche Namen schrieben sich in die Geschichte der Region ein.

Im Buch „Das Kulturerbe der Deutschen in Zentralasien“ sind nur einige ruhmreiche Namen zu Unrecht vergessener Russlanddeutscher erwähnt, Spezialisten verschiedener Zweige der Wissenschaften und Praktiker, der staatlichen Verwaltung und gesellschaftlicher Bewegungen, die ihre berufliche und staatsbürgerliche Pflicht gewissenhaft erfüllten. Wir hoffen, dass die aus historischer, ethnozoologischer und kulturwissenschaftlicher Forschung entstandenen Essays ihren Beitrag zur Entwicklung der Zivilgesellschaft, aber auch zur Vertiefung der kasachstanisch-deutschen Beziehungen leisten.

Die Assoziation der gesellschaftlichen Vereinigungen der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“ arbeitet im Rahmen kasachstanisch-deutscher Übereinkünfte und Programme zur Unterstützung ethnischer Deutscher seit vielen Jahren

mit der deutschen Bundesregierung zusammen. Wir sind dem deutschen Innenministerium von Herzen dankbar für die finanzielle Unterstützung, dank derer die Herausgabe des Sammelbandes „Das Kulturerbe der Deutschen in Zentralasien“ möglich wurde.

Wladimir Proskurin, Schriftsteller und Heimatkundler, verdienter Künstler der Republik Kasachstan, Professor für Geschichte an der Turan-Universität, Mitglied der Akademie der Wissenschaften

GENERAL KAUFMANN UND DIE ERSTEN NEUORDNUNGEN DER REGION TURKESTAN

Mit der Bildung des Generalgouvernements Turkestan (1867-1917) begann die administrativ-territoriale Aufteilung Mittelasiens und Kasachstans [1]. In der Region regierten Gouverneure, die gleichzeitig die Streitkräfte der Region befehligten, sowie die (vor Ort eingesetzten) Heeresatamane der wiedergegründeten Semiretschensker Kosakentruppe aus dem Sibirischen Kosakentum (mit der Kosakensiedlung Bolsche-Almatinskaja als Zentrum). Geistlicherseits wurde in Werny (dem heutigen Almaty) die orthodoxe Diözese Taschkent-Turkestan gegründet. Dies sind die bedeutendsten Ereignisse zum Zeitpunkt der Ankunft des Generalgouverneurs deutscher Herkunft Konstantin von Kaufmann sowie der beiden ersten Gouverneure der Gebiete (*oblast*), aus denen sich das Generalgouvernement zusammensetzte, Gerasim Alexejewitsch Kolpakowski und Nikolaj Nikititsch Golowatschow.

Auf der Grundlage von Erinnerungsliteratur soll in dieser Skizze die hervorragende und lebendige militärische, sozial-politische, historische und kulturelle Rolle von Kaufmanns bei der Organisation der Region Semiretschje (*Siebenstromland*) und ihres neuen Zentrums Werny gezeigt werden. Mit Kaufmanns Name verbunden ist der präzise Mechanismus aller Aspekte des Lebens der Gesellschaft von Werny – Verwaltung, Wirtschaft, Rechtspflege und Landstände (*semstwo*). Die Nachricht von der Bildung der neuen Region am Rande des Imperiums verbreitete sich über viele Städte und Dörfer. Ganze Großfamilien strömten aus ihren angestammten Orten in das fruchtbare Land der Sieben Ströme, in dem Behauptungen zufolge einfache Wassermelonen die Größe des Vorderrads eines Pferdewagens erreichten. Und entlang der Straßen durch Omsk und Semipalatinsk schleppten sich Fuhrer mit einfachem Umzugsgut. Zu Fuß folgten Ofenbauer aus Tula, Maler aus Moskau, Schmiede aus Sibirien, Erdarbeiter aus Kursk, Zimmerer aus Woronesch – kurzum das Arbeitervolk Russlands der Nachreformzeit. Viele der Beamten begaben sich in die unbekanntes Länder auf der Jagd nach „Glück und Dienstgrad“, andere bildeten die Kanzlei des Generalgouverneurs von Turkestan.

Die ersten Werst in der Steppenregion

Der Gouverneur der Region Konstantin Petrowitsch von Kaufmann verließ Petersburg und wählte den Weg aus Omsk nach Taschkent über Semipalatinsk und Kopal (*heute Kapal*). In all diesen Städten hielt er sich für kurze Zeit auf, um sich um den Zustand der Truppen zu kümmern. Aber in der Festung Wernoje sollte er zehn Tage lang weilen. In Omsk traf sich Kaufmann mit Alexandr Petrowitsch Chruschtschow, dem Generalgouverneur Westsibiriens (1866-1875), der damals die Macht in der Region, darunter auch in den Gebieten Semiretschje und Sailijski, ausübte. Während des Treffens tauschten die Gouverneure ihre Erinnerungen über das Peterburger Leben sowie die Meinungen und

Empfehlungen des Militärministers Graf Dmitri Alexejewitsch Miljutin (1861-1881), des nächsten Mitarbeiters von Zar Alexander II., aus. Im Gespräch wurde auch die Organisation der Regionen Orenburg und des Steppenkreises sowie die Gründung von Russisch-Turkestan berührt. Dabei wurden die Bestimmungen berücksichtigt, die von den ehemaligen Gouverneuren Kolpakowski und Alexandr Osipowitsch Duhamel ausgearbeitet wurden „...aus Wernoje eine für unsere asiatischen Nachbarn uneinnehmbare Festung zu entwickeln“. Eine Kavalkade erstreckte sich über mehrere Werst (ein Werst entspricht 1.066,78 Metern, Anm. d. Übers.) entlang der Landstraße Omsk-Semipalatinsk-Werny. Die Durchreisenden begleitete Gerasim Alexejewitsch Kolpakowski - Militärgouverneur des Gebiets Semipalatinsk. Vor den Reisenden lag „...eine riesengroße, ebene und menschenleere Steppe. Sie scheint in alle Richtungen endlos zu sein. ...Der durch seine Weiße blendende Schnee ohne einen einzigen Gegenstand, auf dem der halbgeblendete Blick ruhen könnte, flößt unerträgliche Schwermut ein. Das Gebiet Semipalatinsk nimmt eine Fläche von 385.000 Quadratwerst mit einer Einwohnerzahl von 527.000 ein. Doch gibt es keine lebende Seele in dieser unermesslichen Wüste...Tot und kalt...“. Aber Kaufmann und sein Gefolge wurden prachtvoll empfangen, als ob er ein Botschafter des Zaren wäre. Die Priester hielten einen Dankesgottesdienst, die Bewohner drängten sich in den Randgebieten der Kosakensiedlungen mit Bewirtung. Hunderte von Steppenburschen nahmen an Nationalspielen, Festen und Wettbewerben teil. Die einheimischen kirgisischen Adligen, die Sultane des Bezirks Alatau bauten für die Gäste schneeweiße Jurten auf, die mit orientalischen Speisen und Musik voll waren. Zu General Kolpawski kamen während seiner Durchreise wichtige und einflussreiche einheimische Personen, die russische Untertanen geworden waren und wurden ihm vorgestellt.

Dank der Reisenden erhielt die am Irtytsch gelegene Stadt Semipalatinsk die treffende Bezeichnung „Teufelssandkasten“. Hier machte Kolpakowski Kaufmann mit seiner Tätigkeit als Mi-

litärgouverneur und den örtlichen Sehenswürdigkeiten bekannt. „... Im Zentrum ist eine Festung, ringsum sind Vorstädte: die Kosakenvorstadt, die Russische, die Tatarische und die Taschkenter Vorstadt. Es gibt ein Haus aus Stein, aus Holz gibt es 1.128 ... Hier befinden sich die Stabsquartiere des 7. Westsibirischen Linienbataillons und des 8. Bezirks der Sibirischen Kosakentruppe... Am Nikolaus-Platz vor der Festung ist ein Boulevard angelegt und in zwei Reihen sind Pappeln gepflanzt... Das schönste Gebäude der Stadt ist die Moschee – anmutig und leicht, gebaut nach der Zeichnung des Baumeisters Konstantin Ton. Von ihren

Der Gouverneur der Region Turkestan Konstantin von Kaufmann.

hohen Minaretten aus ist ganz Semipalatinsk mit Umgebung bis zum fernen Berg Semitau zu sehen“ (aus den Erinnerungen von Alexandr Konstantinowitsch Heinz).

Im Gefolge und in der unmittelbaren Umgebung von Kaufmanns waren sein persönlicher Adjutant A. W. Oserow, Kanzleiregent Alexandr Konstantinowitsch Heinz und der Wilnaer Beamte N. S. Scherbinski. Mit dem Gouverneur reisten unter anderen der Stableiter des Militärbezirks Turkestan Wiktor Desiderewitsch Dandevil, sein Helfer, der Oberst des Generalstabs Michail Fomitisch Petruschewski, die Militärpersönlichkeiten, Historiker und Geographen Reinhold Friedrich von der Osten-Sacken (Fjodor Romanowitsch Osten-Saken) und Alexej Iwanowitsch Makschejew, die Feldmesser, Topographen und Kartographen Alexandr Petrowitsch Prozenko, S. L. Matusowski, Wladimir A. Poltorazki sowie Stanislaw Iwanowitsch Schilinski, die Bauingenieure D. K. Sazepin und S. K. Jantschewski, die Beamten für Sonderaufträge und Militärschriftsteller Nikolai Alexandrowitsch Majew und I. I. Soltanowski.

Die Militärs erinnerten sich an ihre Zeit als jugendliche Offiziere. Kolpakowski und Kaufmann verband eine langjährige Freundschaft, wahrscheinlich aus der Kaukasus-Zeit, als sie am Krieg gegen die Bergbewohner (1844-1853) teilgenommen hatten. Konstantin Petrowitsch war Kapitän der Leibgarde des Pionierbataillons und Stabsadjutant des Kaukasischen Sonderkorps. Für die Eroberung des Auls Gergebil wurde ihm der erste St.-Georgs-Orden 4. Klasse verliehen (11. Dezember 1848). Vielleicht traf dieser früher, im Jahre 1842, als der Stabsfeldwebel Kolpakowski zum Adjutanten des Modlinskiregiments ernannt wurde, im Kreise der Truppe den tapferen Feldherrn Kaufmann – den zukünftigen Gouverneur Turkestans. In dieser Zeit begannen der gemeinsame Dienst und die feste Freundschaft zwischen Kolpakowski und Kaufmann.

Kaufmann und seine Gattin Julia Mawrikijewna wurden in der Familie Kolpakowski herzlich empfangen. Die Frau von Kolpakowski, Melani Fominischna (geborene Emilia Tschember) hatte

zwei junge Töchter, Maria und Saschenka, den dreijährigen Sohn Michail und den neu geborenen Jungen Grigori. Im Kinderkreis machte man sie mit Michail, dem einzigen Sohn der Kaufmanns, bekannt.

Den Erinnerungen Kolpakowskis zufolge traf er zwei Tage vor der Ankunft Kaufmanns in Ajaguz (Sergiopol) Oberst D. G. Kolokolzew (*General Kolpakowski wies ihn an, dem Anreisenden Truppen zur Verfügung zu stellen - W.P.*). Zu dieser Zeit begann man, die sibirischen Regimenter Nr. 9 und 10 die „Semiretschensker“ zu nennen; man hatte sie zum Geleit Gouverneur Kaufmanns ausgewählt.

Zehn Tage in der Festung von Werny

Kaufmann erreichte Werny am 20. Oktober 1867. Ihm wurde das Ingenieurhaus am Sophien-Boulevard, heute Turgenskaja-Str., zur Verfügung gestellt (*Die alten Gebäude der Kosakensiedlung Bolsche-Almatinskaja in Almaty sind abgetragen worden. W.P.*). Den durch Kaufmann aus Petersburg entsandten Beamten wurden Wohnungen in der Nähe seines Hauses zugewiesen. Er ließ sie einige Male am Tag mit Berichten kommen. Für die hohen Gäste wurde eine Schau aller Waffengattungen von Semiretschje gegeben, die Parade leitete D. G. Kolokolzew, der als Wahlataman (*nakaznoj ataman*) der Semiretschensker Kosakentruppe fungierte. Eintroffen waren Ordonanzen von allen Truppenteilen. Der Truppenchor empfing den Gouverneur mit Marschliedern. Aus den Erinnerungen von Kolokolzew: „...das Truppenkommando begrüßte ihn militärisch. Ich gab dem Pferd die Sporen und galoppierte zu ihm mit dem Rapport heran. Kaufmann hörte mit besonderer Aufmerksamkeit zu, nahm von mir die Stärkemeldung ab und übergab sie dem Adjutanten. Danach ritt er im Schritt von der Front heran, hielt kurz am rechten Flügel an, als ob er sich die Menschen genau ansehen wolle, und begrüßte schneidig das Bataillon. Kaufmanns Gefolge blieb am rechten Flügel stehen, und er ritt allein im Schritt die Front entlang und

sah sich jeden Menschen genau an. Meine abschließenden Unteroffiziere standen in fadengerader Linie, ohne ein Glied zu rühren, und alle Köpfe waren zu Kaufmann gewandt. Er ritt aus der Front heraus und begrüßte wieder schneidig das ganze Bataillon. Die Soldaten antworteten erneut einträchtig und laut: „Wir freuen uns, zu dienen“, und danach wurde wieder alles totenstill. Dann wandte sich Kaufmann zu mir, legte die Hand an den Mützenschirm und sagte: „Der Dienst ihrer Männer hat einen Sinn“.

Er ritt zur Batterie von Oberst Markownikow (wegen dessen Krankheit präsentierte die Batterie der älteste Offizier der Artillerie Stabskapitän Kuljanka). Kaufmann, der genau wie zuvor bei der ersten Waffe für eine Minute stehenblieb und die gesamten Nummern der Geschützbediener, die regungslos an ihren Plätzen standen, überblickte, begrüßte die Artilleristen, ritt alle acht Waffen entlang und begann danach jede Waffe einzeln abzureiten. Er bedankte sich bei den Artilleristen des 10. und 11. Bataillons (den ehemals Westsibirischen, in Turkestanische umbenannten Bataillons).

Nach der Besichtigung der Kosakenhundertschaften ritt Kaufmann mit all seinem Gefolge durch das Tor der Festung und hinterließ große Staubwirbel. Wir, die ältesten Offiziere, versammelten uns, bevor wir die Soldaten in die Kasernen schickten, für einige Zeit und teilten einander unwillkürlich unsere Eindrücke mit, die das neue Gebietsoberhaupt auf uns machte. Die Soldaten, die von der Besichtigung in die Kasernen gekommen waren und zu Mittag gegessen hatten, dachten nicht daran, sich hinzulegen und sich auszuruhen, sondern begannen von sich aus die Ausrüstung zu reinigen und aufzuräumen, obwohl von möglichen Inspektionen überhaupt noch keine Rede sein konnte“.

Obwohl er vom Weg und der vorgenommenen Truppenbesichtigung, die sehr lange dauerte, ermüdet war, entließ Kaufmann bei Ankunft in seiner Wohnung die Wache und die Ordonnanz und ging zu sich ins Haus.

Am nächsten Tag folgte die Vorstellung aller leitenden Personen, die sich mit besonderem Eifer und sichtbarer Aufmerk-

samkeit an die Arbeit machten. Kaufmanns Quartier quoll an Werktagen von Amtsträgern aller Verwaltungsteile, insbesondere für Zivilsachen, geradezu über. Er empfing alle und hörte jedem zu, und begann sofort Anordnungen zu treffen; schickte Kuriere nach Taschkent mit Befehlen betreffs seiner Anreise. In den nachfolgenden Tagen inspizierte er die Festung – die Verwaltungskasernen, Lager, Truppenquartiere, das Lazarett, die Hauptwache etc.; mit seiner Aktivität und der Schnelligkeit seiner Handlungen bewegte er, wie man zu sagen pflegt, alle Steine. Auf Hauptwache gab es unter den Verhafteten viele Angehörigen sowohl der sesshaften als auch Steppennomadenstämme, die unerwartet Raubzüge unternahmen, verwüsteten und Massaker anrichteten.

Im Nu stachelten sie alle Steppenvölker und Horden von wilden Fanatikern zum Aufruhr an und versammelten Mengen von zehntausenden von Reitern. Ihr Verbrechen erfolgte auf Befehl von einflussreichen Personen, Stammesältesten, Beks, Batyren, die den Ruf außerordentlicher Kühnheit hatten. Das Militärgericht verurteilte die Verbrecher zur Höchststrafe. Doch man setzte die Strafvollstreckung bis zur Ankunft des neuen Gebietsoberhaupts aus. Kaufmann erschien nach der Truppenbesichtigung auf weißem Pferd mit seinem ganzen Gefolge und der Wachmannschaft bei der Hauptwache. Vor der versammelten Menschenmenge, die sich hinter ihm vom Manöverfeld herzog, befahl er, die Verurteilten aus der Hauptwache hinauszuführen. Über den Dolmetscher verkündete er „die Gnade des Weißen Zaren: dieses eine Mal kraft der ihm vom Zaren gegebenen Vollmacht verzeiht er Euch allen und gibt Euch die vollständige Freiheit. Doch dies unter der Bedingung, dass Ihr in Eure Familien die Nachricht bringt und über die weiten Steppen verbreitet - der Weiße Zar schenkt Euch das Leben als Beispiel seiner Gnade gegenüber seinen neuen Untertanen“.

Mit der allgemeinen Besichtigung aller Truppen, mit der Artillerie und Kosaken, dem kleinen Manöver in der Kosakensiedlung Almatinskaja zeigte sich Kaufmann zufrieden. Dank der Gastfreund-

Denkmal für Kaufmann in Taschkent.

lichkeit des Vorstehers des ehemaligen Bezirks Alatau Baron N. E. Frideriks wurde ihm ein offizieller Tisch im öffentlichen Garten von Almatinskaja gedeckt. In den Erinnerungen heißt es: „... es gab viele Gäste. Die Bewirtung war hervorragend – vorzüglicher Wein von Jelisejew... Im Freundeskreis wurde ein bedeutendes Konzertprogramm gegeben. In Erinnerung blieb, dass im Programm in Werny das Wichtigste „...Klavier und Cello bei Alatau!“ waren. Während sich die Gäste an verschiedenen kleinen Tischen mit Kartenspiel befassten, spielte Frideriks Cello, ihn begleitete mit Klavierspiel seine Frau, Baronin Sophia Antonowna. Er spielte gar nicht übel“. (Es sei angemerkt, dass Frideriks in den Folgejahren Direktor der Omsker Kaiserlichen Russischen Musikgesellschaft wurde (um 1887)).

Erst spät am Abend verließ Kaufmann mit seinem Gefolge und der Wachmannschaft aus hundert Kosaken die Festung Werny. Dabei musterte er die Umgebung. „...Dies war die Zeit der Erschließung des Gebiets Semiretschje. An eine neue Stadt dachte damals niemand, und die gesamten Gebäude, der Markt mit zahlreichen Holzbuden fanden Platz in der Kosakensiedlung Bolsche-Almatinskaja. ...Die Branntweinbrennerei von Kusnezow existierte seit dem Jahr 1863, aber die Weinbrennerei war aus

Holz und sehr verfallen... Es gab eine Befestigung, Steinbauten erhoben sich und drei Kasernen standen in den Kosakensiedlungen Malaja und Bolschaja (die Kleine und die Große). Schon damals gab es auch die Tatarenvorstadt, die natürlich über eine Moschee verfügte“, schrieb ein Augenzeuge.

Unter den Regierungsgebäuden des Sophien-Boulevards stach besonders das Haus des Vorstehers des Bezirks Alatau hervor, das mit einem großen Hof, einem botanischen und zoologischen Garten ausgestattet war. Hier waren die Gouverneure Westsibiriens Gustav Christianowitsch Gasfort, Karl Gutkowski und Alexandr Duhamel, die am Ausbau der Festung Werny teilnahmen, wie auch andere hohe Gäste zu Besuch. Hier wurden auch die Gebietsadministration, die Truppen- und Siedlungsadministration und das Museum der Semiretschensker Kosakentruppe errichtet (zu verschiedenen Zeiten – W.P.).

Um den Sophien-Platz standen Kasernen des zweiten Bataillons, die Hauptwache mit Karzer, eine Ingenieurswerkstatt und eine Maßschneiderei. Übrigens befanden sich im Nordwestteil der Festung Werny, die heutzutage nicht mehr besteht, zwei Parks der Garnisonsartillerie. Auf den kleinen grünen Wiesen am Ufer der Almatinka lernten die jungen Kosaken reiten. Hier waren auch die Wirtschaftsgebäude der ersten Stadtviertel. Das rechte hochgelegene Ufer bestand aus einer Reihe von handwerklichen Werkstätten.

Hier wurde Ton für das kleine Ziegelwerk des Ingenieurs Leonard Alexandrowski gewonnen. Deshalb wurde diese Stelle Bolchoi Log (Große Schlucht) genannt. Die Kosaken bauten ihre Häuser höher als die Siedlungsstraßen, in den Niederungen der hügeligen Berge und pflanzten Gemüse an, säten Luzerne (im Siebenstromland nannte man das Futtergras „Klee“. Daher rührte die neue Bezeichnung „Kleegrundstücke“ in der Gegend, in der sich später der Zoo von Alma-Ata befand). Am linken Ufer der Malaja Almatinka (der Strom bildete mit seinem Flussarm die Elsterninsel) lag die Festung. Hier lebten in den Siedlungen und abgesonderten Grundstücken der Kosakensiedlung Almatinska-

ja 334 Zivileinwohner. Dazu kam die Militärsiedlung mit vielen Tausenden Bewohnern.

Die Kaufmann-Jahre

Die zehn Tage Ende Oktober 1867 in der Hauptstadt von Semiretschje endeten in Tokmak. Hierher begleitete General Kolpakowski Kaufmann feierlich und nahm von ihm Abschied. Tokmak bildete in jenen Jahren die Grenze der Befestigungslinie Nowokandskaja und gehörte gleichzeitig in klerikaler Hinsicht zur Region Orenburg. In seinem Dienstort Taschkent kam Kaufmann am 7. November 1867 an. Und jeder machte sich an die ihm aufgetragene Arbeit zum Aufbau der Region Turkestan.

Mit der Ankunft Kaufmanns nahm der Transport- und Postverkehr in Semiretschje zu, er wurde friedlicher und freier. Überall sammelte Kaufmann ausführliche Informationen über alles, was die Region betraf. Er machte sich mit allen Einzelheiten des Lebens im Orient und mit den jahrhundertealten Sitten der Einwohner vertraut. Mittels seiner Anordnungen und Handlungen hatte er in kurzer Zeit den Frieden wiederhergestellt. Unter den möglichen Kollegen und Bekannten Kaufmanns, die nach ihm eintrafen, sind klangvolle Namen russischer Gelehrter, Diplomaten, Literatur- und Kunstschaffender und Persönlichkeiten des öffentlichen Lebens.

Kaufmann war häufig dienstlich in Petersburg und nahm seinen Weg regelmäßig über Werny und Omsk. Anlässlich seiner Ankunft wurde der sogenannte „Kaufmannsche Pavillon“ errichtet, der nicht nur das Gebietsoberhaupt in Empfang nahm, sondern auch hohe Gäste während ihres Aufenthalts in Werny. Während seines Besuchs 1871 „stieg Kaufmann in einem der Häuser der Neustadt ab, wo noch im Vorjahr ein verwaorlostes Grundstück lag, das bereits in Viertel aufgeteilt war“. Die Stadt „...wird schnell mit zweistöckigen Häusern aus Stein – privaten und staatlichen – bebaut. Diese Neustadt hat schon jetzt eine gute Veranlagung für ihre zukünftige Entwicklung. Sie wächst

mit jeder Stunde und verspricht zu einer richtigen Stadt zu werden, und nicht zu einer großen Kosakensiedlung, wie sie bis jetzt war – mit ihren kleinen Holzhäusern und patriarchalischem Milieu...“.

Gemeinsam mit Kolpakowski legte er den Grundstein für die Stadt Werny, „... im Bemühen die ihm so liebe Region mit fleißigen und kundigen russischen Elementen besiedeln, um sie auf friedlichem Wege zu gewinnen und sie dadurch zu einem lebendigen und untrennbaren Teil des großen Russland zu machen. Unter ihm wurden in jedem Amtsbezirk Listen der für die Besiedlung günstigen Orte geführt, und aus den Gouvernements Poltawa, Charkow und anderen südlichen Gebieten Übersiedlungswillige eingeladen. Insbesondere Gärtner und Ackerbauern, sie bekamen Unterstützungen und Vergünstigungen ...“ In nachfolgenden Jahren brachte Gouverneur Kaufmann aus Taschkent grüne Geschenke und schmückte die Stadt mit Alleen aus Pyramidenpappeln, Maulbeeren, Flieder, weißer Akazie. Insbesondere ließ er den Alforow-Hain (den heutigen Baum-Hain) mit Nadel- und Obstbäumen sowie dekorativen Bäumen und Gebüsch pflanzen.

Kaufmann war Ehrenmitglied der Kaiserlichen Russischen Geographiesellschaft und Vorsitzender der turkestanischen Gesellschaft der Freunde der Naturwissenschaften, Anthropologie und Ethnografie (OLEAE), einer Gesellschaft, die sich mit der Organisation von naturwissenschaftlichen Expeditionen befasste. Zusammen mit seinem jüngsten Bruder Michail Petrowitsch (1821-1902), der ebenfalls ein bekannter Militär, Staatsmann und Persönlichkeit des öffentlichen Lebens war, eröffnete Kaufmann in Turkestan 60 Schulen, zwei Jungen- und zwei Mädchengymnasien in Taschkent und Werny. Er richtete auch eine öffentliche Bibliothek ein.

Eines Tages erkrankte Kaufmann an Fieber und musste im Militärspital in Werny behandelt werden. Im Briefwechsel mit Petersburg bemerkte er, dass seine Gesundheit seitdem ruiniert sei und sein Freund Kolpakowski, der Gouverneur von Semiretschje, die Sicherung normaler Bedingungen im Russischen

Turkestan auf seine Schultern genommen habe. Während Kaufmanns Dienstreisen (1873-1882) und seiner schweren Krankheit (vom 11. Mai 1879 bis zu seinem Tod) assistierte Gerasim Aleksejevitsch dem Gouverneur der Region Konstantin Petrovitsch von Kaufmann; er war Leiter der Militär-Volksverwaltung (1876) und leitete die Expedition während der Operationen Chiwa (1873) und Kokand (1876). Meilensteine, die mit der Tätigkeit von Kaufmann und Kolpakowski in Verbindung stehen, stellen die Entwicklung der Region Turkestan mit den Gebieten Semiretschje (1867) und Fergana (1873) sowie die Bildung der Protektorate Buchara (1868) und Chiwa (1873) dar. An Stelle des ehemaligen Chanats Kokand wurde am 19. Februar 1876 der neue Bezirk Fergana gebildet – das bedeutendste Denkmal für Kaufmanns Tätigkeit. Kaufmanns Tagebücher und Erinnerungen werden im Staatlichen Historischen Zentralarchiv Russlands (Fonds 954) aufbewahrt und umfassen den Dienst in Turkestan, die Eroberung des Chanats Buchara und Chiwa, die Einnahme von Samarkand, der Festung Machram und der Serbulakski-Höhen.

Im Zusammenhang mit der Zuspitzung der Situation an den Grenzen zu Kuldscha und Kaschgar schickte Kaufmann in das Gebiet Semiretschje diplomatische Beamte und berief internationale Verhandlungen und Kongresse in Sergiopol und Petersburg zwischen China und Russland ein. Der Generalgouverneur berichtete Zar Alexander II. über die Ereignisse an der Grenze und erhielt die Allerhöchste Order vom 27. April 1871 über den Feldzug an die chinesischen Grenzen. Im alten Kosakenlied wird der Kuldscha-Feldzug des Generals Kolpakowski erwähnt: „Wir wollen ein Lied von alten Zeiten singen, das Herz soll sich erfreuen; erinnern wir uns an die goldene Zeit, als wir die Tarantschi gebändigt haben“. Im Jahre 1871 traf Kaufmann gemeinsam mit Kolpakowski die Entscheidung, die Grenzgebiete zu besetzen und gliederte in heldenhaften Kämpfen die Region Kuldscha dem Gebiet Semiretschensk ein. Auch weitere Heldentaten zum Ruhm des Vaterlands wurden vollbracht.

Als das 300-jährige Bestehen der Sibirischen Kosakentruppe groß gefeiert wurde, nahm Kaufmann am festlichen Gottesdienst in der Kirche der Kosakensiedlung Bolsche-Almatinskaja und am Kreuzgang mit Gottesdienst um die Kosakensiedlung Almatinskaja herum teil. Der General wurde der Semiretschensker Kosakentruppe zugeteilt (am 18. Juli 1872), und er trug die Uniform der Kosakenarmee (am 17. April 1870).

Im darauffolgenden Jahr 1881 traf die Nachricht über den Tod von Zar Alexander II. Kaufmann zutiefst, er erlitt einen schweren Schlaganfall mit anschließender Lähmung. In diesem Zeitraum, vom 11. Januar bis zum 21. März, war Kolpakowski ständig am Bett von Konstantin Petrowitsch. Am 28. März übernahm General Kolpakowski die Leitung des General-Gouvernements Turkestan und das Oberkommando für den Militärbezirk Turkestan unter Beibehaltung der Position des Heeresatamans der Semiretschensker Kosakenarmee. In dieser Position blieb er, bis er zum Vorsteher der Steppenregion wurde.

Konstantin Petrowitsch Kaufmann starb an einem Schlaganfall und wurde am 5. Mai 1882 in der Gruft, die sich an der Grünanlage gegenüber dem Taschkenter Gymnasium befindet, beigesetzt. 1889 wurden die sterblichen Überreste in die militärische Verklärungskathedrale (Spaso-Preobraschenski sobor) gebracht (durch die Zerstörung der Kathedrale in der Sowjetzeit blieb die Grabstätte Kaufmanns nicht erhalten). Denkmäler wurden ihm an der Stelle des ersten Grabs im Konstantinsgarten sowie am Kaufmannsprospekt in Taschkent errichtet (Bildhauer Nikolaj Georgijewitsch Schleifer), die Einweihung fand am 4. Mai 1913 statt (das Denkmal wurde im sowjetischen Usbekistan am 28. September 1935 gesprengt). Im Landkreis Syr-Darjinskaja im Gebiet Taschkent befanden sich die Dörfer Konstantinowka und Kaufmannskoje, in denen mennonitische Kolonisten aus den Gouvernements Saratow und Samara lebten. Nach Konstantin Petrowitsch von Kaufmann wurde der höchste Gipfel der Region Turkestan benannt (7134 m, 1886 umbenannt in G. E. Grum-Gshimailo; am 27. Oktober 1924 wurde der Gipfel zum Lenin-Gipfel umbenannt; inzwischen wur-

de er erneut umbenannt – seit 2006 heißt er Abu Ali ibn Sina-Pik nach dem persischen Arzt, Gelehrten, Philosoph und Dichter). Einst fuhr auf der Wolga eine Fähre mit dem Namen „Konstantin Kaufmann“. Kurzum, das Gedenken an Kaufmann wurde ausgeradiert. Freilich erhielten seinen Namen etliche Pflanzen Turkestans, darunter Hahnenfuß, Läusekraut und Tulpen. In die Rote Liste eingetragen und so für die Nachkommenschaft erhalten sind die *Ikonnikovia kaufmanniana* und *Kaufmannia semenovii*. Das bedeutet, der Held unserer Erzählung - die strahlende Blüte von Russisch-Turkestan - bleibt unerreichbar für den gedächtnislosen Beamten und Reformier unserer Tage.

Anmerkungen:

1. Die Region Turkestan und ihre zwei ersten Gebiete Syrdarjinski (mit dem Zentrum in Taschkent) und Semiretschenskaja (die Hauptstadt des Gebiets war Werny, heute Almaty) wurden 1867 gebildet. Russland strebte danach, diplomatische und Handelsbeziehungen mit den Chanaten Buchara, Chiwa, Kokand, Kuldscha und Kaschgar herzustellen und mit allen Mitteln zu festigen. In Kaufmanns Regierungsjahren bildeten eine der ersten Gruppen der Deutschen, die das heutige Territorium Mittelasiens und Kasachstans besiedelten, die Auswanderer der Baltischen (Ostsee-) Provinzen, unter denen auch Litauer, Polen, Tschechen und andere Anhänger des katholischen und protestantischen Glaubens waren sowie Militär- und Zivilbeamte der südlichen Gouvernements Russlands. Es sei angemerkt, dass die Region im Jahr 1917 über 5 Mio. Einwohner zählte. Zu Turkestan gehörten fünf Gebiete: Sakaspijskaja (Zentrum: Aschgabat), Samarkandskaja (Samarkand), Ferganskaja (Skobelev, danach Fergana, seit 1924 Kokand), Syrdarjinskaja (Taschkent – seit 1918 ohne das Gebiet Amudarjinskaja), Semiretschenskaja (Zentrum: Werny); seit 1924 wurden die Bezirke Pischpekski und Prschewalski in die Kara-Kirgisische Sowjetautonomie umgewandelt. Der Regionalkongress vom 20. April bis zum 1. Mai 1918 proklamierte die Turkestanische Sozialistische Sowjetrepublik.

In den Regierungsjahren von Kaufmanns in Taschkent war sein wichtigster Assistent für die Organisation der Verwaltung Turkestans der Kanzleileiter Generalleutnant Alexandr Konstantinowitsch Heinz. Am 30. August 1877 wurde die Stadtordnung eingeführt, die Stadtduma und das Stadtamt gegründet, an dessen Arbeit zwei Vertreter des Industrie- und Handelsstandes aktiv teilnahmen: der Ehrenbürger und Kaufmann der 2. Gilde M. R. Keller sowie der Kaufmann der 2. Gilde A. I. Rosenfeld. Als Stadtoberhaupt wurde D. I. Essen gewählt (seit 1907 war I.I.Schneeweiß sein Freund und Stellvertreter). Aber auch später waren viele der Russlanddeutsche an der Verwaltung Turkestans beteiligt. Zu nennen wären die Gouverneure Nikolai Ottonowitsch Rosenbach, M. Taube, Alexei Jakowlewitsch Friede, Michail Alexandrowitsch Vollbaum, der Gouverneursassistent Wasili Jegorowitsch Flug, die Generäle Moritz Gustavowitsch Lerche, Aleksandr Wasiljewitsch Kaulbars, Oskar-Ferdinand Grippenberg, A. Mosel, und Pawel Jakowlewitsch Rheintal. Es gab viele deutschstämmige Fachleute in verschiedenen Wissenszweigen: Chemiker, Botaniker, Bergbauingenieure und Mediziner. Die neue, große und wenig erforschte Region lockte sie mit der Möglichkeit, ihre Kräfte und ihr Wissen anwenden zu können. Unter ihnen waren der Forschungsreisende Arnold Eduardowitsch Regel, die Ärzte N. Seeland A. Neugebauer, der Pharmakologe N. Teich, die Astronomen F. von Schwarz, K. Scharnhorst, K. Struve, der Seismologe I. Kark, der Diplomat R. Ljutsch, die Militäringenieure K. Fabian und W. Fischer, die Wirtschaftsberater G. Dürschmidt, L. Salm und F. Sauer und viele andere.

GÄRTEN UND PARKS IM TAL DES TRANSILI-ALATAU

In der Geschichte der Stadt Almaty werden gerade die siebenstromländischen Gelehrten der vergangenen Jahrhunderte äußerst wenig betont. Doch in geographischen Bezeichnungen sowie in den Namen vieler Pflanzen und Mineralien Zentralasiens und Kasachstans, seltener Vertreter der heimischen Flora blieben sie erhalten: die Kaufmann-Tulpe, die Schrenk-Fichte, die Regel-Steppenkerze, der Baum-Hain. Unsere Skizze ist den Russlanddeutschen gewidmet, die teilhatten an der Ausgestaltung und Begrünung von Gärten und Parks, darunter besonders Naturforscher, Botaniker und Personen des öffentlichen Lebens. Das neunzehnte Jahrhundert war reich an talentierten Mitarbeitern und Korrespondenten europäischer Gelehrter Gesellschaften. Wenn wir in dieser Erzählung auch nicht alle erwähnen können, wollen wir doch wenigstens einige nennen. Die Naturkundler des Petersburger Botanischen Gartens Alexander von Schrenk, Fjodor Fischer, Karl Meier, A. Lehmann und Fjodor Basiner unternahmen zahlreiche Reisen in verschiedene Regionen Turkestans, des Steppenkreises und Westsibiriens und sammelten wertvolle Herbariumsmaterialien. Mit dem Sammeln von Pflanzen befassten sich nicht nur hauptberufliche Gelehrte, sondern auch viele Einwohner der Region, ihre freiwilligen Helfer. Der bekannte Systematiker der Pflanzenwelt Turkestans und Abteilungsleiter des Petersburger Botanischen Gartens Ernst Rudolph von Trautvetter unternahm in den Jahren 1864 bis 1884 eine Neuausgabe der „Flora Russlands“. In die neue Liste fanden unter der allgemeinen Bezeichnung „Beschreibung neuer oder wenig bekannter Pflanzen“ 6.100 Synonyme und neue Pflanzenarten Einzug, hauptsächlich aus dem Herbarium des Kuldschaer Arztes Johann-Albert Regel.

Im Zusammenhang mit der turkestanischen Periode (1876 bis 1885) des Lebens und Wirkens von Regel bemerken wir: der

Gelehrte legte eine riesige Sammlung von mehreren hunderttausend Blättern zu den Gebieten Zoologie, Geologie und Botanik an, beschrieb Naturdenkmäler, Architektur, Geschichte und Kultur der Region. Regel sammelte nicht einfach, sondern systematisierte nach seiner Heimfahrt gemeinsam mit seinem Vater Eduard Regel Arten und Klassen und beschrieb sie im Buch „Acta horti Petropolitani“. Die dankbaren Nachkommen fügten den vielen neuen, der Wissenschaft vorher unbekanntem Pflanzen eine kurze Wortverbindung hinzu: „Albertia Rgl“.

Die Forstkundlerbrüder Baum schufen 27 Baumschulen mit einer Fläche von 155 Desjatinen (eine Desjatine entspricht ca. 1,1 ha, Anm. d. Übers.) im Gebiet des Transili-Alatau. Sie legten Forstgärten, Haine und Gärten an und führten 44 Arten Laub- und 17 Arten Nadelbäume sowie 52 Sorten Büsche und Sträucher ein. Das beste Denkmal für Leben und Wirken der Brüder Baum wurde der Stadthain, der nach Eduard Baum benannt wurde.

Turkestan gehörte im 19. Jahrhundert zunächst zu Westsibirien. In dieser Periode wurde das Gebiet Semiretschje (Sieben-

Der Baum-Hain.

stromland) reformiert. Im Zuge militärischer Expeditionen von General Kolpakowski wurde die Region Kuldscha, die Grenzregion zwischen China und Russland, angeschlossen. Es handelte sich um die zeitweilig besetzte Ostregion mit der Stadt Kuldscha, die uigurische, dunganische und chinesische Bevölkerung aufwies. Hier lebten nomadisierende kasachische Stämme, deren Bevölkerungszahl bei über 46.000 lag. Der südliche Teil der Region Kuldscha war in Amtsbezirke (*wolost*) aufgeteilt, in denen Torguten, Sibe und Kalmücken mit einer Bevölkerung von mehr als 50.000 Menschen lebten. Im öffentlichen Leben und der Leitung der Region besetzten in verschiedenen Jahren die Russlanddeutschen bemerkenswerte Positionen, darunter die Gouverneure und Leiter Alexei Jakowlewitsch Friede, B. F. Wart-

Johann-Albert Regel.

mann und W. E. Gern. Die Offiziere Moritz Gustavowitsch Lerche, P. Ja. Rheintal, Alexandr Wasiljewitsch Kaulbars, und N. Schneider, die kosakischen Atamane aus Semiretschje Artur Alexandrowitsch Grinwald, A. P. Prinz, E. F. Gilde, W. A. Hoyer und Georgi Karlowitsch von Stackelberg, Spezialisten wie die Militäringenieure W. A. Fischer und K. S. Fabian, der Geodät K. Scharnhorst, der Astronom K. W. Struve, die Ärzte L. I. Mazejewski, N. L. Seeland und Johann-Albert Regel sowie die Stadtplaner Gebrüder Baum leisteten auf mannigfaltige Art und Weise Hilfe. Der Arzt Johann Regel unternahm übrigens als Erster archäologische Exkursionen nach Turpan, Schicho und Urumtschi sowie zu anderen Sehenswürdigkeiten der Region Transili-Alatau.

Im 20. Jahrhundert wurde das Gebiet Semiretschje erneut der Region Turkestan zugefügt, wobei einige sozialpolitische Änderungen vorgenommen wurden, die sich insbesondere auf die Tätigkeit des „Stadtbegrüner“ auswirkten. Dieser Beruf wurde in der Geschichte auf die unterschiedlichste Art und Weise verstanden, was sich auf die berufliche Karriere auswirkte. Zunächst wurde die Tätigkeit des „Beamten mit Sonderauftrag für die Bergregion“ eingeführt (in den Jahren 1867 bis 1870), die anschließend wieder abgeschafft wurde; 1872 wurde die Tätigkeit des „Gebietsförsters“ begründet, die im Zuge weiterer Reformen auch die Bezeichnung „oberster Forstrevisor“ (1895 bis 1917) bekam. Der Weltkrieg und der Aufstand gegen den Krieg des Jahres 1916, Revolution und Bürgerkrieg änderten staatliche und gesellschaftliche Prozesse von Grund auf. Das Schicksal der Brüder Baum wurde von Naturkatastrophen beeinflusst, von den zerstörerischen Erdbeben in Werny der Jahre 1887 und 1917. W. N. Schnitnikow, der den Alltag der Region festhielt, erinnerte sich folgendermaßen an Eduard Baum: „... er war ein wirklich vom Wald Besessener, der bei jedem Baum derart erbebt, als ob er ihn selbst gesetzt hätte und ihn liebevoll umsorgte. Und für ihn war der außergewöhnliche Umstand, dass er nach dem Erdbeben von 1887 in Werny die Erlaubnis zum Fällen von Bäumen für den Bau geben musste, immer wie ein Stich ins Herz.“

Er erinnert sich an eine kuriose Begebenheit: „...auf der Versammlung der Beamten des Gebietes vom Dezember 1910 entschied sich Baum – es ist nicht bekannt, zum wievielten Mal bereits – erneut für den Schutz des Waldes einzutreten. Er war als glänzender Redner bekannt, und zu seinem Vortrag versammelte sich scheinbar fast die gesamte Stadt. Als imposanter, grauhaariger, angesehener Greis erschien er auf der Tribüne und hielt eine heißblütige, donnernde Rede darüber, dass im Siebenstromland der Wald eine besondere Bedeutung hätte, dass hier jeder Baum wertgeschätzt werden sollte und dass es lächerlich und dumm sei, aus irgendeiner Angst vor eingebildeten Erdbeben die Region durch die Vernichtung des Waldes zu verwüsten, woraus Dürre und Missernte folgen würden... Und nur unausgegliche Leute könnten immer noch glauben, dass wenn es in Werny einmal ein Erdbeben gegeben habe, dieses zwangsläufig wiederkehren werde. Hier führte er Beispiele bekannter Erdbeben in der Vergangenheit an, die sich über hundert und mehr Jahre nicht wiederholten, und beendete seine Rede mit einem flammenden Aufruf an den gesunden Menschenverstand der Anwesenden und der Forderung an die Herrschenden, endlich das Verbot, in Werny Steinhäuser zu bauen, aufzuheben und für den Schutz des zugrunde gehenden Waldes einzutreten.

Die großartig aufgebaute und auch so vorgetragene Rede Baums machte großen Eindruck. Er erhielt großen Beifall. Man hätte schwören können, dass sein Aufruf gehört würde. Doch die Rede wurde am 21. Dezember gehalten, und in der Nacht... gab es ein Erdbeben, dass sogar die Katastrophe des Jahres 1887 weit hinter sich ließ! Baum selbst wäre um ein Haar gestorben, als er nur in Unterwäsche in die Kälte sprang und sich eine schwere Lungenentzündung zuzog. Dieses erstaunliche Zusammentreffen konsternierte alle, die den Vortrag gehört hatten, dessen Inhalt Gegenstand lebhafter Unterhaltungen in der Stadt wurde“, bezeugt W. N. Schnitnikow, Zoogeograph und Wissenschaftshistoriker.

Mit den Namen von Russlanddeutschen, den ersten Gouverneuren und Vizegouverneuren Gustav Christianowitsch Hasfort,

K. K. Gutkowski, Konstantin Petrowitsch von Kaufmann und P. K. Euler beginnt die Stadt Werny (*heute Almaty*) sich zu entwickeln. Konstantin Petrowitsch Kaufmann logierte bei seinem Besuch 1871 „... in einem der Häuser der Neuen Stadt (*Werny, W. P.*), wo noch im Vorjahr ein verwaorlostes Grundstück lag, das bereits in Viertel aufgeteilt war.“ Der Stadtplatz „... wird schnell mit zweistöckigen Häusern aus Stein – privaten und staatlichen – bebaut. Diese Neustadt hat schon jetzt eine gute Veranlagung für ihre zukünftige Entwicklung. Sie wächst mit jeder Stunde und verspricht zu einer richtigen Stadt zu werden, und nicht zu einer großen Kosakensiedlung, wie sie bis jetzt war – mit ihren kleinen Holzhäusern und patriarchalischem Milieu...“.

Der Reisende Johann-Albert Regel kam in der Gebietsstadt Werny am 6. September 1876 an. In seinem Reisetagebuch bemerkte er, dass die Stadt „... richtig eingerichtet ist, mit vollkommen europäischen Häusern, vor die Pfirsich- und Apfelbäume gepflanzt sind. Die Stadt ist in allen Ecken und Winkeln mit mannigfaltigen Anpflanzungen silberner und schwarzer Pappeln, Weißdorn und anderer Bäume geschmückt.“ Am südöstlichen Stadtrand besuchte der Reisende den Staatsgarten (*der heutige Gorki-Park*), der am rechten Ufer der Almatinka eine Fläche von 40 Desjatinen einnahm und sich am Eingang zum Forstrevier Werny befand, unter Aufsicht des Forstschutzes der lokalen Verwaltung für Landwirtschaft und Staatsgüter, unter Obhut der gelehrten Baumgärtner M. Kreschtopenko, Ju. Ruschitz, K. Stolz, A. Fetisow, G. Ignatowitsch und der Brüder Baum.

Zu dieser Zeit tauchten in Werny in der Gegend um den Gostinij dwor (der heutige „Grüne Basar“) die ersten bebauten Straßen auf (die heutige Matakajewstraße und Puschkinstraße), es entstanden etwa 600 Häuser. Die Wände der Gebäude bestanden aus Lehm, doch um den Eindruck von Monumentalität und Beständigkeit zu schaffen, wurden sie von außen mit Backsteinen bedeckt. Übrigens wurden auch die steinernen Eigenheime der Kaufläute mit sieben Fenstern an der Fassade mit Holz- oder manchmal auch Eisendächern gebaut. Das vom Stadtarchitekten

Paul Gurde ausgearbeitete Farbspektrum wurde ausnahmslos befolgt und schon anhand der Bemalung der Wände, anhand von Material und Färbung der Dächer konnte man erkennen, wer vermögend war, und wer in Armut lebte...

Die neue Stadt verwandelte sich rasch eher in ein musterhaftes Dorf, als in die architektonisch entwickelte Hauptstadt von Semiretschje. Die Stadtviertel füllten sich schnell mit Wirtschaftsgebäuden, Obst- und Gemüsegärten. Selbst heute tauchen im Wortschatz alter Stadtbewohner vereinzelt eigentlich schon leider verschwundene Namen auf: „Baum-Hain“, „Werigin-Hügel“, „Pugasow-Brücke“, „Moisejew-Gärten“. Der Schriftsteller P. N. Krasnow bemerkte zu Recht, dass jede Stadt für etwas bekannt ist. Dresden für die Sixtinische Madonna, New York für die Freiheitsstatue und Werny für seine Äpfel und... Erdbeben.

Zudem auch für seine malerischen Berge und Hügel. Die bekannteste Anhöhe nannte man Werigin-Hügel (heute Kok-Töbe). Hier erholten sich die Einwohner von Werny häufig, machten Picknicks und Ausflüge, sammelten Blumen - Krokusse, Pfingstrose, Iris und Rhabarber, im Winter wurden die Berge auf Schlitten und Skiern erobert. Während der Anwesenheit der Brüder Baum wurden die Haine Aksaiskaja, Kaskelenskaja, Iliskaja, Kamenskaja, Kolpakowskaja sowie weitere Oasen von Semiretschje angelegt, unter denen sich auch der „Hain der Weinenden“ (Tastakski-Grünanlage) mit einem Triumphbogen für die hohen Gäste von Werny befindet.

Der Schriftsteller Nikolai Anow erzählt in seinem Roman „Asia“ vom schweren Schicksal der Stadt nach Beginn der Revolution und des Bürgerkrieges. Davon, wie die blühenden Apfelbäume von Semiretschje zu Feuerholz wurden und der berühmte Aport aus Werny zu Viehfutter. Im Zuge des Wachstums der Stadt verwandelte auch der unstillbare Appetit ihrer Führungspersonen Haine am Stadtrand in Datschengrundstücke, in Schutzgebieten wurde auf seltene Tiere und Vögel gejagt, oder einfach, wie schon in unseren Tagen, wurden rechts und links Landtücke für Villen, Spielhöhlen, Tennisplätze und Golfklubs verteilt. In den 60er und

70er Jahren wurden zur Zeit des Baus der „Mikroregionen“ im fruchtbaren Gürtel der Vorberge des Transili-Alatau endgültig die letzten Obstgärten von Alma-Ata abgeholzt.

Äpfel und Birnen des Pomologen Regel

Wir erinnern den Leser, dass der Naturforscher, Arzt und Archäologe Johann-Albert Regel am 30. November 1845 in Zürich in die große Familie Doktor Eduard-August Regels, Direktor des Kaiserlichen Botanischen Gartens, geboren wurde. Neben ihm wuchsen in der Familie auf und wurden in erbadeliger Würde erzogen die Brüder Karl-Arnold, Andreas-Friedrich-Wilhelm, Karl-Eduard und Robert sowie die Schwester Julia-Elisabeth. Vater Regel war

der Begründer der ersten pomologischen (obstbaukundlichen) *„Regel-Tulpe“; kasachische Münze über 500 Tenge.*

Einrichtung in Russland (Petersburg, 1863), der Begründer der Russischen Gesellschaft für Obstbau (1857) und schließlich Organisator der internationalen Ausstellung für Obstbaubedarf (1884), auf der der Reichtum der Regionen Semiretschje und Transili-Alatau an Obst und Beeren breit vertreten war.

Johann-Albert Regel absolvierte die Universität in Dorpat (heute Tartu) und trat seinen Dienst als Arzt in der Region Kuldscha an. Der junge Arzt reiste mit einem gewöhnlichen Pferdefuhrwerk aus Petersburg ab und erreichte Ende April 1876 die unbefestigten Straßen bei Orenburg. Regel absolviert seine ersten botanischen Exkursionen in den Karatau-Bergen, erreicht auf Karawanenpfaden die für Asien heilige Stadt Turkestan und macht historisch-geographische Entdeckungen.

In Werny angekommen war er als Schüler seines berühmten Vaters Albert Regel der einzige Spezialist auf dem Gebiet der

Pomologie in der Region. Regel ist Autor der wissenschaftlichen Arbeit „Obstanbau in der Region Turkestan“ (1881), gab der „Russischen Pomologie“ eine Beschreibung von fünf Unterarten des Aport-Apfels, wobei er der Sorte „Alexander der Erste“ oder „Blutrot“ Beachtung schenkte, die in Werny in den Kosakengärten von E. Redko, N. Moisejew und S. Breusow gezüchtet wurde. Am Ausgangspunkt der Hybridisierung des Aport-Apfels (oder auch Redkowski-Apfel) von Werny stand zweifellos der Gelehrte und Gartenbauspezialist Johann-Albert Regel.

Nach der Erforschung des riesigen Steppenkreises von der Region Orenburg bis in die Region Kuldscha unternahm der Reisende eine Expedition ins Hochgebirge am Ufer des Sees Issyk-Kul. Dabei besuchte er die nestorianischen Friedhöfe von Tokmok und den Burana-Turm, die Flüsse Alabuga und Naryn im Tienschan-Gebirge, den Oberlauf des Amudarja und führte Exkursionen durch das geheimnisvolle Chanat Buchara mit Aufenthalt in Merw durch. Regel fertigte eine Karte der Gebirgskämme

Der legendäre Schiwa-See.

des Westpamirs an und beschrieb den legendären Schiwa-See. An diese und andere glanzvolle Exkursionen des Reisenden wird in den botanischen Arbeiten von E. Brettschneider, A. Bunge und Eduard Regel erinnert. In seinen populärwissenschaftlichen Arbeiten „Reise nach Turfan“ (Sankt Petersburg 1881) und „Pamir-Expeditionen“ (Sankt Petersburg 1883) sowie in den fesselnden Zeitungs- und Zeitschriftenartikeln über die Geschichte der Flora der Region Turkestan „Fahrt nach Karategin und Darwas“ (1882) und „Reise nach Schungan“ (1884) lesen wir über seine beruflichen und freundschaftlichen Kontakte zu dem Naturforscher und Alpinisten A. P. Fedtschenko, dem Gründer des botanischen Gartens in Taschkent Nikolai Iwanowitsch Korkow, dem Ethnologen, Pflanzensammler und Heimatkundler aus Werny A. A. Kuschakewitsch sowie dem Initiator der Gründung der turkestanischen Abteilung der Russischen Gesellschaft für Obstanbau, angewandte Pflanzenzucht und Naturressourcen Karl-Theodor Johannowitsch Krause (1845-1909). In Turkestan sammelte Regel ausgestopfte Vögel und Tiere und legte eine Insektensammlung und ein Herbarium von mehr als 100.000 Blättern mit mehr als 26 Arten seltenster Pflanzen, darunter neun Tulpen, an. Er schrieb die Essays „Botanische Exkursionen von Taschkent nach Kuldscha“ (1878) und „Zwiebelgewächse des westlichen Tien-Shan“ (1881). Regel verstarb unerwartet am 6. Juli 1909 in Odessa, voll von schöpferischen Ideen, Projekten und Plänen für bevorstehende Expeditionen (*nach anderen Quellen ist das Jahr seines Todes 1908*).

Die Naturforscherfamilie Baum

Das Familienoberhaupt, der estländische Adlige und Lutheraner Otton Matwejewitsch Baum (1813-1876) übte die Tätigkeit eines Botanikers, gelehrten Gartenbauers und Helfers des Landwirtschaftsinspektors für Südostrussland (ab 1864) aus. Gleichzeitig leitete er von 1848 bis 1853 die Gartenbaulehranstalt Jekaterinoslaw (*heute Dnepropetrowsk*). Der Naturkundler Otton Baum

absolvierte die naturwissenschaftliche Fakultät der Universität Dorpat und verteidigte dort seine Dissertation zum Doktor der Naturwissenschaften. In den Jahren des Aufbaus der Stadt Werny wurde Baum nach Pensa als Direktor des Staatsgartens versetzt (1852 bis 1870). Auf Bitte der Verwaltung von Werny sandte Vater Baum in die Stadt Sendungen mit Stecklingen, Samen und Zwiebeln und gab Empfehlungen für die bauliche und gärtnerische Gestaltung von Werny ab. Als seine Söhne gefragt wurden, empfahl Baum ihnen in die Region der sieben Flüsse zu fahren und sich mit ihrer Gestaltung und Begrünung zu befassen.

Otton, der ältere Sohn des Gartenbaumeisters Otton Baum

Als erster kam in Werny im November 1873 der älteste Sohn Baums, Otton Ottonowitsch, an. Er wurde am 27. September 1842 in Kasan geboren, absolvierte das Gymnasium in Pensa sowie die physikalisch-mathematische Fakultät der Universität Dorpat. In den Jahren 1876 bis 1883 dient Baum als Beamter in der Kanzlei von Kuldscha und begründet dort wissenschaftliche Expeditionen in die Region des Transili-Alatau.

Während der Tätigkeit Baums als Chefgärtner des Staatsgartens wurden Orangerien und Blumengärten erweitert, neue Gartenwege angelegt, ein Obstgarten und ein Maulbeerhain gesetzt, entlang des Flußbeckens der Almatinka entstanden Weingärten, die Flächen von Tabakpflanzungen und Gemüsegärten wurden vergrößert, die alten Einwohnern unter diesem Namen bekannten Kasjonok-Teiche wurden mit Dämmen und Stegen ausgestattet. Baum leitete die Lehranstalt für Gartenwirtschaft, Ackerbau und Seidenzucht und galt als begnadeter Pädagoge. Im März 1884 übernahm Otton Baum die Leitung des Staatsgartens und kaufte nebenher Tiere für die Gründung eines Zoos. In spezielle Gehege kamen Jaks, Marale und Bären. Die Bewohner von Werny konnten Pferde oder Eselkutschen ausleihen und in ihnen im Park die wilde Natur des Siebenstromlandes beobachten. Helfer Baums waren die Gärtner Lamanow, Terentjew und Baidykow.

Baum beschränkte sich nicht nur auf die Lösung gärtnerischer Probleme, sondern konnte auch meteorologische und seismologische Beobachtungen organisieren. Am 8. September 1886 wurde er Leiter des meteorologischen Dienstes von Semiretschje und installierte Geräte auf seinem Anwesen am westlichen Rand des von ihm geleiteten Staatsgartens. Die Arbeit verlangte das tägliche Ausfüllen von Beobachtungstabellen und Berichten an das physikalische Hauptobservatorium in Pulkowo und statistische Komitee von Semiretschje. Im September 1889 traf auf Antrag Baums ein neues Gerät ein: ein Seismometer, wodurch Otton Ottonowitsch Baum mit Recht als der erste Seismologe von Semiretschje bezeichnet werden darf. In der Schicksalsstunde des Erdbebens vom 28. Mai 1887 verschwand die sich schön und geradlinig entlang der Hänge des Alatau erstreckende Stadt Werny vom Angesicht der Erde. Die vom Schreck wahnsinnig gewordenen Menschen stürzten in Panik auf die Straßen, rannten

Das Gebäude der Wetterstation in Werny nach der Rekonstruktion.

zwischen den fallenden Wänden der Gebäude umher. Die Familie Baum ereilte die Katastrophe auf dem Anwesen des älteren Bruders, in einem Privathaus an der Ecke der Straßen Torgowaja und Naberesnaja (heute Schibek Scholy am Ufer der Almatinka). Im Garten befand sich die meteorologische und seismologische Station von Werny. Zu Ehren Otton Ottonowitschs wurden die seismologischen Beobachtungen nicht einen Tag lang unterbrochen. Kaum hatte er aus dem zerstörten Haus alles herausgebracht, was noch zum Wohnen unter offenem Himmel zu gebrauchen war, stürzte sich Baum an die Rettung der Ausrüstung der Station. Zum Glück waren viele Instrumente nicht zerstört, doch die Psychometrie-Bude kippte auf die bebende Erde um. Zwischen Staub und Ruinen bückte sich ein großer, abgemagerter Mensch mit Brille auf der Nase über die Geräte und nahm nichts um sich herum wahr.

Die zielgerichtete wissenschaftliche und praktische Tätigkeit Baums des Älteren erwarb ihm den Ruf eines gebildeten und neugierigen Wissenschaftlers, Naturkundlers und Heimatkundlers, der sich durch seltene Liebe und Treue zur Sache der Wissenschaft auszeichnete.

Eduard, der jüngere Sohn des Gartenbaumeisters Otton Baum

Der Forstkundler Eduard Ottonowitsch Baum der Jüngere, der Gründer der ersten Baumschulen des Gebietes Semiretschje, wurde am 3. August 1850 in Jekaterinoslaw geboren. Er schloss das Gymnasium in Pensa ab (1869) sowie die Peter-Akademie (heute Timirjasewakademie) für Landwirtschaft und Forst mit dem Grad eines Doktors der Forstkunde. Danach studierte er am Petersburger landwirtschaftlichen Institut und verteidigte dort seine Dissertation zum Doktor der Agrarwissenschaft. Im Oktober 1875 beginnt er seine dienstliche Karriere als „Landschaftsarchitekt“ von Werny. Im Laufe der Jahre wurde nach Baum ein Hain benannt, in dessen Anlage er einiges an Arbeit

gesteckt hatte. 1887 wurden im Hain versuchsweise Eichen, Linden, Birken, Kiefern und Ulmen gepflanzt. Die eingeführten Bäume wurden gepflanzt „...entlang der Straße in zwei Reihen auf jeder Seite mit der Breite von zwei Saschenen (ein Sachen entspricht 2,13 m, Anm. d. Übers.), die als Bürgersteig für die Fußgänger dienen sollten“.

Der Baum-Hain, der vor der Revolution nach Alferow oder Peremitin benannt war, blieb in literarischen Denkmälern erhalten. Der Schriftsteller P. P. Krasnow fragt „...wer ist der Zauberer, der diese geradlinigen Alleen angelegt hat, der in der Wüste, zwischen den Apfelmärgen von Almaty diesen Park gepflanzt hat, der nach der Schönheit seiner verwilderter Pflanzen mit den besten Schlossparks von Sankt Peterburg verglichen werden kann...“. Eduard Ottonowitsch Baum, einer der Schöpfer dieses Hains, arbeitete als Förster der Region (ab September 1876), als Waldoberrevisor (1895-1917), leitete die Forstschule im Forstbezirk Werny und gleichzeitig den Forstbezirk Tschilik (ab 1909). Baum bekleidete staatliche Posten, war ein Abgeordneter der Stadtduma von Werny und ein Mitglied der regionalen Behörde für Stadtangelegenheiten (ab 1913) und in der sowjetischen Zeit leitete er die Waldunterabteilung des Gebietsexekutivkomitees. Er war im öffentlichen und wissenschaftlichen Leben tätig, erstellte Projekte, Regelungen und Anweisungen für die Begrünung und setzte durch, dass die Bevölkerung kostenlos Setzlinge zum Anpflanzen bekam. Baum besetzte öffentliche Posten, wurde zum Vorsitzenden der Landwirtschaftliche Gesellschaft von Semiretschje gewählt (ab 1902), organisierte die Konferenz der im Bereich der Gartenkultur Tätigen (1901), wurde ein Mitglied des Komitees zur Durchführung der ersten Industrie- und Landwirtschaftsversammlung, warb für die Möglichkeiten der Landwirtschaftstechnik, veranstaltete jährliche städtische „Baumpflanzfeste“ und stellte für das Gebietsmuseum eine dendrologische Sammlung und eine von Pilzen aus dem Siebenstromland zusammen. Eduard Ottonowitsch Baum war der Vorsitzende der Abteilung Semiretschje der Russischen Geographischen Gesellschaft

(ab 1920). Neben der unmittelbaren Teilnahme an der Begründung der Region leistete er in der Freizeit gerne literarische Arbeit. Von ihm stammen unglaublich spannende Artikel in lokalen Publikationen, Bücher zu Heimatkunde und anderen Themen. Als die Frage der Verlegung der Turksib durch das Gebiet von Semiretschje anstand, schrieben die lokalen Publizisten Baum, Grude und Senkow über die Zukunftsträchtigkeit der Eisenbahn und die Perspektiven der Entwicklung der Region. Diese Publikationen lesen sich mit nicht weniger Interesse als die Romane von Jules Verne und Alexandre Dumas. Doch leider wissen nur Spezialisten von diesen talentierten Autoren und Redakteuren.

Das Haus von Eduard Baum in Werny – und zwar nicht einfach ein Haus, sondern ein mit Schnitzereien und Mustern geschmücktes Schloss, ein Musterbeispiel der Holzarchitektur – wurde auf der Kirgisischen Straße (heute Amangeldy-Straße) errichtet. Entworfen wurde es von einem unbekanntem Architekten (möglicherweise Vater oder Sohn der Architektenfamilie Senkow), auf dem steinernen Erdgeschoss wurde ein hölzerner Oberbau aus Tannen aus dem Tienschan errichtet. Die künstlerischen

Das Haus Baums.

sche Gestaltung des Hauses basierte auf Schnitzereien: Fenster, Vordach, Simse und Dreiecksgiebel waren reich mit Schnitzereien versehen. In den angrenzenden Straßen, die heute die Namen Seifullin, Kalinin, Amangeldy und Dschambul tragen, schlossen sich damals ein großer Hof und Wirtschaftsgebäude an. Baum gab die Ernte des Obstgartens unentgeltlich an die Kinder des benachbarten Waisenhauses von Werny ab. Er baute einen Pavillon auf dem Gipfel eines künstlichen Hügels, der aus Mineralien und wertvollen Steinen von Semiretschje bestand. Die Konversation mit den Gästen fand in den Tiefen des Gartens statt, wo Baum mit den Einwohnern von Werny über die Schönheit und den Nutzen des Waldes zu reden pflegte, die Bürger aufrief, wenigstens ein kleines Bäumchen neben ihr Anwesen zu pflanzen und Ratschläge, wo Setzlinge zu beziehen waren.

Am 26. Mai 1921 verstarb der Gartenbaumeister Eduard Ottonowitsch Baum in seinem eigenen Heim in der gerade umbenannten Stadt Alma-Ata. Hier fand auch die Beerdigung des Ehrenbürgers statt, eines Menschen, der ein halbes Jahrhundert lang mit der Begrünung und Gestaltung von Semiretschje befasst war. Nach seinem Tod erlosch das Andenken an ihn fast vollständig. Nach dem Forstkundler ist ein Hain benannt (*Anmerkung: es gibt kein offizielles Dokument über die feierliche Benennung*). 1979 wurde das Haus von Baum durch Beschluss des Stadtvollzugskomitees von Alma-Ata zum historischen und kulturellen Denkmal erklärt und der Botschaft der Republik Kirgistan in Kasachstan übergeben, doch als Ergebnis einer „Renovierung“ verlor es sein ursprüngliches Aussehen.

*Arkadi Posdejew-Baschta, Journalist,
Verdienter Tourismus-Schaffender der
Republik Kasachstan, Dozent an der
Turan-Universität*

DIE ODYSSEE VON GOTTFRIED MERZBACHER

Im Dezember 2013 ist der 170. Geburtstag des deutschen Gelehrten Gottfried Merzbacher, Erforscher von Kaukasus und Tienschan, Alpinist, Verfasser wissenschaftlicher Arbeiten über Morphologie und Geologie der von ihm erforschten Hochgebirgsregionen.

Gottfried Merzbacher kam am 9. Dezember 1843 in der Siedlung Baiersdorf in Mittelfranken zur Welt. Er besuchte die Schule in Erlangen, doch musste er sie zu seinem Bedauern verlassen, um einen Beruf zu erlernen. Der Familientradition folgend wurde Gottfried Kürschner. Zur weiteren Vervollkommnung der beruflichen Fähigkeiten eines Kürschners und Rauchwarenhändlers ging er nach Paris, London und St. Petersburg (hier lernte er übrigens Russisch). 1868 gründete Gottfried in München eine Firma zur Produktion und Verkauf von Rauchwaren, dies nicht ohne Unterstützung seines Onkels, der ein bekannter Numismatiker und Besitzer einer der weltbesten Privatsammlungen von Judaica (Büchern und Manuskripten) war. So konnte der junge

Mann wirtschaftliche Selbständigkeit und materielle Unabhängigkeit erreichen und sein Leben seinem Kindheitstraum widmen – Reisen und geographische Forschungen. Sein Geschäft führte Merzbacher nach Italien, in die Pyrenäen, nach Nordafrika und Zentralasien. Ohne das Geschäft zu vernachlässigen, bildete sich Merzbacher weiter, indem er Bücher über Geologie, Geographie und Glaziologie studierte; er beschäftigte sich mit geodätischen Geräten und erlernte zugleich die Fotokunst. Auch der Alpinistik widmete Gottfried große Aufmerksamkeit. Seine ersten Erfahrungen im Bergsteigen machte Merzbacher Ende der 1870er Jahre. Als Erster erforschte und beschrieb er die Ostalpen (Brentner Dolomiten). Am 16. Juni 1881 gelang Merzbacher unter schwierigen Bergbedingungen die Erstbesteigung des Totenkirchl, die ihn als Alpinisten berühmt machte. Diese Route trägt auch heute den Namen Merzbacherweg. Während seiner Gebirgsausflüge in die Alpen und später in den Kaukasus und den Karakorum führte Merzbacher im Auftrag der Bayrischen Akademie für Wissenschaften regelmäßig geographische Forschungen durch, die die Grundlage seiner Forschungsberichte bildeten, die sich durch Professionalismus, Gründlichkeit und Klarheit des Stils auszeichneten.

1888 verkaufte Gottfried Merzbacher seine Firma in München, um sein weiteres Leben ausschließlich der Alpinistik und der Geographie zu widmen. 1891 machte sich Merzbacher auf die Reise in den Zentral- und danach in den Ostkaukasus. Mit der Reise verfolgte er sowohl sportliche als auch wissenschaftliche Ziele. Unter den von Merzbacher bezwungenen Gipfeln waren der Kasbek und der Tetnuldi. Er vollbrachte eine Schnellbesteigung von Terskol auf den Gipfel des Elbrus, als erster in der Geschichte der Alpinistik ging er dabei über den nördlichen Don-guz-Orun-Grat. Merzbacher vollbrachte auch andere Premieren im Kaukasus, beispielsweise die Besteigung des Donosmta über den Bergkamm. Insgesamt vollbrachte er hier acht Erstbesteigungen. Die Erforschung und Beschreibung des Kaukasus wurde zur ersten großen Forschungsleistung des Gelehrten. Von großem Interesse sind die von ihm gesammelten Informationen zur

Ethnographie der Karatschai und Balkaren. Zu ebenjener Zeit schuf Merzbacher die erste vollständige Karte des Zentralkaukasus, die seitdem für jede Reise oder Bergbesteigung in dieser Region unentbehrlich wurde. Als Ergebnis seiner zwei Reisen in den Kaukasus wurde sein zweibändiges Buch „Aus den Hochregionen des Kaukasus“ 1901 in Leipzig herausgegeben; das Buch wurde in wissenschaftlichen Kreisen hoch geschätzt. Heutzutage ist dieses Buch ein wertvolles Exponat des Alpinen Museums in München. Dank der Beschreibungen und Reisenotizen von Gottfried Merzbacher schenken zahlreiche Forschungsreisende, Geographen und Alpinisten dem Kaukasus ihre Aufmerksamkeit. Es wurde sogar ein Deutsch-Kaukasischer Club gegründet, einer seiner Mitbegründer war Merzbacher.

Gottfried Merzbacher (1843-1926).

In den 1890er Jahren wurde er auf eines der interessantesten geographischen Rätsel jener Zeit aufmerksam – das Bergsystem des Tienschan. Merzbacher unternahm eine Erkundungsreise nach Turkestan, in das Gebiet Semiretschje (Siebenstromland), zu der damals auch das Tal des Issyk-Kul gehörte. Er wollte sich selbst ein Bild von den Reisebedingungen in dieser unerforschten und schwer zugänglichen Region schaffen. Seine Heimreise verlief über Persien, Indien und den Himalaja. Zurück in München begann er sich über eine Reise in die Kordilleren Gedanken zu machen, denn diese Berge interessierten ihn damals außerordentlich. Und nur eine weitere Revolution, die politischen Wirren in Bolivien zwangen ihn, seine Pläne hinsichtlich Südamerika aufzugeben. Merzbacher machte sich fertig für eine Tienschan-Reise.

Die erste Expedition Merzbachers in diese entlegene Hochgebirgsregion fand 1902 statt und zielte auf die Erforschung von Orographie und Geologie der Vergletscherungen des Zentralen Tienschan. In Erwägung der Schwierigkeiten, auf die die Expedition stoßen könnte sowie der Tatsache, dass das Gebiet kaum erforscht war, bereitete er sich auf die weite Reise sorgfältig vor. Als Botaniker lud er den Gartenbauexperten Russel aus Pjatigorsk ein, als Geologen Dr. Hans Keidel aus Freiburg, die Topographiearbeiten übernahm der junge Münchener Ingenieur und Alpinist Pfann und als Begleiter war der erfahrene Franz Kostner aus Covara (Kurfürst) eingeladen.

Das Territorium des Zentralen Tienschan mit seiner mannigfaltigen Natur wurde bereits im Altertum von Reisenden und Gelehrten vieler Länder und Völker erforscht. Bedeutend in der Erforschung der geographischen Besonderheiten der Region in der zweiten Hälfte des 18. und Anfang des 19. Jahrhunderts waren die Reisen von Pjotr Petrowitsch Semjonow-Tienschanski, Nikolai Alexejewitsch Sewerzow, Alexandr Wasiljetisch Kaulbars und vieler anderer russischer, ungarischer, italienischer und deutscher Forscher. Jede dieser Expeditionen leistete ihren beträchtlichen Beitrag zur Erforschung des Zentralen Tienschan, doch

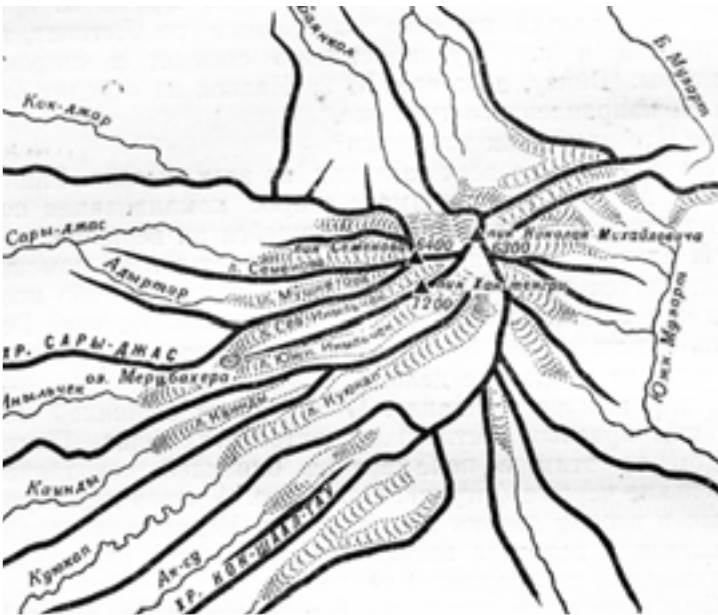

Der Chan Tengri.

blieb als weißer Fleck auf der Weltkarte sein Hochgebirgstheil, wo der legendäre Gipfel Chan Tengri liegt. In der Übersetzung aus dem Mongolischen heißt er „Himmelsherrscher“, die Einheimischen nannten ihn Kan-Too, was „Blutberg“. Zum Entdecker des „Knotens von Chan Tengri“, der in der Erforschung der Region eine wichtige Rolle spielte, sollte der deutsche Geograph und Alpinist Gottfried Merzbacher werden.

Anfang Sommer 1902 kam die kleine Merzbacher-Expedition in Prschewalsk an. Hier machte sie sich anhand der Tagebucheinrichtungen des Kavalleriegenerals Baron Kaulbars, der in den 1870er Jahren an den Erforschungen des zentralen Tianschan

teilgenommen hatte, mit der Entstehungsgeschichte dieser Stadt bekannt. Die Quellen zeugen davon, dass der Stabskapitän der Leibgarde des Jagdregiments Baron Kaulbars, der nach dem Abschluss der Akademie dem Turkestaner Militärbezirk zugeteilt wurde, beauftragt war, die Erkundung des hinter dem Issyk-Kul-See gelegenen Tienschan vorzunehmen und vor allem einen neuen Platz für Stadt und Befestigung auszuwählen, die sich abseits der Karawanenwege unglücklich im kleinen Ort Ak-Su befanden. Die Kaulbars-Karawane verließ Werny am 31. Mai 1869. Der Baron wurde von Kapitän Semjakin mit Helfern für den Aufbau von Abwehrkasernen sowie zwei Topographen – Reinhard und Fähnrich Petrow, nach dem später der Gletscher an der Quelle des Naryn benannt wurde. Zusammen mit dem Bezirksvorsteher Kapitän Andrei Petrowitsch Tschaikowski begann

Schema der Bergrücken des Tienschan nach Merzbacher.

Kaulbars den Fehler seiner Vorgänger zu korrigieren. „Unserer Phantasie malte“, schrieb er später „das Bild einer Stadt am Ufer, mit Häfen, Schiffen, großartigen Badeanstalten, die einem klimatisch wunderbaren Kurort dienten“. Baron Kaulbars erwies sich als gründlicher Mensch. Er befragte die einheimischen Bewohner und ließ sich von kirgisischen Ältesten und Umsiedlern beraten, die von Ak-Su in das Unterland von Karakol gingen. Ein Generalplan für die Bebauung der zukünftigen Stadt wurde entwickelt. Äxte fingen an zu schlagen, Schmieden rauchten, eine Straße erstreckte sich in Richtung des Waldgebietes der Karakol-Schlucht, in der nun, bereits im 21. Jahrhundert, einer der besten alpinen Kurorte in ganz Zentralasien Touristen aus aller Welt empfängt: Karakol. Damals, am 1. Juli 1869, waren Straßen, Platz und Gasthof über das Gelände verteilt und Kasernen errichtet. Damit hielt Kaulbars seine Mission für erfüllt, und seine Truppe begab sich für längere Erkundungen in die Region, die Gottfried Merzbacher erforschen wollte. Die den Notizen Kaulbachs ent-

Die Heilige Dreifaltigkeitskirche in Karakol.

nommenen Informationen waren für die Expeditionsmitglieder hilfreich. Sie eilten unverzüglich nach Karkara, um dort Pferde zu holen, erreichten danach Narynkol, von wo aus es bis zur Schlucht Bajankol nur ein Katzensprung ist.

Selbstverständlich hatte Merzbacher vor der Expedition die Geschichte der Erschließung dieser Region durch andere Reisende und Forscher aufmerksam studiert. Ihm war die Aussage von Pjotr Semjonow bekannt, der in den Jahren 1856 und 1857 tief in den Tienschan eindrang, bis zum Fuß seines Zentralteils, dem Massiv Tengri-Tag: „Als wir nachmittags gegen ein Uhr unterwegs zur Passspitze waren, wurden wir von einem unerwarteten Anblick geblendet. Direkt südlich von uns erhob sich der imposanteste je von mir gesehene Bergrücken. Er bestand von oben bis unten ganz aus Schneeriesen, von denen ich rechts und links von mir mindestens dreißig zählen konnte. Dieser ganze Bergrücken, samt den Abständen zwischen den Gipfeln, war von einem nirgends unterbrochenen Schleier ewigen Schnees bedeckt. Inmitten dieser Riesen erhob sich eine schneeweiße zugespitzte Pyramide, die sich durch ihre Höhe deutlich von anderen unterschied, – von der Passspitze schien sie doppelt so hoch zu sein wie die anderen Gipfel ...“. Das war der Chan Tengri.

Die Beschreibung dieses Berglands und der Gipfel durch den Reisenden erweckte die Aufmerksamkeit seiner Landsleute sowie ausländischer Forscher und Alpinisten. Es begannen Expeditionen in den Zentralen Tienschan: 1864 von Nikolai Alexejewitsch Sewerzow, 1869 von Alexandr Wasiljewitsch Kaulbars, 1876 von A. P. Kuropatkin. 1886 schickte die Russische Geographengesellschaft zwecks Erforschung der Chan Tengri-Gruppe eine spezielle Expedition unter Leitung von Ignatjew, doch die Besteigung des Gipfels über den Gletscher misslang. Das Rätsel blieb ohne Lösung und der Gipfel selbst wurde nicht bezwungen. Auf der Karte der Expedition von Ignatjew ist die Höhe des Chan-Tengri mit 24.000 Fuß (7.320 m) angegeben. Im Sommer 1900 erschien im angrenzenden Sarydschas-Tal noch eine Expedition, diesmal eine alpinistische. Fürst Borghese und Doktor Brocherel

entschieden gemeinsam mit dem Bergführer Zurbriggen diesen als unbesteigbar geltenden Berg zu finden. Sie bestiegen einige Berge, um den Chan-Tengri von den Gipfeln zu betrachten. Von einem der Gebirgssattel, den sie Akmoinak-Pass (4.560 m) nannten, sahen sie beide Äste des Gletschers Inyltschek (Engiltschek), wobei sie beschlossen, dass der Weg über diesen verborgenen Pass der einzig richtige Weg zum Chan-Tengri sei.

1902 begaben sich zwei Expeditionen beinahe gleichzeitig zum Herzen der „Himmelsberge“. Eine dieser Expeditionen war die Expedition des Botanik-Professors Saposchnikov und Doktor Friedrichsens. Die andere stand unter der Leitung von Professor Merzbacher, dem bekannten deutschen Geographen und Alpinisten. Seiner Expedition ist es gelungen, über die Bajankol-Schlucht zum Fuß der bisher unbekanntem Spitze zu steigen, die steil zum Gletscher abbrach. Merzbacher nannte sie Marmorwand (sie bestand völlig aus Marmor) und vermutete dabei fälschlicherweise, dass sie der Knotenpunkt in der Tienschan-Struktur sei. Die Höhe der schnee- und eisbedeckten Kuppe betrug 6.400 m. Als sie gemeinsam mit dem Bergführer Nabokow auf ihre Schulter gestiegen waren, erblickten die Bergsteiger aus 5.500 m Höhe direkt neben sich die Pyramide des Chan-Tengri. Doch konnten damals die Reisenden die lawinengefährdeten Abhänge des Sarydschas-Rückens nicht überwinden, und die Wege zum Chan-Tengri-Fuß konnten sie ebenfalls nicht finden. Ungeachtet des Misserfolgs brachte die Expedition auch positive Ergebnisse. Einige Gletscher wurden erstmals entdeckt und beschrieben, eine große Mineraliensammlung angelegt, geodätische Messungen der wichtigsten Erhebungen vorgenommen und Fotoaufnahmen der Hochgebirgslandschaften gemacht.

Merzbacher überwinterte in Kaschgar. Während des Übergangs über den Fluss Musart brach das Pferd mitsamt seiner Traglast zusammen und trotz hermetischer Verpackung ging ein Teil der belichteten Kassetten verloren. Dies ließ ihn im Winter nach Taschkent fahren, um den Vorrat an Fotomaterialien aufzustocken, und für den Sommer 1903 wieder einen Besuch der

bereits durchwanderten Orte planen. Deshalb ging Merzbacher früh über die Pässe Bedel und Dschuuka in die Berge und stieg nach Prschewalsk, wie Karakol damals gemäß Zarenerlass heiß, hinab. Hier und in Karkara und Narynkol vervollständigte er eine neue Expedition. Danach folgten wieder Aufnahmen des Semjonow-Gletschers, phototheodolitische Arbeiten zur Bestimmung der Höhe des Chan-Tengri, und, was das wichtigste war, Versuche, den Bergfuß oder sogar seinen Gipfel zu erreichen. Eine unerklärliche Kraft zog ihn zu ihm. In diesem Jahr wählte er eine andere Herangehensweise. Nach dem Verlassen der Siedlung Kokpak bewältigte die mit Proviant und Expeditionsausrüstung beladene Karawane den Weg über den ungestümen Fluß Sarydschas, dann über den schneebedeckten Gebirgspass Tus-Aschu (4.000 m), und, nachdem das Muschetov-Gletscherbecken erforscht war, zum Inyltschek-Tal. Vor dem Geographen lag ein Riesengletscher, von dem keiner wusste, und Merzbacher konnte seine Bergführer und Karawanenangehörigen kaum dazu bringen, die Reise fortzusetzen. Die Reisenden wurden vom Wetter nicht verwöhnt. In der

Der Gletscher Nord-Inyltschek. In der Ferne der Bergrücken Sary-Dschas, an dessen Fuß der Merzbachersee liegt.

Eisbrocken im Merzbachersee.

Regel fing es nachmittags an zu schneien und das Gewitter wetteiferte mit dem Gepolter der Schneelawinen.

Durch das Chaos der Wallmoränen und Thermokarstgebiete, durch Eisritzen und Erosionsrinnen, durch Eisfelder, an blendenden weißen Gletschereistürmen und trügerischen Felswänden vorbei hatte sich der Geograph beharrlich ein Kilometer nach dem anderen den Weg zur Schnittstelle von zwei gigantischen Gletscherzweigen, des Nord- und Südnyltschek, gebahnt, um hier höchst enttäuscht festzustellen, dass der Nord-Inyltschek für seine Karawane unzugänglich ist. Im Wege standen Eisschluchten, Eisfjorde, ein Eissee mit steilen Wänden und Eisbergen. Nach der Überwindung der ersten 18 km der Strecke blieb Merzbacher auf der Höhe von 3.400 m vor einem Hochgebirgssee stehen, der sich infolge des Absterbens der Gletscherränder des Nord-Inyltschek bildete. Später wird dieser nach Herkunft und Verhalten einmalige See nach Merzbacher benannt wer-

den. Erstaunlich und ohne jeden Vergleich war das Verhalten des Sees: Jedes Jahr strömen im Hochsommer mit ohrenbetäubendem Rauschen innerhalb einiger Tagen die Wassermassen des Süd-Inyltschek durch mehrere Kilometer lange Höhlen im Gletscherkern. Auf dem entblößten Boden bleiben seltsame Eisknollen liegen. Nach einigen Tagen füllt sich das entleerte Becken schnell mit Wasser, die Eisberge tauchen wieder auf und steigen mit dem Wasserkern immer höher – bis zum nächsten Sommer. Der Mechanismus des regelmäßigen Verschwindens und Wiederauftauchens des Wasserspiegels ist bis heute unerklärlich. Eine der Hypothesen lautet: ein Teil der Eisberge spielt die Rolle von Pfropfen, die die Höhlenkanäle im Gletscher nach der turnusgemäßen Selbstentleerung des Sees dicht abdecken. Es ist kein Zufall, dass unter den Teilnehmern der zahlreichen Tienschan-Expeditionen das Glaziologie-Institut der Münchener Universität ist, an der Gottfried Merzbacher als Professor tätig war. Die Rätsel des nach ihm benannten Sees bleiben ungelöst.

Der Versuch der Expeditionsteilnehmer, den See über die Felsen zu umgehen, waren nicht von Erfolg gekrönt: sie mussten aufgeben und den Weg längs des südlichen Gletscherzweigs fortsetzen. Nach einem Tag gingen nur drei Personen weiter, unter ihnen war der Begleiter aus Narynkol, Nikolai Nabokov. Der „Eisfluss“ schien kein Ende zu haben. Das Chaos der Moränenanhäufungen und die Vielzahl von Erosionsrinnen machten die Bewegung schwieriger. Auch die Höhe machte sich bemerkbar. Ungefähr bei 4.200 m eröffnete sich vor den Reisenden endlich vom Fuß bis zur schneebedeckten Spitze die ganze Marmorpyramide Chan-Too, Chan-Tengri – als Belohnung, als in Erfüllung gegangener sehnlicher Wunsch! Nachdem er die notwendigen geodätischen Messungen vorgenommen und mittels Kompass die Ausrichtung der Bergrücken festgestellt hatte, begann Merzbacher das Bergpanorama zu fotografieren. Der Bergknoten Chan-Tengri verbarg keine Geheimnisse mehr. Als er mit den Notizen fertig war, versuchte Merzbacher mit dem Blick des erfahrenen Bergsteigers gedanklich die Wege des Besteigens festzule-

gen, fand jedoch keine. Er beschloss, dass die Besteigung dieses einmaligen Bergs unmöglich sei. Der Moment für die Besteigung solcher Höhen war noch nicht gekommen.

Chan Tengri (Bild: G.Merzbacher).

Der Chan-Tengri erwies sich nicht nur als imposant und schön, sondern auch furchterregend. Damals schrieb der Alpinist in seinem Tagebuch: „Der Chan Tengri ist kein Ort für alpinistische Leidenschaften“. Erst 1931 schaffte es der ukrainische Alpinist Michail Timofejewitsch Pogrebezki mit zwei Begleitern, anhand der Skizzen von Merzbacher und der Karten russischer Topographen von 1912 erstmals den Chan-Tengri zu besteigen – den mit 6.995 m zweithöchsten Gipfel des Zentral-Tienschan nach dem Pik Pobedy.

Entlang seines Gipfels verläuft die Grenze von drei Staaten: China, Kasachstan und Kirgistan. Er hat eine erstaunlich regelmäßige Pyramidenform und erhebt sich um einen ganzen Kilometer über die nächsten Gipfel der Tengritau-Kette. Er ist einer der schönsten Gipfel in der ganzen Welt.

Das herbeigezogene Schneegestöber zwang die Reisenden, in das untere Lager zurückzukehren. Die Tienschan-Odyssee des Bayern dauerte an. Es gibt keinen größeren Gletscher im Tienschan als den Inyltschek. Über 60 km erstreckt er sich als riesiger Eisfluss. Aber der Inyltschek ist nicht nur eine rauhe Region der Kälte und Gefahren. Es ist auch eine Welt erstaunlicher Eisphantasien, ein riesengroßes Museum für Skulpturen: Höhlen, Grotten, Seen mit Eisbergen, Eisblumen und Girlanden aus riesigen Eiszapfen. Eine erstaunliche Arbeit von Wasser, Sonne und Wind. Nach vielen Jahren erinnerte sich Merzbacher: „Was ist für mich der Tienschan? Eine Mahnung an die alldurchdringende Herrschaft des Geistes des Allerschönsten: im Geräusch des

schlanken Waldes, im Gepolter der Lawinen, im schrecklichen Rauschen der Eisströme; eine Erinnerung an vergeistigte und majestätische Eindrücke, an überwundene Ängste und Gefahren, an die zahlreichen Widersprüche der Berge“.

Das Jahr 1903 brachte dem deutschen Forscher allgemeine Anerkennung, den Ruf eines hervorragenden Reisenden und des besten deutschen Kenners von Zentralasien. Die beeindruckenden Erfolge der Expeditionen in Zentral-Tienschan wurden veröffentlicht und von Merzbacher in den Versammlungen der Geographiegesellschaften in Berlin, London, München, Wien und Petersburg berichtet. Die Arbeiten des Erforschers der Hochgebirgsregionen des Tienschan wurden von Regierungen vieler Länder mit entsprechenden Belohnungen und Auszeichnungen gewürdigt. Die Russische Geographiegesellschaft zeichnete Gottfried Merzbacher mit einer Semjonow-Tienschanski-Goldmedaille aus.

Merzbacher bestieg und erforschte die Berge dieser Gegend in den Jahren 1907 und 1908 (im Alter von 64 Jahren!). Während

Der Merzbachersee.

seiner Expedition von 1907 und 1908 sammelte Merzbacher 1.234 Arten von „Vogelkleidern“, was später zur Grundlage eines wissenschaftlichen Vortrags wurde, der 198 Vogelarten, ihrem Leben und ihrem Lebensraum gewidmet war. Obwohl der Gelehrte keine neuen Vogelarten entdeckte, gilt das Manuskript als bedeutender Beitrag zur Ornithologie. Merzbacher verfasste mehrere wissenschaftliche Arbeiten: „Aus den Hochgebirgsregionen des Kaukasus“ (1901), „Die Berge des Zentral-Tienschan“ (1905), „Physiographie des Tienschan“ (1913), „Die Berggruppe von Bogdo-Ol“ (1916). Er fertigte auch eine Tienschan-Karte mit einem Maßstab von 1:500.000, die 1928, nach seinem Tod, erschien.

Merzbachers Buch über die Völker des Kaukasus.

Seine Erfahrung, sein Können, seine Fertigkeiten, tiefe Kenntnisse in mehreren Forschungsgebieten, seine Kontaktfreudigkeit, die Merzbacher während schwierigster Expeditionen entwickelte, machten ihn fähig, sich in alle komplizierten Verhältnisse einzuarbeiten. 1907 entschied Prinz Arnulf von Bayern, der am russischen Kaiserhof diplomatische Funktionen ausübte, mit Genehmigung des russischen Außenministeriums eine Reise durch die südlichen Grenzgebiete des Zarenreichs zu unternehmen, um sich mit ihnen vertraut zu machen. Als Reiseführer lud er Merzbacher und den Geologen Loiche ein. Die Expedition wurde von der russischen Spionageabwehr aufmerksam verfolgt. Aber Merzbacher, der die Reisegegenden gut kannte, gestaltete die Route zweckmäßig, und die verbotenen Gegenden wurden kein einziges Mal betreten. Nach dem Kaukasus begab sich die Gruppe über Krasnowodsk nach Buchara. Der Prinz lernte das russische Zen-

tralasiern kennen und kehrte im Juli des gleichen Jahres nach St. Petersburg zurück.

In den Bergen des Tianschan sind neben einem See noch eine Gipfel und eine Waldwiese, von der die Bergsteiger ihre Route beginnen, nach Merzbacher benannt.

Merzbacher genoss unter Alpinisten stets außergewöhnlich hohes Ansehen, und er blieb bis zu seinem Tode Ehrenmitglied der Alpgesellschaft. Er starb 1926 im 83. Lebensjahr und wurde in München beerdigt. „Die Geographie hat einen Menschen von seltener Leistungsfähigkeit verloren, einen unermüdlichen Forscher und Diener der Wissenschaft“, stand in einem Nachruf. Sein Archiv vermachte Merzbacher der Staatsbibliothek Bayern. In München steht noch das Haus Möhlstraße 25, in dem Merzbacher von 1910 bis zu seinem Tode lebte. 1928 wurde eine Straße in München nach dem Gelehrten als Merzbacherstraße benannt.

*Maja Sergejewna Kowalski –
Bestarbeiterin der Volksbildung der
Kasachischen SSR, Mitgründerin des
Fonds des Museums für Literatur
und Künste „Buchar Shyrau“. Autorin
zahlreicher Artikel.*

*Nadeschda Runde – Dichterin, Kritike-
rin, Autorin von Kinderbüchern.*

FRIEDRICH WILHELM RADLOFF – EIN KENNER DER KULTUR UND SPRACHEN DER TURKVÖLKER

2012 jährt sich der Geburtstag von Friedrich Wilhelm Radloff (17.01.1837-12.05.1918) oder Wassilij Wassiljewitsch, wie man ihn in Russland nannte, zum 175. Mal. Geboren wurde er in Berlin, wo er auch eine gründliche humanitäre Ausbildung genoss. Seine leidenschaftliche Vorliebe galt den Sprachen und der Kultur der Turkvölker.

Als Orientalist und Turkologe deutscher Herkunft legte Radloff den Grundstein für eine wahrhaft wissenschaftliche Erforschung Sibiriens und leistete einen gewaltigen Beitrag zur Erforschung von Geschichte und Kultur der asiatischen Völker.

Er studierte die Turksprachen als eine universelle Idee und durchdrang die gesamte Weltanschauung der alten Türken. Als ewiges Axiom galt ihm die Behauptung, dass die geistige Entwicklung eines beliebigen Volkes ohne historische Kontinuität unmöglich ist. Jeder Generation kann eine weitere Entwicklung nur im Zusammenhang mit den Zeiten der nationalen Kultur sicherstellen, nur dann, wenn es ihr gelingt, die geschichtlichen Erfahrungen, die in den vorhergehenden Jahrhunderten akkumuliert wurden, geistig zu verarbeiten und eine Gesellschaft zu schaffen, die sich auf der Grundlage von Traditionen reproduziert und auf den vergangenen Erfahrungen und der Eigenart der historischen Entwicklung des Landes basiert.

Eines Tages geriet Wilhelm Radloff das Gedicht „Susge“ über die junge, hübsche, kluge und kämpferische Frau des Chans Kutschum in die Hände. Verfasst wurde das Gedicht von Pjotr Jerschow, der im Dorf Besrukowo in der Nähe des Städtchens Isker lebte, das Kutschum für seine geliebte Frau gebaut hatte.

In „Susge“ fanden Volksglauben, Lieder, Beschreibungen des Flusses Irtytsch und des Palastes der wunderschönen Chansgattin Einzug; der Erzähler stellt „mit einprägsamer Genauigkeit“ nicht

nur die äußeren Züge der „Haremsschönheit“ Kutschums – Susge – dar, sondern beschreibt auch ihre innere Welt, wobei er „ihre Gestalt mit der schweren Zeitspanne im Leben ihres Volkes verbindet“.

Das Gedicht durfte damals nicht gedruckt werden, aber durch Gottes Fügung geriet es in Radloffs Hände, der sich nach der Lektüre mit folgenden Fragen konfrontiert fühlte: „Was für ein Glaube ist der Islam? Er ist im 13. Jahrhundert in Arabien entstanden, aber zu ihm bekennen sich die Völker Mittelasiens, Tatarstans und des Kaukasus. Wie hat er aber das abgelegene Chanat von Kutschum in der tiefen Taiga erreicht?“ Radloff wusste, dass eine neue Religion nicht von heute auf morgen entstehen kann und immer als Fortsetzung und Weiterentwicklung von bereits vorhandenen Glaubensbekenntnissen zu verstehen ist. Aber welcher? Chan Kutschum gelang es ein Heer aufzustellen, das keine Niederlagen kannte, weil jeder Krieger unerschütterlich an den Islam glaubte, den zu erforschen sich Radloff zur Aufgabe gemacht hatte. Was bedeutet „Islam“? Das ist der Weg zu Gott durch Demut. „Koran“ bedeutet buchstäblich „Lektüre“. Für die Muslime hat das Wort „Islam“ einen besonderen Sinn und bedeutet so viel wie „Anvertrauung“ oder „innigste Ergebenheit“ in den Willen Allahs. Das Wort spiegelt die Stimmung und die Gefühle derjenigen wider, die auf Mohammeds Predigten hören.

Wilhelm Radloff las in der Sure Folgendes: „Wir haben ihn in arabischer Sprache niedergelegt, damit ihn alle verstehen“. Die Schöpfer des Korans behaupteten, dass eine beliebige Übersetzung seinen Wert schmälere, er büße dabei seine Reinheit ein. Die Moslems lehnten von jeher die Idee einer Übersetzung des Korans ab und verboten jegliche Versuche der Übertragung seines Inhalts in eine andere Sprache. Deswegen beginnt Radloff das Arabische zu studieren. Er nimmt Unterricht in orientalischen Sprachen bei Hermann Steinthal und bei dem Fachmann für die Ural- und Altaisprachen Wilhelm Schott.

Hier sei bemerkt, dass Radloff bereits in Berlin mit dem Erlernen der arabischen, russischen, kasachischen und uigurischen

Friedrich Wilhelm Radloff – ein Kenner der Kultur und Sprachen der Turkvölker

Sprache begonnen hatte. Der Absolvent der Fakultät für Philosophie der Berliner Universität promovierte erfolgreich zum Thema „Über den Einfluss der Religion auf die Völker Asiens“ und erlangte den akademischen Grad Doktor der Philosophie. Er war es gewohnt, alles zu vervollkommen, und brannte darauf, sich in die sprachliche Umwelt zu stürzen, um unmittelbar mit den Sprachträgern zu kommunizieren. Der junge Gelehrte entschloss betimmt nach Russland zu ziehen in der Absicht, es ohne fremde Hilfe kreuz und quer zu durchreisen.

1858 kam W. Radloff nach Sankt Petersburg und besuchte vor allen Dingen das Asiatische Museum. Um dort eine Anstellung zu bekommen, musste er die Staatsbürgerschaft erwerben. Der

Friedrich Wilhlem Radloff.

Gelehrte legt einen Treueid ab und nimmt die Staatsangehörigkeit Russlands an.

Viele Jahre später ist er ein hervorragender russischer Orientalist – Turkologe, Ethnograph, Archäologe und Pädagoge, einer der Bahnbrecher der vergleichenden historischen Erforschung der Turksprachen und Turkvölker, Verfasser von 150 wissenschaftlichen Arbeiten, ein Vorbild des Dienstes an der Wissenschaft.

Wilhelm Radloff erforschte die erhalten gebliebenen Zeugnisse von verlorengegangenen und vergessenen Sprachen und trug auf seinen Forschungsreisen ein außerordentlich reiches Material zusammen. Ab 1862 begann er die Ergebnisse seiner wissenschaftlichen Arbeit in deutscher und russischer Sprache zu veröffentlichen. Neben zahlreichen wissenschaftlichen Arbeiten erschien 1907 sein berühmtes vierbändiges Folklorebuch „Muster der Volksliteratur der türkischen Stämme“, herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften Sankt Petersburg. Darin erforschte der Wissenschaftler alle Genres der Folklore: lyrisch-epische Gedichte, Lieder, Aitysse, Shyren, Bagas usw. In den Sammelband wurden Texte in Turksprachen mit Übersetzungen ins Deutsche aufgenommen.

Es lässt sich wohl kaum aufzählen, was Radloff außer den Studien der Turksprachen noch alles getan hatte. Er war es, der viel zur Entstehung kasachischer Periodika beitrug, der die erste Zeitung der Kasachen unter dem Titel „Dala ualajatynyn gazeti“ herausgab, die der Welt den Klassiker der kasachischen Literatur, Abai Kunanbajew, entdeckte. Auf ihren Seiten stellte Abai als erster der Kasachen sein Volk vor und unterstrich kurz und bildhaft die Kultur, die Traditionen und die Wurzeln der Kasachen. Die drei ersten Ausgaben, die von Maschchur Kopejew geschrieben wurden, werden im Museum für Literatur und Kunst in Pawlodar aufbewahrt.

Radloff gründete ein Lehrerseminar, wodurch er praktisch eine ganze Schicht der kasachischen Intelligenz schuf und unbeabsichtigt die besten Söhne des kasachischen Volkes

Friedrich Wilhelm Radloff – ein Kenner der Kultur und Sprachen der Turkvölker schulte. Er eröffnete auch die erste Mädchenschule, für die er selber Lehrbücher schrieb.

Der Gelehrte lebte viele Jahre in Sibirien, Mittelasien und in Barnaul. Nachdem er die entsprechende Erlaubnis für eine Lehrertätigkeit erhalten hatte, unterrichtete er in Gymnasien und verdiente Geld für geplante Forschungsreisen. Die Jahre 1859 bis 1869 sind in seine Biografie als „Altaier Periode“ eingegangen.

In dieser Zeit hatte er seinen Wohnsitz in Barnaul und bereiste die kirgisischen Steppen, das Ufergelände des Jenissej sowie das Gouvernement Tobolsk, hielt sich in der Mongolei und Turkestan auf. Überall erforschte er die mündliche und schriftliche Sprache und Kultur der dort lebenden Völker.

Während seiner „Kasaner Periode“ (1872-1884) befasste er sich mit Lehrertätigkeit und war zugleich längere Zeit Inspektor der allgemeinbildenden Schulen des Gebietes, das von Tataren, Baschkiren und Kirgisen besiedelt war. 1884 war sein unstetes Leben zu Ende – der Forscher zog nach Sankt Petersburg um und widmete sich voll und ganz der Wissenschaft. Immer mehr fesselten die alten türkischen, mongolischen und uigurischen Schriften, die er nicht nur sammeln, sondern auch zum ersten Mal herausgeben konnte, seine Aufmerksamkeit.

Die Vereinigung der Uiguren, die Bildung von Staaten, die Verkündigung eines Chans mit vererblicher Macht – das war eine neue Etappe in der ethnischen und politischen Entwicklung der Uiguren. Die Ursachen des Zerfalls der Bündnisse, die den Interessen jener Zeit nicht mehr entsprachen, die Entwicklung der Kultur, der Sprache und des Schrifttums dieses Volkes – dies alles ist in dem globalen Werk des Orientalisten Wilhelm Radloff „Zur Frage der Uiguren“ enthalten.

Besonders hebt Radloff den Staat Karachanid hervor, dem sowohl Regionen mit sesshafter Landwirtschaft als auch mit Wanderhirtentum angehörten. Der Forscher berichtet über den Fall des nord-ugurischen Staates am Orchon, analysiert seinen Städtebau und sein Schrifttum.

1894 wurde Radloff zum Direktor des Museums für Anthropologie und Ethnografie der heute nach Peter dem Großen benannten Akademie der Wissenschaften ernannt. Er ist auch einer der Initiatoren zur Gründung des Russischen Komitees zur Erforschung Mittel- und Ostasiens und besonders des sibirischen Subkontinents.

Der Grabstein Radloffs auf dem Smolensker Friedhof in St. Petersburg.

Friedrich Wilhelm Radloff – ein Kenner der Kultur und Sprachen der Turkvölker

Radloff führte einen wahren Umschwung in der Turkologie herbei, die seit dem Erscheinen seiner ersten Publikationen in zwei Perioden eingeteilt wird: in diejenige von Radloff, und die danach. Seine Schriften haben auch heute ihren wissenschaftlichen Wert nicht verloren, ja sie sind noch wertvoller als früher geworden und zuweilen die einzige dokumentarische Quelle in Geschichte und Philologie der früher schriftlosen Turkvölker.

Seit Mai 2002 werden im Petersburger Museum für Anthropologie und Ethnografie „Peter der Große“ jährlich dreitägige „Radloff-Lesungen“ abgehalten, in denen sich Ethnographen, Anthropologen, Folkloristen und Museumskundler treffen, die sich nicht nur mit türkischen, sondern auch mit sibirischen Stoffen befassen und die Konferenzergebnisse publizieren.

Das Grab des Akademiemitglieds Wilhelm Radloff befindet sich auf dem lutherischen Smolensker Friedhof mitten im Zentrum von Sankt Peterburg. Bekannt ist, dass der Gelehrte in seinem Testament verfügte, darauf einen riesigen Felsbrocken zu setzen, aber aus unterschiedlichen Gründen wurde dieser letzte Wille nicht erfüllt.

Irina Otradnych, wissenschaftliche Mitarbeiterin des Instituts für Botanik des Bildungsministeriums der Republik Kasachstan.

JEWGENI MICHAELIS, DER PROTOTYP DES NIHILISTEN BASAROW

Der unermüdliche Forscher und Gelehrte, der wissbegierige Naturforscher Jewgeni Petrowitsch Michaelis schrieb sich als eine leuchtende Seite in die Geschichte der Entwicklung Nordkasachstans ein. Man sagte ihm eine glänzende Karriere voraus, doch nach der Teilnahme an Studentenunruhen wurde er nach Sibirien und später nach Semipalatinsk und Ust-Kamenogorsk verbannt und widmete sein Leben der Erforschung und Entwicklung dieser Region.

Jewgeni Michaelis beschäftigte sich mit Fragen der Hydrographie des Gebiets Semipalatinsk, geomorphologischen Erkundungen der Berge des Altai, er suchte fossile Brennstoffe und Erzlagerstätten, erforschte Gletscher und Flüsse, schuf neue ergiebige Methoden der Imkerei und begeisterte sich für die Muschellehre. Als Redakteur der „Nachrichten des Gebiets Semipalatinsk“ befolgte Michaelis die Traditionen der demokratischen Publizistik und trug dadurch zur Festigung freundschaftlicher russisch-ka-

Jewgeni Michaelis, der Prototyp des Nihilisten Basarow

sachischer Beziehungen bei. Seine Freundschaft mit Abai hatte größte Bedeutung für den Werdegang des Dichters, der von seinem Freund und Lehrer bis zu seinen letzten Lebenstagen mit Dankbarkeit sprach.

Jewgeni Petrowitsch Michaelis wurde am 26. September 1841 in Sankt Petersburg in eine große Adelsfamilie geboren. Der Vater Pjotr Iwanowitsch Michaelis war ein für seine Zeit gut gebildeter Mensch, arbeitete im Außenministerium und bei Gericht.

Jewgeni Petrowitsch Michaelis.

Irina Otradnych

Jewgenis ältere Schwester Ljudmila Petrowna, in den 1860er Jahren eine bekannte Kinderschriftstellerin und Übersetzerin, war die Frau des bekannten Revolutionärs Nikolai Wasiljewitsch Schelgunow, kannte persönlich Herzen und Ogarjow, in ihrem Haus versammelten sich herausragende russische Schriftsteller und Gelehrte: Tschernischewski, Dobroljubow, Pisarew,

Abai Kunanbajew.

Nekrasow, Turgenjew, Lew Tolstoi, Pisemski und viele andere. Jewgenis jüngere Schwester Maria, eine Schülerin von Tschernischewski, war Ehefrau und Mitstreiterin des Aktivisten der Narodniki-Bewegung Juri Nikolajewitsch Bogdanow und nahm ebenfalls aktiv an der revolutionären Bewegung in Russland teil. In dieser Umgebung wuchs auch Jewgeni Michaelis auf, was sich natürlich auch auf seine Ansichten und Tätigkeiten auswirkte.

Im Jahr 1858 begann der junge Michaelis sein Studium an der Abteilung für Naturwissenschaft der physikalisch-mathematischen Fakultät der Petersburger Universität. Die Beschäftigung mit Naturwissenschaft war sehr charakteristisch für die Jugend jener Zeit. Die Generation, der Michaelis angehörte, brachte solche weltbekannten russischen Naturforscher wie Metschnikow, Timirjasew, Mendelejew, Setschenow, Kowalewski, Pawlow u.a. hervor.

An der Universität zeichnete sich Jewgeni Michaelis sofort durch seine überdurchschnittlichen Fähigkeiten, rednerisches Talent und Charakterstärke aus und wurde den Worten des Schriftstellers Pjotr Boborykin zufolge zum „Anführer der Petersburger Studentenschaft“. Der Schriftsteller behauptet, dass Michaelis, „von Natur und Verstand aus... deutlich stärker als viele andere“, für Turgenjew in seinem Roman „Väter und Söhne“ zum Vorbild für den Nihilisten Basarow wurde. Nikolai Schelgunow, der Michaelis ebenfalls als herausragende Persönlichkeit charakterisiert, schreibt, dass er „so jemanden nicht noch einmal sah“.

In den Monaten September und Oktober 1861 brachen in Petersburg ernsthafte Studentenunruhen aus, die die zaristische Verwaltung brutal unterdrückte. Viele wurden verhaftet und in die Verbannung geschickt, darunter auch Michaelis. Zunächst wurde er nach Petrosawodsk deportiert, einige Zeit später in die Stadt Tara im Gouvernement Tobolsk, wo er sechs Jahre verbrachte.

1869 wurde Michaelis gestattet, in der Stadt Semipalatinsk wohnhaft zu werden (dort lebte er 13 Jahre) und mit Sonder-

genehmigung des Innenministeriums in den Staatsdienst zu treten, zunächst als Schreiberkraft. Doch bereits 1872 wurde er zum Oberbeamten für Sonderaufgaben in der Gebietsverwaltung ernannt. Hier, in Semipalatinsk, lernte Michaelis Abai kennen, in dessen Leben er solch eine wichtige Rolle spielte.

In Semipalatinsk lebten zu jener Zeit hunderte aus politischen Gründen Verbannte. Es war eine langweilige, staubige, abgelegene Stadt, die 9.000 Einwohner zählte.

Folgendermaßen wurde sie von Alexandr Konstantinowitsch Heinz beschrieben, der Semipalatinsk 1865, vier Jahre vor Ankunft von Michaelis, besuchte: „Die mit der Zeit dunkel gewordenen Holzdächer der Stadt schmiegen sich aneinander wie ein Haufen Pilze, die sich an einem für sie angenehmen Ort eingestrichelt haben. Aus der Masse der Dächer springen an sieben oder acht Stellen die hölzernen Minarette der Moscheen hervor, unästhetisch und vergammelt. Von der schmutzgrauen Farbe von

Die Gogolbibliothek (heute Abaibibliothek) in Semipalatinsk.

Abai-Museum in Semipalatinsk.

ganz Semipalatinsk heben sich scharf zwei steinerne orthodoxe Kirchen ab, von denen eine ziemlich schön ist.

Im Westen strömt der Irtysch, der sich in mehrere Flussarme mit von Weiden, Birken, Pappeln und Faulbäumen bewachsenen Inseln aufteilt. Dies ist der Lieblingsort für die Semipalatinsker Öffentlichkeit für Ausflüge.

Zum Leben kann Semipalatinsk nicht angenehm sein. Im Winter geht der Frost bis zu 34 Grad, im Sommer die Hitze bis 31 Grad im Schatten. Der ständige Südwestwind, der Sand vom Ufer des Irtysch, von Inseln und Bänken aufwirbelt, weht ganze bewegliche Berge in die Stadt. Im Winter lässt ebenjener Wind starke Schneestürme aufkommen und überhäuft die Straßen mit Schneebrocken. Als ob man dem Wind mehr Raum geben wollte, liegt inmitten der Stadt ein Platz, umgeben von Geländern, die unter dem Sand etwas hervorgucken. Diesen Platz versucht man schon seit Jahrzehnten erfolglos mit irgendwelchen Bäumen zu bepflanzen.

Trotz all dieser Unannehmlichkeiten ist Semipalatinsk ein wichtiger Handelspunkt in den kirgisischen Steppen des Verwaltungsbezirks Sibirien.“

Jewgeni Michaelis erhielt oft Aufträge zu wichtigen Botengängen und Dienstreisen, sowohl administrativer als auch wissenschaftlicher Natur, die ihm die Möglichkeit gaben, die Region zu erforschen und wissenschaftliche Arbeit zu leisten. Regelmäßig begleitet er den Gouverneur bei Fahrten entlang der Grenze mit China, ist auf allen Sonderversammlungen der Kasachen vertreten und entwirrt geschickt die kompliziertesten Stammesfehden und Streitigkeiten, wobei er gleichzeitig Alltag und Kultur des Volkes studiert. Sehr bald wurde Michaelis zu einem anerkannten Kenner der Steppenregion, und vom Jahr 1875 an wird ihm jährlich die Erstellung von Berichten über den Zustand des Gebiets und das Führen der wichtigsten Korrespondenz der Wirtschafts- und Verwaltungsabteilung der Gebietsregierung aufgetragen. Im Jahr 1881 übte Jewgeni Michaelis die Tätigkeit des Bezirksrichters von Semipalatinsk und des Gebietsstaatsanwalts aus und war Initiator für die Herausgabe des juristischen Sammelbandes „Steppenverordnung über die Kirgisen“. Seine Vorträge, die ein tiefes Wissen über alltägliche Ordnung und Bräuche des kasachischen Volkes bestätigten, fanden vollständig Einzug in die Steppenverordnung.

Zum Zweck der statistischen Untersuchung und Beschreibung des Gebietes wurde 1878 auf Initiative von Michaelis das Statistikkomitee geschaffen, bei dem Michaelis eine hervorragende Bibliothek schuf (ihre Bestände bildeten die Grundlage für die heute existierende öffentliche Gogol-Bibliothek des Gebiets Semipalatinsk). Eben hier fand seine erste Begegnung mit Abai statt.

Als aktiver Vorkämpfer für die Aufklärung des kasachischen Volkes interessierte sich Jewgeni Michaelis auch für Kasachen, die russische Literatur lasen, was zu dieser Zeit eine Ausnahmeerscheinung darstellte. Der Heimatkundler und Gelehrte Boris Georgijewitsch Gerasimow schreibt in seinen Erinnerungen: „Jewgeni Petrowitsch wurde als Kenner der Steppenregion betrachtet. Sein beobachtender Verstand bemerkte schnell alles, was interessant war und Aufmerksamkeit verdiente. Die gesamte kirgisische Steppe ist ihm zu Dankbarkeit dafür verpflichtet,

dass ein großes dichterisches Talent nicht verstarb, ohne Spuren zu hinterlassen, welches Michaelis in der Person des Kirgisen aus dem Amtsbezirk Tschingiskaja des Landkreises Semipalatinsk Ibrahim (Abai) Kunanbajew entdeckte.“ Zeitgenossen beschrieben diese Begegnung folgendermaßen: „Als er den lebendigen Verstand und die große Wissbegier Abais bemerkte, beschäftigte sich Michaelis ernsthaft mit dessen Ausbildung. Auf Anweisung von Michaelis las Abai die russischen Klassiker – Puschkin, Lermontow, Turgenjew, Dostojewski und andere und machte sich mit den Werken von Spencer, Lewis und Drepper vertraut. Abai verstand später sehr gut, was er Jewgeni Petrowitsch verdankte und erinnerte sich bis ans Ende seiner Tage mit rührender Dankbarkeit an ihn. „Michaelis hat mir die Augen geöffnet“, pflegte Abai zu sagen. So war Michaelis der geistige Vater von Abai, dessen wunderschöne Dichtung mit solch einer Begeisterung von der Steppe aufgenommen wurde.“ Durch ihn wurde Abai als ein Gleicher in den Kreis der Intelligenzija aufgenommen, was einen großen Einfluss auf sein weiteres Schicksal als Dichter und Denker hatte.

Die Explosionen [das Attentat auf Zar Alexander II., Anm. d. Übers.] vom März 1881 erschallten in ganz Russland. Auf die Terrorakte der Gruppe „Narodnaja Wolja“ reagierte die zaristische Regierung mit Massenterror. Alle möglichen Begrenzungen, Einschränkungen und direkte Repressionen trafen auch alle politisch Verbannten, wie aus zahlreichen Erinnerungen von Zeitgenossen hervorgeht.

Im Jahr 1882 wurde in Petersburg im Fall „Narodnaja Wolja“ Juri Bogdanowitsch, der Ehemann der Schwester von Jewgeni Michaelis, hingerichtet. Die Führung von Semipalatinsk musste zwangsläufig in Aufregung geraten angesichts der Tatsache, dass in der Gebietsverwaltung ein prominenter Posten von einem Verwandten eines aktiven Terroristen besetzt war, der selbst eine ernste politische Vergangenheit hatte. Zu dieser Zeit wurde die Verwaltung der Region aufmerksam auf die Freundschaft zwischen Jewgeni Michaelis und Abai und den damit verbunde-

nen revolutionären Einfluss auf den Dichter, und über ihn auf breite Schichten des kasachischen Volkes. Michaelis wird nach Ust-Kamenogorsk verbannt.

Man muss anmerken, dass die Ausweisung nicht den Charakter eines offenen administrativen Aktes trug, sondern als freiwilliger Wechsel zum Dienst bei einer anderen Behörde gestaltet wurde. Michaelis wechselte zum Dienst bei der Steuerbehörde

Jewgeni Petrowitsch Michaelis mit seiner Frau Elisaweta Alexejewna.

und wurde zum Helfer der Steuerinspektion der Stadt Ust-Kamenogorsk ernannt. Dabei stellt Michaelis die Bedingung, dass er im Dienst nicht befördert und nirgendwohin versetzt wird: bei der Steuerbehörde gab es keine Möglichkeiten für progressive öffentliche Tätigkeiten, und jegliche Beförderung im Dienst könnte zu einem Konflikt mit der reaktionären Führung und als Konsequenz zu neuen Repressionen führen.

Die dreißigjährige Ust-Kamenogorsker Periode im Leben von Michaelis ist nicht reich an äußeren Ereignissen. Dort starb bald seine erste Frau, und im Jahr 1890 geht er eine zweite Ehe ein. Im Staatsarchiv des Gebietes Ost-Kaschstan, das unbezahlbare Schätze zur Geschichte der Region aufbewahrt, ist in einem der Kirchenbücher für das Jahr 1897 ein Eintrag folgenden Inhalts enthalten:

„Datum: 20. August. Es schlossen die Ehe:

der Erbadelige Jewgeni Petrowitsch Michaelis, orthodoxes Bekenntnis, zweite Ehe, 55 Jahre. Die Kosakenwitwe aus der Siedlung Ust-Kamenogorsk

Elisaweta Alexejewna Kasachina, orthodoxes Bekenntnis. Zweite Ehe, 33 Jahre.

Bürgen:

Für den Bräutigam – der Ust-Kamenogorsker Bürger Stepan Alexejewitsch Lukianow, der Semipalatinsker Bürger Andrei Grigorjew Kurbanow.

Für die Braut – der Kollegialrat Wistenius und der Semipalatinsker Bürger Wasili Semjonow Tschumow.

Die Trauung vollzogen: Priester Alexandr Sosunow mit Diakon Nikolai Puschkarjow“.

In dieser Ehe wurde eine Tochter geboren, die Jewgeni Michaelis in Erinnerung an seine geliebte ältere Schwester Schelgunowa Ljudmila nannte. Sein verbliebenes Leben verlief entlang der einmal eingeschlagenen Bahn, und ein Großteil seiner Zeit war vielseitiger wissenschaftlicher Arbeit gewidmet.

Zu jener Zeit war Ust-Kamenogorsk ein Städtchen mit einer Bevölkerung von 5.000 Menschen, fünf Straßen und sechs Gasen. Das Äußere von Jewgeni Michaelis machte sofort Eindruck auf die Provinzler: ein gewaltiger Kopf, ein breiter, ergrauerter Bart, kluge, tiefsitzende Augen, große, von der Arbeit gezeichnete Hände. Das ganze Jahr über trug Michaelis einen weißen Anzug aus Baumwolle, in die Stadt ging er mit einem spitzen Stock, der mit Schlangenleder bezogen war. Er sprach scharfsinnig, konnte Blasiertheit und Hochnäsigkeit in die Schranken weisen und hielt beständig die menschliche Würde hoch, für deren Schutz er energisch eintrat.

Freilich änderte Michaelis in Ust-Kamenogorsk nicht seine gesellschaftlichen Bestrebungen. So wendete er als Mitglied des Stadtparlaments über drei Jahrzehnte viel Kraft zur baulichen Gestaltung der Stadt auf. Ust-Kamenogorsk verdankt ihm, dass ihn der Stadt eine Bibliothek eröffnet wurde (1896), mit dem Pflanzen von Bäumen im Stadtgarten begonnen wurde, die Gebäude der kirchlichen Lehranstalt (1897), der Marien-Lehranstalt

Die Marien-Lehranstalt in Ust-Kamenogorsk.

Der Fährhafen in Ust-Kamenogorsk.

(1901), des Volkshauses (1902), der Grundschule (1912) und des Mädchengymnasiums (1914) gebaut wurden sowie neue Schulen und andere kulturelle Einrichtungen eröffnet wurden.

Außergewöhnlich vielseitig war die wissenschaftliche Tätigkeit von Michaelis. Jede Fahrt durch die Region nutzte er für anthropologische Beobachtungen, das Sammeln archäologischer und ethnografischer Exponate, Sammlungen der Conchologie (Muschelkunde) und anderer Bereiche der Naturwissenschaft. Viele der von ihm angelegten Sammlungen stellen bis heute einige der besten Exponate des Semipalatinsker Museums dar, seine zoologische Sammlung befindet sich im Zoologischen Museum der Akademie der Wissenschaften. In Ust-Kamenogorsk setzt Michaelis sein bereits in Tara begonnenes Studium von Weichtieren fort. In conchologischen Fragen begann er 1883 einen viele Jahre andauernden Briefwechsel mit dem Direktor des Berliner Zoologischen Museums, dem in der Wissenschaft bekannten Weichtierspezialisten Carl Eduard von Martens. Michaelis sendete nach Berlin Dublikate seiner Sammlungen, Beschreibungen derselben und Aufzeichnungen seiner Beobachtungen. Seine Arbeiten wurden auf den Sitzungen der Gesellschaft Naturfor-

schender Freunde zu Berlin diskutiert. Heute befindet sich seine Sammlung von Muscheln und Nacktschnecken im Berliner Museum für Naturkunde.

Einen wertvollen Beitrag leistete Michaelis zur Geologie. In der Ust-Kamenogorsker Periode setzte Michaelis seine Erforschung des Kalba-Bergrückens und des südlichen Altai fort. Seine Kenntnisse der Geologie der Region spielten eine große Rolle in der Entwicklung der Montanindustrie. Lange Zeit wurde er als anerkannte Autorität für Fragen der Geologie angesehen und seinen Rat suchten nicht nur Bergbauunternehmer, sondern auch berühmte Gelehrte und Forscher, darunter Professor Wasili Wasiljewitsch Saloschnikow, Professor Wladimir Afanasjewitsch Obrutschew, Grigori Nikolajewitsch Potanin und andere. Im Altai entdeckte er einige Goldvorkommen und schlug die rationalsten Techniken zu ihrer Ausbeutung vor. In den von Michaelis erforschten Gebieten wird heute in großem Maßstab Goldabbau betrieben und sind polymetallische Bergwerke in Betrieb. Bei der Erforschung des Kalba-Bergrückens legte Michaelis eine reiche mineralogische Sammlung an.

Gemeinsam mit dem bekannten Bienenzüchter und politisch Verbannten A. N. Fjodorow untersucht Michaelis Methoden der

Entwicklung der Imkerei im Altai. Von ihnen konstruierte Bienenstöcke erhielten 1894 die silberne Medaille auf der Allrussländischen Ausstellung und erkämpften sich schnell allgemeine Anerkennung nicht nur unter lokalen Imkern, sondern auch weit außerhalb der Grenzen des Altaier Gebietes. Das heutige Gebiet Ost-Kasachstan ist berühmt für seine Bienenzucht, und sehr verdient hierum hat sich Jewgeni Michaelis gemacht.

In den 1880er Jahren führte Michaelis eine große Erkundung des Irtysch durch, von Semipalatinsk bis zum Saisensee auf einer Länge von 758 km. Er erstellte eine Navigationskarte dieses Abschnitts und sammelte viel Material wirtschaftlicher und geografischer Art. Ergebnis dieser Arbeit war die Eröffnung eines Dampfschiffverkehrs am Oberlauf des Irtysch, was eine riesige wirtschaftliche Bedeutung für die Region hatte.

In der Ust-Kamenogorsker Periode seines Lebens häufte Jewgeni Michaelis ein enzyklopädisches Wissen an und wurde zum gelehrten Heimatkundler, der den Steppenkreis und den südlichen Altai von allen Seiten erforschte. Seine unerschöpfliche Energie und einen klaren Verstand bewahrte er sich bis zu seinem Tod. Das Haus von Michaelis war eine Art Kulturzentrum, wo

Alte Ansicht von Ust-Kamenogorsk.

sich ein kleiner Kreis der progressiven Intelligenz der Stadt versammelte. Dort las man die neueste russische und ausländische Literatur; diskutierte aktuelle gesellschaftliche und politische Fragen und trug heiße Debatten aus. Die zaristische Verwaltung

verfolgte Michaelis weiterhin aufmerksam, und die Beschattung verstärkte sich in den Tagen der Revolution von 1905. Nachdem er eine Warnung erhalten hatte, dass bei ihm eine Durchsuchung stattfinden würde, verbrannte Michaelis in diesen Tagen viel Literatur und Briefe – Tschernischewski, Mendelejew, Kowalewski, Pantelejew, die Schelgunows. 1913, einen Monat vor seinem Tod, war Michaelis erneut gezwungen, den Briefwechsel mit vielen Vertretern der wissen-

Nachruf auf Michaelis.

schaftlichen und literarischen Welt zu vernichten. Es ist schwer, heute den gesellschaftlichen und historischen Wert des von ihm verbrannten Archivs einzuschätzen.

1908 sollte Michaelis unerwartet dienstlich nach Tomsk versetzt werden; er sagte offenbar in scharfer Art und Weise ab. Es entstand ein Konflikt mit seinen Vorgesetzten, in dessen Folge er am 24. August 1908 nach 35-jährigem Dienst in den Ruhestand ging. Ein Dienst, der ihm nichts gab außer Mitteln für ein bescheidenes Dasein.

Jewgeni Michaelis verstarb am 2. (nach heutiger gregorianischer Zeitrechnung am 15.) Dezember 1913, er ruht auf dem alten Uschanowski-Friedhof in Ust-Kamenogorsk. Nach dem betrüblichen Ereignis erschienen in sibirischen und Petersburger

Schriften Nekrologe, die würdigten, was für eine ganzheitliche, tief individuelle und vielseitige Persönlichkeit Michaelis gewesen sei. „Er war einer jener bunten Edelsteine, die in den hoffnungslos grauen Rahmen unseres Provinznestes eingesetzt waren, einer der Gerechten, dank derer Gott solch trostlose Städte verschont.“ „Die reiche geistige Organisation von Jewgeni Petrowitsch ließ keine Zweifel daran, dass Michaelis unter günstigen Umständen in der Wissenschaft zu einem großen, vielleicht sogar europäischen Namen hätte werden können.“

Ein strahlender Vertreter des besten Teils der Intelligenz der 1860er Jahre, der in sich progressiv-revolutionäre Überzeugungen mit Charakterstärke und Willen vereinte, trug er seine Überzeugungen und seine persönliche Würde unversehrt durch lange Jahr der Verbannung und blieb unter allen Umständen er selbst – ein Staatsbürger und Gelehrter.

Seit 1995 trägt die ehemalige Jubilejnaja-Straße in Ust-Kamenogorsk den Namen E. P. Michaelis-Straße.

Irina Jerofejewa, Doktor der Geschichtswissenschaft

GUSTAV GASFORT: EINER DER „AUFGEKLÄRTEN OFFIZIEREN DER RUSSISCHEN ARMEE“

Einen bedeutenden Beitrag zur umfassenden Erforschung, zur wirtschaftlichen Erschließung und zum sozio-kulturellen Aufbau Kasachstans leistete Mitte des 19. Jahrhunderts der bekannte russische Verwalter und Gouverneur Gustav Gasfort, dessen Name sowohl in der wissenschaftlichen und schönggeistigen Literatur als auch in der historischen Toponymie (Ortsnamenkunde) des Landes unvergessen blieb.

Gustav Gasfort wurde am 1. April 1794 auf dem Gut Mude in Estland in eine deutsche protestantische Adelsfamilie geboren. In seiner Jugend absolvierte er zunächst die Königsberger Hochschule für Veterinärmedizin, später dann 1811 die Schule des Fernmeldekorps, wo er den Dienstgrad eines Fähnrichs erlangte. 1812 nahm er am Vaterländischen Krieg gegen Napoleon teil, im Verlaufe dessen er sich in wichtigen Schlachten wie Borodino, Tarutino, Malojaroslawez, Wjasma und Krasny verdient machte, aber auch in den Jahren 1813 und 1814 auf wichtigen Feldzügen

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

der Russischen Armee kämpfte. Nach dem Krieg schloss er das Lehrinstitut für Kolonnenführer ab und wurde kurze Zeit später zum Ersten Adjutant im Stab des 1. Armeekorps und zum Generalmajor befördert. In dieser Funktion wurde Gasfort 1829 in das selbständige Kaukasus-Korps berufen und nahm an militärischen Operationen gegen die Bergbewohner im Kaukasus teil.

In den 1830er Jahren diente Gasfort zunächst in Polen, später in Moldawien und der Walachei. In Bukarest nahm er die Russische Staatsangehörigkeit an. 1840 wurde Gasfort zum Kommandeur der 15. Infanteriedivision ernannt, die unter seinem Kommando fast sieben Jahre im Kaukasus kämpfte. In den Jahren 1848 und 1849 war Gasfort an Kriegshandlungen in Mitteleuropa beteiligt, von denen er im Range eines Generalleutnants nach Russland zurückkehrte. Anschließend wurde er 1851 zum Generalgouverneur von Westsibirien ernannt und siedelte nach Omsk um; ab 1853 bekleidete er das Amt eines Generals der Infanterie.

Auf diesem Posten versah er fast zehn Jahre seinen Dienst, wobei er Verwaltungsobliegenheiten regelte und mit seiner Aufgabe als Kommandeur des Sibirien-Korps vereinte.

Im südlichen Teil Westsibiriens machte Gasfort sich als durchgreifender und tatkräftiger Verwalter verdient, der seine ganze Kraft und seine Bemühungen auf die Festigung der Position Russlands im Siebenstromland konzentrierte.

Auf Initiative des Generalgouverneurs und mithilfe seiner aktiven Unterstützung konnte die militärische Expedition des Majors Peremyschski in die Bergregionen des Transil-Alatau ins Leben gerufen werden. Im Ergebnis dieser Expedition wurde 1854 die Stadt Werny als militärische Festung gegründet - die spätere Hauptstadt Kasachstans Alma-Ata.

In den Folgejahren förderte Gasfort mit aller Kraft die Entwicklung der örtlichen Verwaltung des Siebenstromlandes durch den wirtschaftlich-kulturellen Aufbau neu eingemeindeter Gebiete, durch die Entwicklung der heimischen Landwirtschaft und des Karawanenhandels mit West-China sowie die Erschließung neuer Städte.

Ungeachtet dessen, dass Gasfort eine starke dienstliche Belastung zu tragen hatte, widmete er darüber hinaus seine Aufmerksamkeit der Organisation von Sonder-Forschungsexpeditionen in verschiedene Gebiete Südostkasachstans und Kirgisiens, für die er fähige und talentierte Menschen gewinnen konnte.

Der Zusammenschluss dieser Region mit dem Russischen Reich eröffnete ungeahnte Möglichkeiten zur Wissensaneignung über die Nachbarvölker und die zentralasiatischen Gebiete. Diese Chance wollte sich der Gouverneur Westsibiriens nicht entgehen lassen. Zu dieser Zeit lag die ganze Aufmerksamkeit der wissenschaftlich interessierten Öffentlichkeit Europas auf dem nördlichen Tianschan-Gebirge, in welches seit Marco Polo keiner der europäischen Forschungsreisenden bisher vordringen konnte.

Das Interesse an diesen unbekanntem, rätselhaften Regionen Zentralasiens wurde vor allem durch die Veröffentlichung Alexander von Humboldts fundamentaler Forschungsarbeit „Zentralasien“ entfacht, welche ausschließlich auf Grundlage literarischer Quellen entstanden ist.

Diese herausragende Arbeit bestimmte auf viele Jahrzehnte die wissenschaftliche Ausrichtung sowie die Hauptreiserouten vieler berühmter europäischer und russischer Forscher.

Die ersten Vertreter waren drei äußerst zielstrebige bayrische Doktoren von der Münchner Universität, die Gebrüder Schlagintweit, sowie der damals noch blutjunge russische Gelehrte P. Semjonow.

1854 traten die Brüder Herrmann, Robert und Adolf Schlagintweit in den Dienst der ostindischen Gesellschaft und begaben sich nach Britisch-Indien.

Im Verlaufe von drei Jahren studierten sie die unendlichen Weiten Indiens, Tibets, die Wüste Karakorum und Chotan, erreichten die Bergketten von Kunlun und die sengenden Wüsten von Afghanistan. Im Juli 1856 unternahmen Herrmann und Robert Schlagintweit eine Reise in das Gebiet Kunlun und Chotan, wodurch sie letztendlich zu den ersten Europäern über-

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

haupt wurden, die Karakorum und Kunlun von Süd nach Nord durchquerten und die Chotan-Oase besuchten.

Die Forscher legten ungefähr 300 Meilen durch Ost-Turkestan zurück und konnten in nur 26 Tagen eine beeindruckende Arbeit vorweisen.

Sie erstellten umfangreiche naturwissenschaftliche und ethnographische Studien und sammelten viele Informationen über die Handelswege nach Badachschan, Zharkent, Kaschgar, Kokand und Aksu, dokumentierten die bereisten Gebiete in unzähligen Aufnahmen, führten meteorologische und geologische

Gustav Gasfort (Portrait des Künstlers Boulanger).

Forschungen durch und konnten später die Hypothese von Humboldts über den eigenständigen Status Kunluns auf Grundlage des bearbeiteten Materials bestätigen.

Für ihre Verdienste in der Forschung über Ost-Turkestan wurde den deutschen Forschungsreisenden Robert und Herrmann Schlagintweit in den 60er Jahren des 19. Jahrhundert in Russland der Ehrentitel „Sa-Kunlunskie“ verliehen, was soviel wie „Die von hinter dem Kunlun Kommenden“ bedeutet.

Fast zur selben Zeit mit den Brüdern Schlagintweit unternahm auch der russische Forscher P. Semjonow 1856-57 von der sibirischen Seite aus - über Omsk-Semipalatinsk-Werny - seine berühmte Reise in den Tienschan.

Seine Entdeckungen veranlassten ihn zur Widerlegung der Humboldtschen Theorie über die vulkanische Entstehung des Tienschan-Gebirges und erlaubten ihm die Erklärung der eigentlichen geologischen Herkunft dieser Gebirgsgüge.

Infolgedessen wurde Semjonow für seine Errungenschaften auf dem Gebiet der Geographie von führenden Wissenschaftlern der Russischen Gelehrtengemeinschaft der Ehrentitel „Tienschanski“ verliehen (etwa: „Der aus dem Tienschan Stammende“).

Im Frühjahr 1857 brachen Robert und Herrmann Schlagintweit über die britischen Kolonien im Mittleren Osten nach Europa auf, P. Semjonow jedoch reiste vom Tienschan über die Nomadengebiete der Kirgisen und Kasachen weiter über Westsibirien nach St. Petersburg. Der dritte und jüngere Bruder der Schlagintweits, Adolf, entschloß sich, die begonnene Arbeit zuende zu führen und versuchte, nach Scharkent und in andere Städte Ost-Turkestans vorzudringen.

Dieses Ziel vor Augen, durchquerte er im Juli 1857 die Wüste Karakorum und erreichte Anfang August Scharkent. Alle weiteren Spuren des Vorrückens Adolf Schlagintweits nach Ost-Turkestan verloren sich vollständig im Sande; seine Brüder konnten in den asiatischen Kolonien Großbritanniens nichts über ihn in Erfahrung bringen.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

In den Folgemonaten unternahm die britische Kolonialmacht nicht wenige Anstrengungen, das Schicksal des deutschen Forschers aufzuklären und Teile seines Eigentums ausfindig zu machen. Jedoch waren diese Suchbemühungen nicht von Erfolg gekrönt.

Über die Umstände des Verbleibs Adolf Schlagintweits in Ost-Turkestan waren in Europa eine Menge unglaublicher und widersprüchlicher Gerüchte im Umlauf, weswegen sich die Berliner Geographische Gesellschaft auf Initiative von Herrmann und Robert Schlagintweit an russische Forscher wandte, um der Spur des Vermissten nachzugehen oder den Tod ihres jüngeren Bruders aufzuklären.

Das Russische Außenministerium und die Russische Geographische Gesellschaft reagierten umgehend auf den Aufruf der europäischen wissenschaftlichen Öffentlichkeit und beteiligten sich aktiv an der Suche nach ihrem deutschen Kollegen.

Die Kunde über die große Beunruhigung der Gelehrten hinsichtlich des spurlosen Verschwindens Adolf Schlagintweits in

Blick auf die Festung Werny vom Ufer der Almatinka.

Irina Jerofejewa

den Weiten Zentralasiens gelangte im Sommer 1857 über Sonderkuriere bis zum russischen Forschungsreisenden Semjonow, der zu dieser Zeit von seiner berühmten Reise in den Tienschan über Nordkirgisien und Kasachstan zurückkehrte.

Als Semjonow von den Ermittlungen im Hauptverwaltungszentrum Sibiriens und dem Stand der Nachforschungen zum deutschen Forscher erfuhr und daraufhin in Omsk eintraf, bat er dort den Generalgouverneur Gasfort auf einem Treffen um Hilfe und Unterstützung für die europäischen Gelehrten und rief ihn zur Auffindung Adolf Schlagintweits bzw. zur Aufklärung seines Todes auf.

Pjotr Petrowitsch Semjonow-Tienschanski.

Dafür riet Semjonow dem Generalgouverneur, den Leutnant Tschokan Walichanow in einheimische Tracht gekleidet nach Kaschgar abzukommandieren, um dort Erkenntnisse über die Todesumstände Dr. Adolf Schlagintweits zu gewinnen, die sowohl die Russische als auch Berliner Geographische Gesellschaft interessierten - genauso wie die gesamte wissenschaftliche Welt. Auch solle er alles zusammentragen, was aus dem gesammelten Material und den Tagebüchern gerettet werden könne.

Gasfort stimmte diesem Vorschlag freudig zu und erklärte Semjonow dass er begabten Menschen, denen er begegnete, schon immer und überall seine helfende Hand reichte. Dabei stellte er jedoch klar, dass eine derartige Reise nur mit Erlaubnis der Zentralregierung stattfinden könne.

In den Folgemonaten gewann der Generalgouverneur die Unterstützung des Russischen Außenministeriums in der Organisation einer wissenschaftlichen Expedition nach Kaschgar und beteiligte sich selbst aktiv an der Vorbereitung dieses überaus komplizierten und gefährlichen Vorhabens.

Das starke Interesse Gasforts an der praktischen Umsetzung des mutigen Vorhabens Semjonows wurde nicht nur durch seinen Diensteifer auf hohem Posten hervorgerufen (welches auch oft von sowjetischen Historikern bestätigt wurde), sondern vielmehr durch ein breites Spektrum humanistischer Grundsätze.

Diese Grundsätze und Ziele lagen in seinem intellektuellen Geist und seinem weiten weltanschaulichen Horizont begründet, da dieser Verwaltungsbeamte entgegen den tendenziösen Behauptungen einiger Historiker bei weitem nicht zu den mittelmäßigen selbstzufriedenen Staatsdienern zählte.

Gasfort gehörte nach Einschätzung Semjonow-Tienschanskis, der ihn sehr gut gekannt hatte, zu den aufgeklärtesten Offizieren der Russischen Armee seiner Zeit mit einer fundierten wissenschaftlichen und militärischen Ausbildung, mit großer Berufserfahrung und unbestreitbaren militärischen Fähigkeiten, seine Persönlichkeit zeichnete sich durch Tapferkeit und tadellose Ehrlichkeit aus.

Der damals berühmte Militär und Forscher General I. F. Babkow erinnerte sich wiederum mit folgenden Worten: „Gasfort war ein kluger Mensch - und ein guter Verwalter.“ Ein anderer aufgeklärter Zeitgenosse, der Militäringenieur und Schriftsteller P. K. Martjanow schrieb folgendes über Gasfort: „Gasfort war ein gelehrter General, nicht im Sinne unserer gebildeten hohen Militärs, die an der Akademie des Generalstabs ausgebildet wurden, sondern er war ein außergewöhnlicher Wissenschaftler, der seine Bildung an russischen und ausländischen Universitäten und Akademien erhielt und in verschiedensten Wissenschaften fünf Dokortitel erhielt. Ein Mann in ehrwürdigem Alter, stets menschlich, umgänglich und angenehm, der in seinem ganzen Auftreten, seinen Manieren und seiner Stimme eher für einen Professor gehalten wurde als für einen fronterfahrenen Truppen-General.“

Aufgrund der Tatsache, dass Gasfort über umfangreiches Wissen auf verschiedensten Gebieten verfügte und sich in der ihm auferlegten Verantwortung und seinen Pflichten stets als fähig und kompetent erwies, wollte er kluge und tatkräftige Helfer in sein Verwaltungsamt nach Sibirien holen, unter denen sich viele Deutschstämmige in Russlands Diensten befanden.

Dabei zeigte er selbst ungeteiltes Interesse am Studium Zentralasiens und unterstützte aktiv die Bestrebungen seiner jungen begabten Untergebenen, sich mit geographischen und ethnographischen Studien zu beschäftigen.

Nicht unerwähnt bleiben sollte Gasforts überaus bedeutungsvolle Unterstützung und Hilfe für den begabten Kasachen Tschokan Walichanow und den sibirischen Kosaken Grigori Potanin in der praktischen Umsetzung ihrer künstlerischen Vorhaben, welches den beiden jungen Menschen später geholfen hat, herausragende Forschungsreisende zu werden.

Die russische Forscher-Expedition ins östliche Turkestan verzögerte sich schließlich aus verschiedenen Gründen bis zum Frühjahr des darauffolgenden Jahres. Erst am 25. Juni 1858 konnte die Handelskarawane des Semipalatinsker Kaufmanns

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

Bukasch Chaupbajew und des Karawanenführers Musabai Tochtabai-Kasymows Kurs auf Südosten nach Kaschgar nehmen - wobei sich der russische Offizier Tschokan Walichanow als verkleideter sartischer Händler unter dem Namen Alimbai mitten unter ihnen befand.

General Gasfort, der sich Walichanow persönlich stark verbunden fühlte, stand bis zum Grenzübertritt der Karawane nach China mit dem jungen kasachischen Leutnant in ununterbrochenem Briefwechsel, oft unterzeichnete er seine dienstlichen Anweisungen an Walichanow mit warmherzigen ermutigenden Worten, wie: „Ergebenst, der Ihnen wohlgesonnene G. Gasfort“.

Am 1. Oktober 1858 kam Tschokan Walichanow unter Lebensgefahr in Kaschgar an und hielt sich dort bis zum 11. März 1859 auf. Aus Ost-Turkestan kehrte er am 12. April in die Festung Werny zurück, von wo er den Generalgouverneur Westsibiriens über das tragische Schicksal Adolf Schlagintweits in Kenntnis setzte.

Nach Abschluß der Expedition nach Kaschgar und Ankunft des mutigen kasachischen Reisenden in Omsk unterstützte General

Der deutsche Geograph und Alpinist Adolf Schlagintweit mit seinen Brüdern.

Gasfort - nach Angaben des Zeitzeugen und russischen Orientalisten Weselowski - Walichanow nicht nur in der umgehenden Bearbeitung des gesammelten Materials, sondern beteiligte sich auch höchstpersönlich an der redaktionellen Aufbereitung des Reiseberichts und kommandierte Walichanow dann nach St. Petersburg.

Die zielgerichtete Unterstützung, die der „gebildete General“ Gasfort dem jungen Walichanow und anderen russischen Wissenschaftlern in der Erforschung der bis dahin unbekanntem Region Zentralasiens vielfach zukommen ließ, wurde ihm infolgedessen von seinen Landsleuten verdientermaßen hoch angerechnet.

In der Zwischenzeit, als sich Walichanow noch in Kaschgar aufhielt, wandten sich die verzweifelten Brüder Herrmann und Robert Schlagintweit am 8. November 1858 mit einem Brief an den Russischen Außenminister A. M. Gortschakow. Darin baten sie den russischen Kanzler, mithilfe der Grenzbeamten des Westsibirischen Generalgouvernements glaubwürdige Erkenntnisse über das Schicksal ihres jüngeren Bruders zusammenzutragen,

Musizierende Derwische in Kaschgar.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

da diese Beamten enge Kontakte mit Kasachen und angrenzenden zentralasiatischen Nachbarvölkern pflegten.

Am 29. November 1858 wandte sich wiederum Fürst Gortschakow mit einem Schreiben an den Generalgouverneur Gasfort, der seinerseits eine Eilverfügung über die Zusammenstellung aller interessanten Fakten an den Militärgouverneur für das Gebiet der sibirischen Kasachen, Generalmajor von Friedrichs, schickte. Von Friedrichs brauchte nicht sehr viel Zeit, um die nötigen Informationen über Adolf Schlagintweit für diese Anordnung zusammenzutragen. Er fand umgehend die notwendigen Mittelsleute.

Gustav von Friedrichs (1788-1880) stammte ursprünglich aus einer estnischen Provinz und war Abkömmling eines alten Ostsee-Adelsgeschlechtes und war wie sein direkter Vorgesetzter Gasfort ein umfassend gebildeter, fähiger und tatkräftiger Verwalter. Er erhielt durch Privatunterricht eine fundierte Bildung, sprach fließend Deutsch, Französisch und Schwedisch und war über die größten wissenschaftlichen Entdeckungen seiner Zeit bestens informiert. Des weiteren nahm er 1812 am Großen Vaterländischen Krieg gegen Napoleon und vielen bedeutenden Schlachten der Russischen Armee von 1813 und 1814 in Westeuropa teil. Für die bewiesene Tapferkeit und seinen Heldenmut in der Eroberung von Paris wurde Gustav von Friedrichs 1814 von der Zarenregierung mit der Silbermedaille ausgezeichnet; vom Herzog von Hessen, Philip dem Großzügigen, erhielt er den Orden Zweiter Klasse. Bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts versah er seinen Dienst in den Eliteeinheiten der Russischen Armee im europäischen Teil Russlands, 1850 jedoch wurde von Friedrichs nach Westsibirien versetzt. Am 31. Dezember 1854 übernahm Gustav von Friedrichs auf Befehl des Kaisers den Dienstposten eines Militärgouverneurs für das Gebiet der sibirischen Kasachen und diente dort fast zehn Jahre.

Ähnlich wie Gasfort konnte sich der Militärgouverneur von Friedrichs auf seine zahlreichen gebildeten und fähigen Helfer verlassen, dank derer er sehr gut über die Eigenarten und Aus-

Irina Jerofejewa

prägungen der ihm unterstellten kasachischen Sultane in den äußeren Bezirken seines sibirischen Hoheitsgebietes informiert war.

Mit der Organisation und Zusammenstellung der Erkenntnisse über das Schicksal Adolf Schlagintweits beauftragte er direkt seinen Vertreter und aufgeklärten Verwalter polnischer Herkunft, Oberst K. K. Gutkowski (1801-1867), wobei er ihm eine klare Unterweisung gab, wer genau von den kasachischen Chanen und Sultanen diesen schwierigen und delikaten Auftrag am erfolgversprechendsten erfüllen konnte.

Als Gustav von Friedrichs letzteren seine Anordnungen in Bezug auf die Nachforschungen gab, wies er ihn im Einzelnen an:

Tschokan Walichanow.

Am Gasfort-Pass.

„Ich bitte Sie ergebenst, gnädiger Herr, das Schicksal Adolf Schlagintweits mittels der Hohen Sultane in den Grenzregionen und Gebieten der sibirischen Kasachen und Kirgisen sowie der Karawanenführer und Personen, die nach Kokand und Taschkent Verbindungen haben, in Erfahrung zu bringen!“

Des Weiteren präzisierte der Militärgouverneur seine Absicht, indem er Gutkowski empfahl, sich in erster Linie auf den höchsten kasachischen Sultan des Akmolinsker Gebietes, Ibrahim Zhaikpajew, zu stützen, „da dieser ständige Verbindungen zu Taschkent habe...“ Gutkowski solle den Sultan beauftragen, „sämtliche dem Fall zuträglichen Informationen an ihn weiterzuleiten.“ Anfang 1859 befahl Gutkowski alle Vorgesetzten militärischer Einheiten und auch alle kasachischen höheren Sultane, ihm sämtliche Informationen und Erkenntnisse über den Verbleib Adolf Schlagintweits zukommen zu lassen, die sie imstande sind in Kasachstan und Zentralasien zu gewinnen.

Am 12. April 1859 kehrte Tschokan Walichanow aus Kaschgar mit der Karawane in die russische Festung Werny zurück und berichtete als Erster von den Todesumständen Schlagintweits,

Irina Jerofejewa

der für die Weigerung, dem turkestanischen Diktator Walichan Tore Papiere für den Kokander Chan auszuhändigen, mit seinem Leben bezahlen mußte.

Dank persönlicher hilfreicher Kontakte berühmter russischer und deutscher Wissenschaftler und Gelehrter; dank der Vermittlung und organisatorischer Bemühungen des Generalgou-

Das Grab Gasforts.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

verneurs Gustav Gasfort und seiner Untergebenen, konnte die Gelehrtenwelt in Europa schließlich vom tragischen Los des Forschers Schlagintweit erfahren.

1888 wurde auf Initiative des Russischen Konsuls in Kaschgar, N. Petrowski, an der Todesstelle Schlagintweits mit finanziellen Mitteln der Russischen Geographischen Gesellschaft ein Denkmal errichtet mit der Aufschrift: „Dem Reisenden Adolf Schlagintweit gewidmet, der in Kaschgar Opfer seiner Ergebenheit für die Geographie wurde - 14.-26. August 1857.“

Nachdem er den Posten als Generalgouverneur für Westsibirien verließ, ging Gasfort 1864 in den Ruhestand und kehrte nach St. Petersburg zurück, wo er seine letzten Lebensjahre verbrachte. Er starb am 5. Mai 1874 und wurde - nach einer Version - auf dem lutheranischen Wolkow-Friedhof in St. Petersburg beigesetzt, eine andere Version behauptet, er sei auf dem Familiengut in Estland begraben worden.

Gasfort wurde im Laufe seiner langjährigen Dienstzeit mit dem Orden der Heiligen Anna 4., 2. und 1. Klasse sowie 2. Klasse mit Diamanten besetzt, ausgezeichnet. Des weiteren wurde ihm der Orden des Heiligen Wladimir 4. Klasse mit Ordensschleife, 2. Klasse und 1. Klasse mit Schwertern verliehen, als auch der Weiße Adler, der St. Georgs-Orden 3. Klasse sowie des Heiligen Alexander Newski mit Diamanten, einem goldenen Säbel und der Aufschrift „Für Heldenmut“ überreicht.

Gasfort war als aktiver Koordinator und Organisator vielseitigster Forschungen in Westsibirien und angrenzenden Nachbarregionen Zentralasiens sowie ein Ehrenmitglied der Freien Wirtschaftlichen Gesellschaft und der Russischen Geographischen Gesellschaft der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften.

Zum Gedenken an Gustav Gasfort ist einer der höchsten Gebirgszüge des Dschungarischen Alataus, der sich im Gebiet Almaty befindet, nach ihm benannt worden.

KARL MÜLLER: DIPLOMAT, REISENDER UND FORSCHER

Dem deutschen Forschungsreisenden und Diplomaten Karl Müller kommt der Verdienst zu, sowohl die Zentralkasachstan und die südlichen Gebiete der kasachischen Steppe erkundet zu haben - wohin bis dahin noch keiner der europäischen Reisenden und Gelehrten je einen Fuß gesetzt hatte – als auch zur Befreiung des später berühmten Herrschers über die kasachischen „Horden“, Abylai (1711-1780), aus der dschungarischen Gefangenschaft beigetragen zu haben.

Es sind nur wenige biographische Daten von Karl Müller erhalten geblieben. Aus indirekten Angaben ist bekannt, dass er nicht später als 1825 in den Staatsdienst des Russischen Reiches eintrat und noch bevor der kasachische Chan Abul Chair (1710-1748) zum russischen Untertan wurde, im Infanterieregiment gedient hat, das in Astrachan stationiert war.

In der Mitte der 1730er Jahre wurde Müller dienstlich in den südlichen Ural versetzt und bei der Orenburger Kommission angestellt, wo er den Dienstgrad eines Leutnants des Infanterie-Garnisonsregimentes von Pensa erhielt.

Das Heer befand sich zunächst in der Orsker Festung, wurde jedoch 1743 in die neugegründete Stadt Orenburg ausgelagert, wo angrenzend baschkirische und kasachische Nomadenvölker lebten.

Im Gebiet Orenburg verbrachte Müller nicht weniger als zehn Jahre, in denen er sich bis 1744 bis zum Oberst hochdiente. Seine Lebensumstände und weitere dienstliche Tätigkeit sind den Historikern bislang nicht bekannt.

Der Abkommandierung in das weit entfernte Orenburg hatte es Müller schließlich zu verdanken, dass sich ihm – dem jungen Offizier – erfolgversprechende Perspektiven für seine dienstliche Karriere und zum beruflichen Wachstum eröffneten.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

Zu dieser Zeit schon verfügte Müller über profundes Wissen in der Geographie und Geschichte Zentralasiens, das in kürzester Zeit die Aufmerksamkeit des Leiters der Orenburger Kommission, des später weithin bekannten Historikers, Geographen und Ethnologen W. N. Tatischschew (1686-1750), auf sich zog. Dadurch gelangte Müller in dessen engeren Kreis.

Insbesondere im Gespräch mit Karl Müller offenbarten sich in vollem Umfange solche Persönlichkeitsmerkmale wie seine umfassende Gelehrsamkeit, seine schnelle Auffassungsgabe in Bezug auf Fremdsprachen, seine Arbeitsfreude und sein diplomatisches Geschick.

Der neugierige und tatkräftige Offizier strebte seit den ersten Tagen seines Aufenthalts in Orenburg mit großer Eigeninitiative und Begeisterung danach, in die ihm fremde Kultur einzutau-chen, indem er oft mit den nach Orenburg zugereisten kasachischen Nomaden ins Gespräch kam und sowohl sein angelesenes Wissen über die fremden Länder und Völker Zentralasiens be-

In der Festung Orenburg (Orsk).

reicherte als auch seinen ethnographischen Horizont erweiterte. Mitte der 1730er Jahre führte Karl Müller mehrere Dienstreisen im Auftrag I. K. Kirillows und der Orenburger Kommission sowie des Kollegiums für Auswärtige Angelegenheiten in die angrenzenden Nomadenlager der Kleinen und Mittleren Horde durch, wo er sich direkt vor Ort mit der politischen Situation vertraut machte, verschiedenartige Erkenntnisse über den Nomadenalltag, Gebräuchen und Traditionen der kasachischen Nomaden gewann und nicht zuletzt in den Auls der Steppe umgangssprachliches Kasachisch erlernte.

1736 erstellte Kirillow einen umfassenden Plan zu Kasachstan und Zentralasien und übersandte ihn nach St. Petersburg. Nachdem er die möglichen Perspektiven zur Aufnahme direkter Handelsbeziehungen zwischen Orenburg und Turkestan und

Der Südosten des Russischen Reichs am Vorabend der Orenburger Expedition (1734-1737).

Taschkent bewertet hatte, unterbreitete er den Vorschlag, über Taschkent nach Indien, Mungala und China eine Reiseroute anzulegen und dabei zu klären, ob diese letztendlich kürzer als die Buchara-Strecke sein könnte.

Der Begründer Orenburgs schrieb außerdem, dass zur Erfüllung dieses Plans beabsichtigt war, im Sommer Handelskarawanen nach Taschkent, Chiwa und Buchara zu entsenden.

Zwei Jahre später versuchte der Nachfolger des ersten Leiters der Orenburger Expedition, W. N. Tatischtschew, die geplanten Projekte und Instruktionen umzusetzen, indem er im Sommer 1738 die Inmarschsetzung der ersten russischen Handelskarawane von Orsk nach Taschkent veranlasste.

Schon vor der Reise Müllers nach Taschkent hatte die Zarenregierung 1731 den Versuch unternommen, direkte Handelsbeziehungen zwischen Russland und den angrenzenden zentralasiatischen Nachbarn jenseits der kasachischen Steppe herzustellen. Damals wurde der Oberst der russischen Artillerie aus Brandenburg Johann Gustav Gerber mit einer Handelskarawane entsandt; seine Mission scheiterte jedoch kläglich. Die Karawane der Handelsleute wurde auf der Hälfte des Weges in der Steppe jenseits des Urals von Kasachen der Kleinen Horde mit Sultan Batyr als Anführer ausgeraubt.

Trotz des erfolglosen Vormarschs Gerbers nach Zentralasien setzten die Würdenträger am Zarenhof in St. Petersburg große Hoffnungen in die neue Expedition, da sie diese Reise als ersten entscheidenden Schritt zur Aufnahme von Handelsbeziehungen zwischen Russland, Taschkent und Buchara ansahen.

Eine Sonderanweisung vom Kollegium für Auswärtige Angelegenheiten übertrug Müller den Auftrag, „für zollfreien Handel für russische Kaufleute einzutreten und ihn auch einzufordern, sich um eine Einreise nach Buchara zu bemühen, des weiteren das russische Warenangebot zu studieren und herauszufinden, welche Waren bei asiatischen Kaufleuten nachgefragt sind, eine Liste über die Waren zu erstellen, die in Russland benötigt werden und zu guter Letzt Informationen über russische Gefangene einzuho-

len und vom Chan in Taschkent deren Befreiung zu verlangen“. Einzelne Regelungen in der Anweisung gingen auf die Zusammentragung von Daten über Fundstätten wertvoller Erze und Metalle in der Umgebung Taschkents als auch die Vorbereitung einer topographischen Beschreibung des zurückgelegten Weges ein.

Karl Müller machte sich mit der Handelskarawane im August 1738 von der Orsker Festung auf den Weg und brach in Richtung Südosten nach Taschkent auf.

Von Orsk nach Taschkent legte er gemeinsam mit seinen Wegbegleitern die gewaltige Strecke von 1546 Werst zurück und erschuf in drei Monaten eine neue Karawanenroute über Mittel- und Südostkasachstan. Damit wurde Müller zum ersten europäischen Reisenden, dem es gelang, von Russland über die Wüste Betpakdala nach Zentralasien vorzudringen.

Allerdings wurde die Handelskarawane einmal in der Nähe von Taschkent fast vollständig ausgeraubt, alle Mitglieder der Expedition außer Müller wurden gefangengenommen.

Der Leiter der Expedition konnte dank der Russland wohlgesonnenen Anführer der südlichen Kasachenstämme einigermaßen wohlbehalten nach Taschkent gelangen, wo er einige Wochen lebte und das Gespräch mit der einheimischen Bevölkerung suchte. Außerdem konnte er persönlichen Kontakt mit dem Chan der Älteren Horde, Zholbarys (ca. 1720-1739), knüpfen, der damals die zentralasiatische Stadt und angrenzende bebaute Oasen beherrschte; des weiteren machte er Bekanntschaft mit den einflussreichen kasachischen Häuptern der Mittleren Horde, Scganybek (gest. 1751) und Nijas Batyr, sowie mit den dschungarischen Statthaltern im südlichen Kasachstan namens Kaschka.

Ende März 1739 gelang es Karl Müller, in Taschkent all seine Expeditionsmitglieder ausfindig zu machen und zu versammeln, wonach sie ohne Zeitverzug den Rückweg antraten, der fast zwei Monate in Anspruch nahm.

Als wichtige grundlegende Dokumente zu dieser Reise legten Karl Müller und sein Begleiter Alexei Kuschejow der Kommission für Auswärtige Angelegenheiten einen Reisebericht über

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

den Karawanenweg und eine Karte zum Marschweg mit allen erforschten Abschnitten der kasachischen Steppe vor.

Die Erkenntnisse und Fakten über das südliche Kasachstan und angrenzender Regionen wie das Fergana-Tal wurden 1744 vom Mitglied der Orenburger Kommission, dem später bekannten Historiker P. I. Ryschakow (1712-1777) verwendet und mit Verweis auf die Quelle in den Haupttext „Die Geschichte Orenburgs“ eingefügt, welcher vom Akademiemitglied G. F. Müller 1759 in St. Petersburg veröffentlicht wurde.

Dank dieser Veröffentlichung gelangten europäische Wissenschaftler an erste glaubwürdige Informationen über die politische Geographie, Ethnologie und Geschichte Südkasachstans und der Taschkenter Region.

Für die ertragene Mühe und seine Geduld wurde Karl Müller 1739 auf Befehl des Oberkommandierenden vom Leutnant zum Major befördert.

Mit seinem höheren Dienstgrad gewann Müller auch gleichzeitig an persönlichem Ansehen im Kreise der hohen Beamten des Orenburger Gebiets. 1740 nahm Karl Müller an wichtigen rus-

Brunnen und tatarische Moschee. Orenburg.

Irina Jerofejewa

sisch-kasachischen Verhandlungen teil. Er trug maßgeblich zur Stärkung der pro-russischen Ausrichtung der Herrscher über die Mittlere Horde, Chan Abulmambet (1739-1771) und Sultan Abylai, bei und förderte des weiteren auch die Einführung des

Abylai-Chan.

Treueschwurs auf den russischen Zarenthron im Protokollwesen in Orsk. Anfang der 1840er Jahre verschärfte sich die politische Situation erheblich aufgrund eines erneuten Ausbruchs des oiratisch-kasachischen Krieges in den kasachischen Horden. Im Winter 1741 drang das Heer der Dschungaren unter Führung des Feldherrn Septen in die Nomadenlager der Mittleren Horde ein. Während dieser Kämpfe wurde der einflussreiche Sultan Abylai von den Oiraten gefangen genommen.

Unter dem Ansturm der Dsungaren trat Chan Abulmambet den Rückzug zur Orsker Festung an, die Nomadenlager der Kasachen am Ischim und Tobol wurden verwüstet, die Truppen der Kleinen Horde erlitten im Tal des Irgis-Flusses schließlich eine Niederlage.

Da der Anführer der Dsungaren, der „Chuntaidschi“ Galdan-Zeren (1727-1745), beeindruckende militärische Erfolge errungen hatte, konnte er den kasachischen Chanen und Sultanen ein grausames Ultimatum setzen, indem er von ihnen die Anerkennung des politischen Protektorates der Dsungaren über die kasachischen Horden forderte, außerdem das Recht, über die kasachischen Nomaden zu verfügen, des weiteren die Zahlung von Abgaben und Steuern als auch die Entsendung von Geiseln (Amanaten). Die Herrschaft des dsungarischen „Chuntaidschi“ und sein Machtstreben untergruben in der Nomadenbevölkerung der Kleinen und Mittleren Zhus das Ansehen Russlands immens und brachten die strategischen Interessen des russischen Zarenreiches in dieser Region in große Gefahr.

Die Aussicht auf eine Vereinigung der Kleinen und Mittleren kasachischen Horden mit den Dsungaren und die Entstehung einer Grenze im Südosten Russlands mit dem neuen starken Reich der turko-mongolischen Nomaden führte zu ernsthafter Beunruhigung am Zarenhofe, was die russischen Herrscher dazu veranlasste, sich von ihrer vormaligen Taktik des passiven Beobachters kriegerischer Auseinandersetzungen zwischen den Kasachen und ihrer Nachbarn loszusagen und sich nun aktiv in die kasachisch-dsungarischen Beziehungen einzumischen.

Im Juli 1742 ordnete die Kommission für Auswärtige Angelegenheiten dem ersten Orenburger Gouverneur I. I. Nepljujew an, dem Herrscher Galdan-Zeren um jeden Preis die offizielle Anerkennung abzurufen, dass die Kasachen der Kleinen und Mittleren Horde Untertanen Russlands seien. Weiterhin solle er von ihm fordern, dass alle auftretenden kasachisch-oiratischen Streitigkeiten ausschließlich mittels der Machtorgane Orenburgs zu lösen sind. Um diese schwierige Aufgabe zu erfüllen, rieten die Petersburger Würdenträger ihrem Statthalter, einen in „Steppenangelegenheiten“ bewanderten und geschickten Offizier zu den Dschungaren zu senden, der dem dsungarischen Chan in idealer Art und Weise den Standpunkt der russischen Machthaber erklären und vorbringen konnte.

Als er diese strengen Anweisungen aus St. Petersburg erhielt, machte sich I. I. Nepljujew sofort an die Vorbereitung der anstehenden diplomatischen Mission.

Anfang 1742 erschienen in den Nomadenlagern des Chans Abulchair, des Herrschers über die Kleine Horde, Gesandte des dschungarischen Anführers mit einem Brief, in dem dieser in einem Ultimatum folgendes forderte: der Sohn Chan Abulchairs, Sultan Aitschuwak, sei als Geisel zu überführen, wobei gemeinsam mit ihm neun der einflussreichsten Ältesten in die Urga geschickt werden sollen; die Steuer in Höhe von einem „Korsak“ solle von jeweils hundert Höfen eingetrieben und bezahlt werden und die Handelskarawane solle ungehindert ins Land der Dsungaren gelangen und auch wieder zurück.

Karl Müller, der die Regeln und die Etikette des „Steppenlebens“ gut kannte, über politisches Taktgefühl und Beharrlichkeit verfügte, wurde zu Abulchair entsandt, um die politische Lage aufzuklären und sowohl den Chan als auch die dschungarischen Gesandten davon zu überzeugen, zum Gouverneur nach Orsk zu kommen.

Der Offizier Müller kam sehr gut mit diesem schwierigen Auftrag zurecht. Auf dem Treffen der Vertreter aller drei Horden mit den dschungarischen und karakalpakischen Gesandten erklärte

der Orenburger Gouverneur Nepljujew mit fester Stimme, dass die kasachischen Stämme der Kleinen und Mittleren Horde Untertanen des Russischen Reiches seien und der Dschungaren-Chan daher kein Recht auf eine Erhebung von Abgaben und Forderung von Geiseln habe. Alle Streitfragen zwischen den Kasachen und Oiraten möchten die dschungarischen Herrscher doch unmittelbar mit der russischen Zarenregierung regeln und nicht mit der Taktik separater Verhandlungen mit kasachischen Chanen und Sultanen. Im Interesse einer endgültigen Lösung des Konfliktes wurde entschieden, eine Gesandtschaft zu Galdan-Zeren unter Führung von Major Karl Müller zu schicken, welcher fließend Kasachisch beherrschte und daher schnell Kontakte mit den Nomaden knüpfen konnte.

Zur Verantwortung der Gesandten gehörte außerdem, Galdan-Zeren einen offiziellen Brief von Nepljujew mit der Forderung auszuhändigen, sich nicht in die Angelegenheiten zwischen Kasachen als Untertanen des russischen Reiches einzumischen und ihn darin zu überzeugen, dass künftig alle Konflikte mittels direkter Gespräche mit den russischen Kommandeuren im Grenzgebiet zu lösen seien.

Eine weitere wichtige Anordnung erforderte von Karl Müller, all seine diplomatischen Fähigkeiten zu nutzen und seine alten Beziehungen zum dsungarischen Adel spielen zu lassen, um Sultan Abylai und seine Untergebenen aus dsungarischer Gefangenschaft zu befreien. Da die Grenzbeamten dem russischen Gesandten die Erfüllung seines schwierigen Auftrags erleichtern wollten, führten sie mit Unterstützung von Chan Abulchair rechtzeitig alle gefangenen Kasachen an einer festgelegten Stelle zum Austausch mit Abylai zusammen.

Außerdem nahm man an, dass die russische Abordnung die kasachischen Sultane und Ältesten zu überzeugen vermochte, den Drohungen und ultimativen Forderungen Galdan-Zerens nicht nachzugeben und wie zuvor unter russischer Hoheit zu verbleiben. Einzelne Regelungen der Anweisung zielten auf Aufträge militärisch-aufklärerischen Charakters, die Karl Müller zu

erfüllen hatte: so z.B. die Bewertung des Angriffspotentials der Dsungaren und ihrer geopolitischen Interessen bezüglich der kasachischen Stammesverbände, die Präzisierung der Grenzen des oiratischen Landes als auch Hinweise und Erkenntnisse zum politischen Einfluss der dsungarischen Chane in ganz Zentralasien. Am 3. September 1742 brach Karl Müller mit seiner Expedition, die aus dem Fähnrich Nikolai Pasuchin, dem Vermessungstechniker Dmitri Tochtarow, dem Dolmetscher Iwan Jerofejew, dem Kapral Tichon Dmitrijew und Jaizker Kosaken bestand, von der Orsker Festung über kasachisches Nomadengebiet ins Land der Dsungaren auf.

Die Route führte sie nach Südosten an den Bergen Karaschettau vorbei über die Niederungen des Flusses Torgaja, zum nördlichen Teil der Wüste Karakum am Aralsee, wo Müllers Trupp dann den Fluss Sarysu an der unteren Strömung überquerte, am Fluss Karakingir entlang zu den Chan-Tau-Bergen, über die sie bis zu den kirgisischen Gebirgsketten gelangten; danach machte die Reiseroute eine Biegung nach Nordwesten und führte zum Gebirgszug Karatau. Die Expedition überquerte mehrere kleine Flüsse, die von den Gebirgsketten herab in die Ebene flossen und kam bis zum Unterlauf des Talas-Flusses in der Nähe von Turkestan. Von da folgte Müller der Route nach Osten, schaffte den Übergang über den Talas und lief am gesamten kirgisischen Alatau entlang, bis die Expedition zum Oberlauf des Flusses Tschu gelangte und am 15. November 1742 die angrenzenden Nomadenlager der Oiraten erreichte. Müller war gezwungen, die Verhandlungen zur kasachischen Frage mit dem von Galdan-Zeren bevollmächtigen „Noionen“ Sary-Mandschi zu führen, der die dsungarischen Truppen im Siebenstromland befehligte.

In den Nomadenlagern der Oiraten hielt sich die russische Gesandtschaft ungefähr drei Monate auf, um danach am 2. Februar 1743 den Rückweg anzutreten.

Vom Siebenstromland setzte sich die Expedition zunächst in südwestlicher Richtung nach Turkestan in Bewegung, wo sie ungefähr einen Monat pausierte. Danach führte Müllers Marsch-

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

route in den Norden der Region nach Russland durch die Wüste Betpakdala, am Fluss Sarysu vorbei zu den felsigen Bergen des Ulutau und dem Fluss Kara-Torgaja.

Müller verfolgte seinen Weg weiter nach Nordwesten, überquerte den Fluss Olkejek, den rechten Zulauf der Torgaja und erreichte am 14. Mai Orsk.

Insgesamt legte Karl Müller durch Zentral-, Süd- und Südostkasachstan eine Entfernung von mehr als 4000 Kilometern zurück, wobei viele durchfahrenen Gebiete, wie z.B. die Wüste Betpakdala oder die Tschu-Ili-Berge noch nie zuvor von Europäern bereist wurden und auch lange Jahre danach unentdeckt blieben.

Einige Jahre später erfuhr der angesehene britische Forscher und Reisende Jonathan Ganway von den großen geographischen Errungenschaften des russischen Entdeckers Karl Müller, der als erster Europäer eine Expedition in das Dsungarische Chanat unternommen hatte und vermerkte eigenhändig auf seiner Karte Zentralasiens Müllers Marschweg.

Ein Nomade.

Diese Karte war Bestandteil des zweibändigen Werkes Ganways, das 1753 in London unter dem Titel „Historischer Bericht über den britischen Handel jenseits des Kaspischen Meeres“ herausgegeben wurde. Dank diesem Buche erlangte der Name Karl Müller schon Mitte des 18. Jahrhunderts nicht nur in Russland, sondern auch in der europäischen Gelehrtenwelt Ruhm und Ansehen.

Die Gesandtschaft Müllers spielte auch in der Schlichtung der kasachisch-dschungarischen Beziehungen eine bedeutende Rolle. Dies kam sowohl in der Stabilisierung der militärischen und politischen Situation an der Grenze der kasachischen Nomaden und Dschungaren als auch in der Belebung des kasachisch-dschungarischen Handels zum Ausdruck.

Das wichtigste Ergebnis der russischen diplomatischen Mission war jedoch die Befreiung Sultan Abylais aus der dschungarischen Gefangenschaft, welche das Ansehen Russlands in den kasachischen Steppen wesentlich zu festigen vermochte.

Praktisch alle Beamten am Zarenhofe dieser Zeit, die diese Frage in Dienstsachen behandelten, bewerteten die Rückkehr des einflussreichen Sultans aus der Gefangenschaft als ausschließlichen Verdienst der Karl-Müller-Expedition. Es ist bezeichnend, dass auch Sultan Abylai selbst seit den ersten Tagen seiner Freilassung diese Auffassung vertrat.

In seiner persönlichen Botschaft an den Chan der Mittleren Horde Abulmambet, die Abylai gleich nach seiner Rückkehr aus der Steppe verfasste, warf der Sultan seinem Patron in einigen Schimpfworten Untätigkeit bezüglich des dschungarischen Chans vor und machte ihm unmissverständlich klar, dass „mir die Freiheit von dort allein...durch die Entsendung des Majors Müller gebracht“ worden war.

Genauso positiv wurde die Rolle der Befreiung Abylais durch die Expedition Müllers in der modernen Geschichtswissenschaft bewertet, so dass diese historische Begebenheit nicht nur in einer Reihe besonderer wissenschaftlicher Werke zur Geschichte Zentralasiens Niederschlag fand, sondern auch in umfassenden enzyklopädischen Ausgaben der letzten Jahre.

Im Mai 1743 erstellte Karl Müller eine Karte seines Reiseweges in das dsungarische Chanat und des Rückweges, bereitete ein ausführliches Reisetagebuch in drei Teilen vor, das von der gesamten Tätigkeit der russischen Expedition in den kasachischen und oiratischen Nomadengebieten Zeugnis ablegte sowie gesammelte Daten zur Aufklärung über die militärische und politische Situation in der südkasachischen Steppe präsentierte.

Auf der geographischen Karte Kasachstans stellte Müller die Lage der Flüsse Zentralasiens und Südostkasachstans (Torgaja, Sarysu, Tschu und Talas) schematisch dar, welche bis dahin europäischen Geographen und Kartographen unbekannt waren. Außerdem stellte er das Netzwerk vieler kleiner Flüsse dar, die in die großen Gewässer einmündeten.

Einhundert Jahre später wurde ein Exemplar dieser Karte im Orenburger Archiv vom bekannten russischen Geographen und Ethnologen J. W. Chanykow (1818-1862) entdeckt, welcher die Karte auch recht schnell zusammen mit einigen Anmerkungen in den „Geographischen Nachrichten“ veröffentlichte.

Der Artikel Chanykows lenkte die Aufmerksamkeit vieler russischer und europäischer Forscher und Gelehrter auf die Reiseberichte. Infolgedessen fand der Name Karl Müllers seit dieser Zeit in der wissenschaftlichen Literatur oftmals Erwähnung. Er fand sogar dauerhaften Eingang in die Weltgeschichte großer geographischer Entdeckungen und Reisen von Europäern in ferne asiatische Länder. In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts sowie Anfang des 20. Jahrhunderts schrieben namhafte Gelehrte wie J. W. Muschketow, I. F. Babkow, M. I. Wenjukow, B. W. Bartold, L. S. Berg u.v.a. über die Reisen Karl Müllers nach Taschkent und ins Land der Dschungaren.

Nach einhelliger Meinung all dieser wissenschaftlichen Autoritäten stellte diese Karte mit Müllers Marschweg in das Dschungarische Chanat bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts die erste und einzige geographische Quelle über das Gebiet der Tschu-Ili-Berge und dem Flussbett der Grenzflüsse Tschu, Talas und Sarysu dar, welche russischen Gelehrten lange Zeit unbekannt waren.

Die zweite Expedition in diese Region fand erst ganze einhundert Jahre nach Karl Müllers Reise statt. Sie wurde im Jahre 1843 von dem deutschen Forscher A.I. Schrenk durchgeführt, einem Professor von der Universität in Dorpat (Tartu). Ein weit-

Der Reisebericht Chanykow.

Es wurde bis dahin im Orenburger Archiv aufbewahrt. J.W. Chanykow konnte trotz immenser Bemühungen das Original nicht mehr auffinden.

Aus diesem Anlass schrieb Chanykow einige Jahre später: „Die erste klare Aussage bezüglich der sibirischen Kirgisen in der Steppe sollte im Reisejournal von Karl Müller 1742 getroffen worden sein, jedoch gelangte dieser Bericht leider nie in unsere Hände.“ In den nächsten Jahren wurde diese voreilige Erklärung von einer Vielzahl von Chanykows Schülern und Nachfolgern als recht glaubwürdig eingestuft, ein jeder wiederholte in seinen wissenschaftlichen Arbeiten unverändert die schon abgedroschene, aber fehlerhafte Version vom spurlosen Verschwinden der Handschrift Karl Müllers. In der Mitte des vergangenen Jahr-

aus dramatischeres historisches Schicksal erlitt das Reisejournal oder Reisetagebuch Karl Müllers. Ein Exemplar des Tagebuchs überreichte Müller gleich nach seiner Rückkehr nach Orenburg der örtlichen Provinzialkanzlei, zwei andere übersandte er nach St. Petersburg, an das Kollegium für Auswärtige Angelegenheiten und an den Senat.

Aufgrund schlechter Aufbewahrungsbedingungen der historischen Dokumente in der provinziellen Kanzlei ging das handschriftliche Original Karl Müllers schon Mitte des 19. Jahrhunderts für Forscher verloren.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

hunderts jedoch gelang es einem sowjetischen Gelehrten im Zuge seiner Forschung an der Stiftung „Kirgisisch-Kajsatzkische Angelegenheiten“ des Russischen Staatsarchivs für Alte Fundstücke in Moskau, die handschriftliche Kopie dieses historisch wertvollen Dokuments zu finden. Die Kopie wurde damals vom Forschungsreisenden Müller selbst für das Kollegium für Auswärtige Angelegenheiten erstellt.

2007 konnte das legendäre Reisetagebuch der Karl Müller-Expedition in die kasachischen Steppen und das Dsungarische Chanat im 6. Band der zehnbändigen Ausgabe „Geschichte Kasachstans in russischen Quellen des 15.-20. Jahrhunderts“ in Almaty veröffentlicht werden und ist nun dank dieses Fundes ein Gemeingut der Geschichtswissenschaft.

Seit dem Reisetagebuch 1742 und 1743 Karl Müllers verloren sich auch praktisch sämtliche Spuren dieses beeindruckenden Diplomaten, Reisenden und Forschers, der zur „mobilen Diaspora“ der Russlanddeutschen gehörte, im Sande der Geschichte.

Leider weiß man heute nichts mehr über das weitere Schicksal Müllers, aber selbst diese wenigen unvollständigen Fakten und Erkenntnisse, über die heutzutage Wissenschaftler in Kasachstan und im Ausland verfügen, erlauben eine große Wertschätzung jenes umfassenden und vielfältigen Beitrags, den Karl Müller für die Geographie selbst, für europäische geographische Forschungsinstitute und das historische und ethnologische Wissen über Zentralasien geleistet hat.

Es bleibt zu hoffen, dass das Studium des Lebenswerkes Karl Müllers auch in naher Zukunft weitergeführt werden möge und die noch folgenden Recherchen der Historiker in den GUS-Archiven Licht ins Dunkel der Biographie dieses berühmten Forschers und Helden der politischen Geschichte Kasachstans im 18. Jahrhundert bringen.

GEORG GOENS: DER GRÖSSTE KENNER DER VÖLKER DES OSTENS

Der angesehene Verwalter und Gelehrte Georg Gerhard Goens (1787 bis 1845), der 38 Jahre im Gebiet Orenburg diente, nahm Zeitgenossen zufolge einen „herausragenden“ Platz unter den Beamten der Orenburger Verwaltung ein und wurde als „größter Kenner“ der Völker des Ostens angesehen.

Goens entstammte einer verarmten baltendeutschen Adelsfamilie. In den Jahren 1803 bis 1806 studierte er an der philologischen Fakultät der Universität Dorpat (Tartu). Seinen Dienst begann er 1806 als Kadett im Petersburger Ingenieurskorps, doch innerhalb eines Jahres wurde er nach Orenburg als Fähnrich im Ingenieurskorps versetzt. 1815 wurde er in den Rang eines Stabskapitäns erhoben, 1817 zum Kapitän, 1821 zum Oberstleutnant, 1825 zum Oberst, 1834 zum Generalmajor.

In den Jahren 1814 und 1815 nahm Goens an zwei Expeditionen unter der Leitung des Kommandanten der Stadt Troizk Oberstleutnant Feofilatjew zur Suche nach Bleierz-Lagerstätten am Fluss Kara-Turgai teil. Die Expedition brachte Musterstücke von Kupfer- und Bleierz mit. Zu Ehren dieses Ereignisses wurde auf Geheiß Zar Alexander I. eine Gedenkmünze geprägt. Auf ihr gravierten die Meister des Werks in Miass folgende Worte ein: „Europa krönt Russland mit Ruhm, Asien tut ihm Schätze auf“. Unten auf der Münze findet sich die Inschrift: „Segensreiche Mine in der Kirgisensteppe entdeckt 1814“.

Anhand der Materialien dieser Reise fertigte Goens zwei umfangreiche Manuskripte geologisch-topographischer Natur an, die in der Form von Reisetagebüchern erstellt waren und unveröffentlicht blieben. Dabei handelt es sich um das „Tagebuch einer Reise von der Stadt Troizk auf der Orenburger Linie zur in der Kirgisensteppe am Fluss Kara-Turgai entdeckten Bleierzlagerstätte“ (1814) und das „Tagebuch, welches die insbesondere topographischen Beobachtungen enthält, die während der Expe-

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

dition von der Festung Ust-Uiskoje zur in der Kirgisensteppe am Fluss Kara-Turgai befindliche Bleierzlagerstätte und zurück in die Stadt Troizk in die Festung Sweringolowskaja gemacht wurden“ (1815). In beiden Arbeiten hielt er detaillierte Erkenntnisse zur Geographie Zentral-Kasachstans fest, gab konkrete historische Bezeichnungen der besuchten Orte sowie ihre traditionelle Volksetymologie an, beschrieb detailliert den Zustand des kasachischen Ackerbaus im Einzugsgebiet des Flusses Turgai und teilte eine Reihe weiterer wertvoller Informationen zur materiellen Kultur der kasachischen Nomaden mit. 2012 wurden die Tagebücher von Goens als wertvolle Quellen zur historischen Toponymie und Ethnographie des kasachischen Volkes in Astana in einem Sammelband mit Dokumenten des 18. und 19. Jahrhunderts herausgegeben, der von wissenschaftlichen Mitarbeitern des Nationalen Zentrums für Archäographie und Quellenkunde der Republik Kasachstan erstellt wurde.

Im Januar 1820 wurde Oberstleutnant Goens zum Leiter der Ingenieurabteilung des Orenburger Korps ernannt, vier Jahre später durch Befehl Zar Alexander I. vom 4. August 1824 zum Di-

Gedenkmedaille.

rektor der gerade eröffneten Militärschule Nepljujewskoje. Am 16. Januar 1825 wurde er Vorsitzender der Orenburger Grenzkommision und wirkte auf dem neuen Posten aktiv an der Entwicklung und Verbesserung der russisch-kasachischen Beziehungen mit. Das vieljährige Haupt der Grenzkommision war ein überzeugter Anhänger der Ausweitung von Ackerbau und Sesshaftigkeit unter der kasachischen Bevölkerung der Region und ermunterte das Streben des nomadischen Adels nach kultureller Entwicklung ihrer Wintersiedlungsgebiete und Entwicklung von Wirtschafts- und Handelsbeziehungen zwischen den Kasachen und den benachbarten sesshaften Völkern.

Seine Dienstkollegen und andere Zeitgenossen des Forschers beurteilen Goens einstimmig als stets humanen Menschen, den die Kasachen für gute Behandlung und Gerechtigkeit ihnen gegenüber beinahe „vergötterten“. Erstaunlich einfach und zugänglich für jedermann empfing der Vorsitzende der Grenzkommision nicht selten ohne weitere Umstände Tataren, Baschkiren, Kasachen und andere in seinem Haus und verständigte sich ohne Mühe in ihren Muttersprachen.

Die Kadettenschule Nepljujewskoje in Orenburg.

Den staatlichen Dienst auf dem Posten des Vorsitzenden der Orenburger Grenzkommission verband Goens mit aktiver gesellschaftlicher und religiös-aufklärerischer Tätigkeit und in der Zeit von 1839 bis 1841 war er Präsident des Kirchenrates der Lutheranischen Gemeinde in Orenburg.

Für seinen diensteifrigen und gewissenhaften Dienst an Russland wurde er mit dem Sankt-Stanislaus-Orden 2. Klasse, dem Sankt-Wladimir-Orden 3. Klasse, dem Sankt-Annen-Orden 2. Klasse und dem Sankt-Georgs-Orden 4. Klasse ausgezeichnet. Er war mit der Kursker Gutsherren-Tochter Awdotja Matwejewna Redina verheiratet, von der er Sohn Dmitri sowie zwei Töchter, Sofia und Natalja, hatte. Aufgrund seines Gesundheitszustands ging er am 3. Mai 1844 in den Ruhestand. Er starb am 10. Mai 1845 in Orenburg.

Georg Gerhard Goens war gut vertraut mit der russischen und ausländischen orientalistischen Literatur seiner Zeit und befasste sich über einen Zeitraum von vielen Jahren regelmäßig mit dem Sammeln von geographischen und historisch-etnographischen Informationen über die Kasachensteppe und mittelasiatische Chanate. Auf der Grundlage zahlreicher gesammelter Aussagen zentralasiatischer Gesandter und Händler gab Goens 1839 in Petersburg in deutscher Sprache die originelle Arbeit „Mitteilungen über Chiwa, Buchara, Kokand und den nordwestlichen Teil des chinesischen Staates“ heraus, die in einer Reihe der Petersburger Akademie der Wissenschaften erschien. Darin beschreibt der Autor ausführlich den seinerzeit aktuellen Zustand der drei zentralasiatischen Chanate und in geringerem Umfang Ost-Turkestans: ihr Territorium, den Verwaltungsaufbau, Kommunikation, Wirtschaft, Lebens- und Arbeitsweise der lokalen Bevölkerung. Da die Länder Zentralasiens bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts für russische Reisende und Kaufleute weiterhin verschlossen blieben, hatte dieses Buch für Staatsmänner und Gelehrte des damaligen Russlands einen großen Erkenntniswert. Seine wissenschaftliche und praktische Bedeutung hat es auch bis in unsere Tage nicht verloren, da viel dort angeführte historische Informa-

tionen in anderen schriftlichen Quellen dieser Periode fehlen. 2006 wurde das Werk von Goens ins Russische übersetzt und in Almaty im fünften Band der „Geschichte Kasachstans in westlichen Quellen des 12. bis 20. Jahrhunderts“ veröffentlicht.

Der Großteil der von ihm gesammelten und zusammengestellten historisch-ethnographischen Materialien wurde schon in jenen Jahren von vielen Forschern studiert. Mit einigen von ihnen machte sich Alexander von Humboldt 1829 zur Zeit seines Aufenthaltes in Orenburg bekannt, der später drei von Goens angefertigte geographische Karten Mittelasiens in seinem fundamentalen Werk „Zentralasien“ benutzte. Nachdem Goens aus dem Leben schied, hinterließ er einen vielseitigen und breiten handschriftlichen Nachlass, der aus 17 gebundenen Manuskripten und fünf Aktentaschen bestand, aus dem seinerzeit nur ein kleiner Teil der Materialien durch das Akademiemitglied Karl Ernst von Baer, den Geologen Gregor von Helmersen, den Militärtopographen Johann Blaramberg, die Geographen Ja. Chanykow und Pawel Nebolsin sowie dem Schriftsteller Wladimir Dal veröffentlicht wurde.

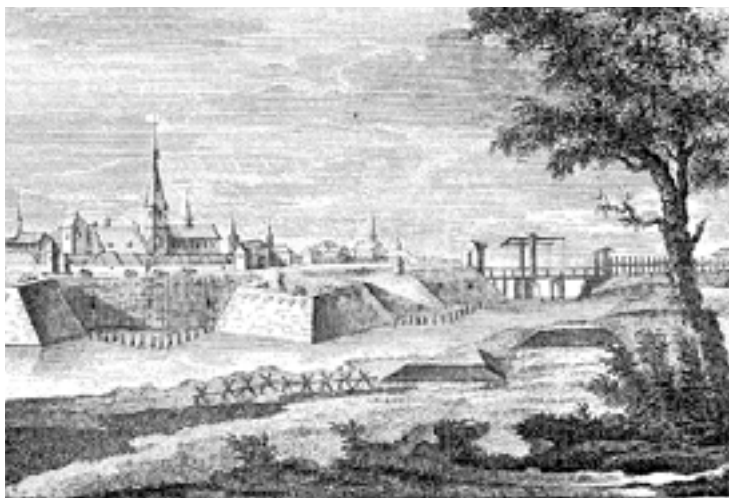
Bei dem größten Teil der erhaltenen Manuskripte von Goens handelt es sich um dienstliche Dokumente, Tagebücher, Denkschriften, Berichte, Bescheinigungen und Korrespondenz, die in den Fonds des Zentralen Staatsarchivs der Republik Kasachstan, dem Staatsarchiv des Gebiets Orenburg, dem Staatlichen Russischen Historischen Archiv (Sankt Petersburg), dem Staatlichen Russischen Militärhistorischen Archiv (Moskau) u.a. erhalten sind.

Ein anderer Teil der Manuskripte besteht aus von Goens in verschiedenen Jahren erstellten mannigfaltigen Auszügen aus den wichtigsten staatlichen Akten und orientalistischen Arbeiten sowie seinen eigenen Forschungsmaterialien von historisch-ethnographischem Charakter. Zu ihnen gehören aus Befragungen gewonnene Aussagen russischer Reisender, Kaufleute, Gefangener, Gesandter und Karawanenführer zu Fragen von Geographie, Wirtschaft, Alltag und Kultur der Kasachen, dem politischen Leben der Kasachensteppe und der zentralasiatischen Chanate.

Gustav Gasfort: einer der „aufgeklärten Offizieren der russischen Armee“

Bis vor kurzem wurde nur eine seiner Arbeiten über die Geschichte und Ethnographie Kasachstans veröffentlicht. Dabei handelt es sich um die relativ kurze Notiz „Herkunft der Bewohner und ihre Aufteilung“, die als Beilage zum Haupttext der Arbeit Johann Blarambergs „Militärisch-statistischer Überblick über das Gouvernement Orenburg“ (Sankt Petersburg 1848. S. 73-88) platziert wurde. Darin werden unter Nutzung einer großen Anzahl kasachischer Begriffe zahlreiche nationale Legenden und Stammbäume und die Stammesstruktur der Kasachen sowie Siedlungsorte verschiedener Nomadenstämme der Kleinen Horde aufgeführt.

2011 erschien in Almaty die historische Skizze „Aus der kurzen Übersicht über die Orenburger Kirgisen“ von Goens, geschrieben Ende der 1830er oder Anfang der 1840er Jahre (Geschichte Kasachstans in Dokumenten und Materialien. Band 1. Almaty 2011, S. 75-87). Sie wird aufbewahrt im Staatlichen Russischen Historischen Archiv (Sankt Petersburg) im persönlichen Fonds des bekannten Orientalisten Wasili Grigorjew, der sein Nachfolger

Eine Festung des russischen Reiches auf dem Gebiet Kasachstans.

auf dem Posten des Vorsitzenden der Orenburger Grenzkommission wurde.

Als Hauptquelle bei der Erstellung dieser Arbeit dienten dem Autor Aktenvermerke der lokalen Gouvernementskanzlei und seine persönlichen Eindrücke von konkreten Personen, die von der traditionellen Steppendaristokratie abstammten und von den Orenburger Beamten in den Jahren 1824 bis 1841 auf mittlerer

Die Geschichte Kasachstans in westlichen Quellen.

Die Geschichte Kasachstans im zweiten Viertel des 19. Jahrhunderts, die andere sachkundige Autoren jener Zeit wesentlich ergänzt und präzisiert.

In der gegenwärtigen Periode werden die historisch-ethnographischen Materialien von Goens von Erforschern Kasachstans nicht weniger benötigt, als in der vorrevolutionären Epoche. Und der Tag ist nicht fern, an dem der Großteil seiner Manuskripte über die Geschichte der Region herausgegeben wird und die dankbaren Leser in vollem Umfang den ewigen Wert dieser Arbeiten für die Geschichtswissenschaft schätzen können.

Dienstebene in den Verwaltungsapparat der Region kooptiert wurden. Diese Arbeit stellt eine detaillierte und kompetente Erzählung eines Augenzeugen über die Geschichte der politischen Tätigkeit der ersten Sultan-Herrscher der Kasachensteppe der Orenburger Verwaltung dar und enthält wertvolle Informationen über die Evolution des Sultansstands im administrativ-bürokratischen System Russlands und die Herausbildung einer kasachischen Verwaltungselite neuen Typs. Bis heute bewahrt sie ihre Bedeutung als wichtigste Quelle zur Geschichte des politischen Lebens

zur Geschichte des politischen Lebens

zur Geschichte des politischen Lebens

Культурное наследие немцев в Центральной Азии

Перевод на немецкий язык: Лариса Захарова («Генерал Кауфман и первые преобразования Туркестанского края», «Одиссея Готфрида Мерцбахера»), Малина Вайндль («Он принадлежал к числу «просвещеннейших офицеров русской армии», «Дипломат, путешественник, исследователь»), Роберт Калимуллин («В долине Зайлийских гор немецкие сады и парки», «Евгений Михаэлис, прообраз нигилиста Базарова», «Величайший знаток народов Востока»), Виктор Генц («Фридрих Вильгельм Радлов - знаток культуры и языков тюркских народов»).

В сборнике использованы иллюстрации из Центрального государственного архива кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан, личного архива В.Н.Проскурина.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Das Kulturerbe der Deutschen in Zentralasien

Übersetzung ins Deutsche: Larissa Sacharowa („General Kaufmann und die ersten Neuordnungen der Region Turkestan“, „Die Odyssee von Gottfried Merzbacher“), Malina Weindl („Gustav Gasfort: einer der ‚aufgeklärten Offizieren der russischen Armee““, „Karl Müller: Diplomat, Reisender und Forscher“), Robert Kalimullin („Gärten und Parks im Tal des Transili-Alatau“, „Jewgeni Michaelis, der Prototyp des Nihilisten Basarow“, „Georg Goens: der größte Kenner der Völker des Ostens“), Viktor Henz („Friedrich Wilhelm Radloff – ein Kenner der Kultur und Sprachen der Turkvölker“).

Im Sammelband werden Bilder aus dem Zentralen Staatsarchiv für Kino- und Fotodokumente und Tonaufnahmen der Republik Kasachstan, aus dem Privatarchiv von Wladimir Proskurin und Internetquellen genutzt.

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein.

Сборник

Культурное наследие немцев Центральной Азии

АООНК «Возрождение»

Редактор и составитель: Олеся Клименко

Компьютерная верстка: Вероника Лихобабина

Корректоры: Лариса Гордеева, Роберт Калимуллин,

Евгений Гильдебранд

Ответственный за выпуск: Олеся Клименко

Подписано в печать 26.11.12. Бумага.

Формат.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Алматы-Болашак».

**Сборник издан при финансовой поддержке Федерального
Министерства внутренних дел Германии.**

Sammelband

Das Kulturerbe der Deutschen in Zentralasien

AgVDK "Wiedergeburt"

Chefredakteurin: Olesja Klimenko

Layout: Veronika Likhobabina

Korrektoren: Larissa Gordejewa, Robert Kalimullin,

Eugen Hildebrand

Auflage: 1000.

Druckerei: "Almaty-Bolashak".

Gefordert durch das Bundesministerium des Innern.